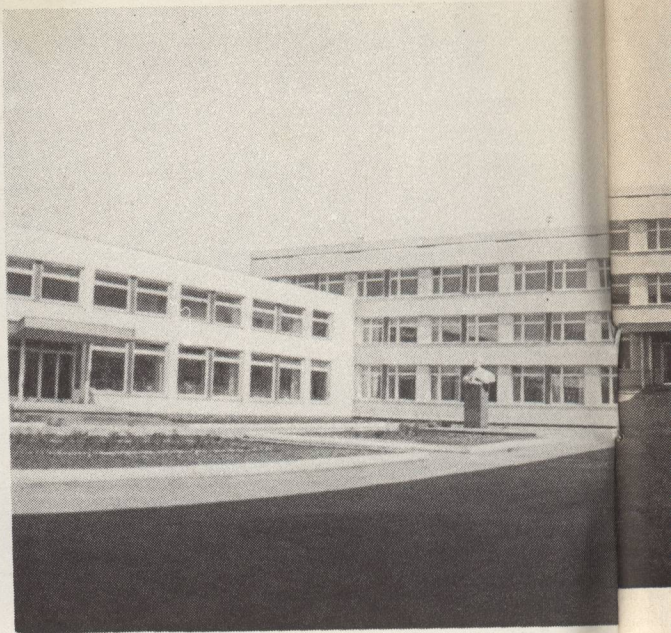

ПИОНЕР 4

АПРЕЛЬ ● 1975 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

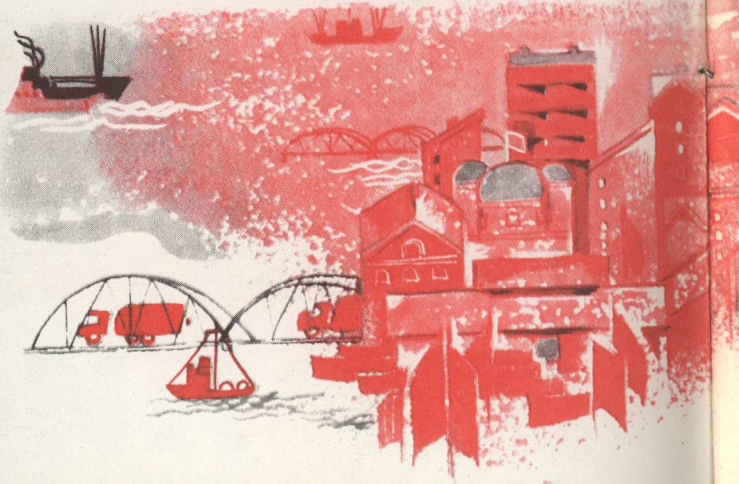

Здесь учился

**22 апреля—
день
рождения
Владимира
Ильича
Ленина**

В каждом советском городе есть памятник вождю Революции. В этот торжественный день тут принимают октябраты в пионеры, проводят линейки, сюда приносят цветы или приходят просто подумать и помолчать...

В этом городе, в Ульяновске, особенно много мест, связанных с именем Владимира Ильича Ленина,—здесь он родился, здесь прошли его детские годы. В гимна-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

Володя Ульянов

Фотографии С. ПОСТНИКОВА.

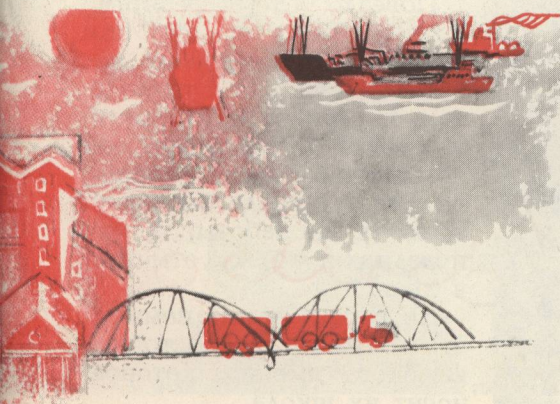
зии, где с 1879 по 1887 год учился Володя Ульянов, сейчас школа № 1. Современной школе стало тесно в помещении старой гимназии, рядом с ним построили большое красивое здание — вот оно, на верхнем снимке.

«Все лучшее — детям!» — говорил Владимир Ильич Ленин. Говорил еще в те суровые дни, когда совсем молодая Советская страна сражалась за самое свое существование.

Все лучшее — детям! Эти ленинские слова стали для нас законом. Расцветала, богатела страна. Просторнее, наряднее становились школы, детские сады, парки для ребят, дворцы пионеров. Мы привыкли к этому, не удивляемся: так и должно быть, конечно. Так завещал Ленин!

Школа № 1 в Ульяновске — одна из новостроек. Давай пройдемся по ней, посмотрим, как живут и учатся ребята.

Пост № 1. Стоять в почетном карауле — большая честь. Сегодня она выпала Валере Живаеву из четвертого «В» и Марине Кисляковой, первокласснице.

портреты Ленина, лягут на парту, за которой сидел Володя Ульянов.

В богатой школьной библиотеке много книг о Ленине, о Родине, о комсомоле. Найдутся здесь и журналы на любой вкус. Любимый стенд вот этих мальчишек — «Техника».

В школьном плавательном бассейне каждый день тренируются будущие чемпионы.

Сочинение по литературе выпускники пишут в том самом зале, где Владимир Ульянов сдавал экзамены на аттестат зрелости.

Совсем близко от школы стоит дом, в котором родился Владимир Ильич.

В тот день, когда малыши в первый раз переступают порог этой замечательной школы, и в день, когда для десятиклассников раздаётся последний звонок, комсомольцы вместе с октябрятами несут цветы к памятнику Ленина на берегу Волги. Цветы вырастили ребята в школьном зимнем саду — уголок его ты видишь на фотографии. В зимнем саду все работают с охотой. Еще бы! Цветы из этого сада украсят потом

Сейчас здесь музей, часто заходят сюда пионеры.

Повезло тем ребятам, которые родились в Ульяновске: они земляки великого Ленина! И повезло тем из них, кто учится в школе № 1: здесь все напоминает о Володе Ульянове. Все тут вроде бы как у всех: те же заботы, те же праздники, те же отметки в дневниках...

Но ребята всегда помнят, что должны быть достойны высокого имени, которое носит их школа.

Весенний сад

Василий
ФЕТИСОВ

Рисунки
И. КРАСУЛИНА.

Отрядом юных ленинцев пятнадцать лет назад был в день рождения Ленина заложен школьный сад.

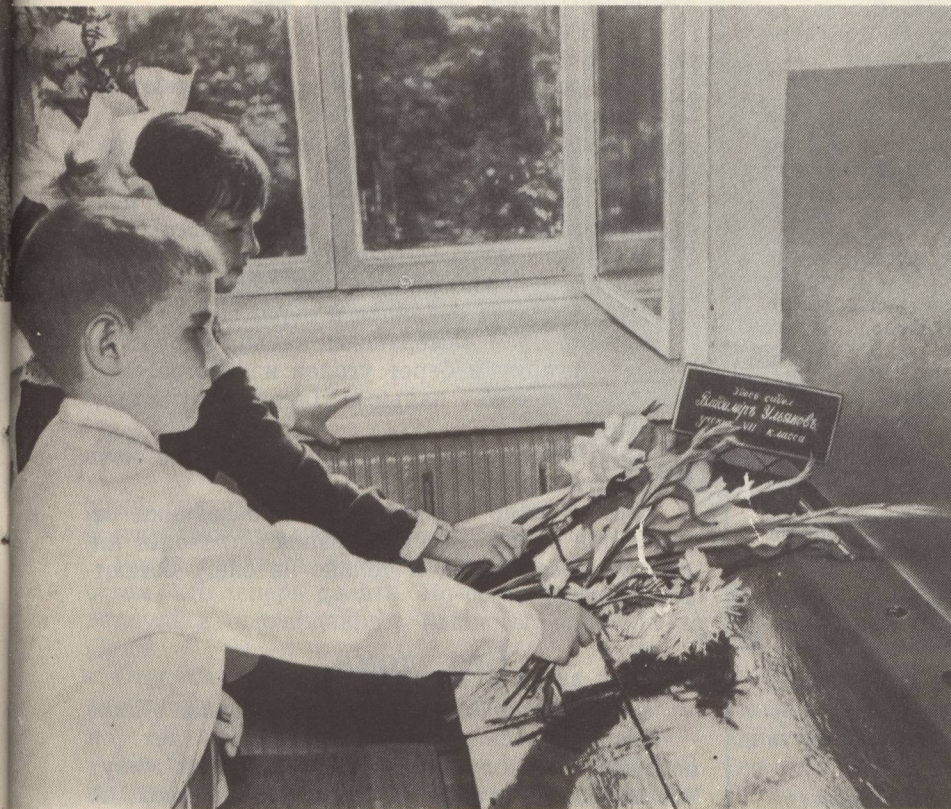
В апреле, в первых числах, работы много здесь: весенний сад очистить считаем мы за честь.

Уже на клумбах зелено, хотя деревья спят! Ко дню рождения Ленина готовим школьный сад.

И так уж получается, как будто на заказ, что почки распускаются в день праздника как раз!

Весна пройдет ветром по листьям молодым — и кажется: по веткам бежит зеленый дым.

Поют на школьном вечере певицы и певцы. Усевшись над скворечнями, заслушались скворцы!

Нина Александрова работала в «Пионере», из «Пионера» ушла на фронт.

Она была таким человеком, который всегда шел туда, где трудно, где бой, на передовую.

Она вернулась с войны и работала в газете. Ее выступления были горячими, серьезными. Она заступалась за тех, кого несправедливо обидели. Шла на выручку тому, кто прав, но не умеет доказать эту правоту. И в этой борьбе была непримиримой и жесткой. Нина не терпела полуправды, полудружбы. Верность, надежность были ее талантом. А глаз был писательский — пристальный, умный.

Нина Александрова погибла в мирное время. Она летела в командировку от «Известий». Разбился самолет. Нина погибла, как воин, выполняя задание...

Когда хоронили Нину Александрову, в зале зазвучала ее любимая песня из фильма «Белорусский вокзал»:

Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех,
Мы за ценой не постоим.

Она была небольшого роста. Глаза лучились радостью. У нее были маленькие руки. И все равно Нина Александрова была бойцом.

Я знала Нину Александрову много лет и ни разу не видела ее беспомощной. «Ничего не могу сделать» — это были не ее слова. Она была готова к бою. Она умела радоваться хорошему в людях и верить в высокое в каждом человеке.

Нина была щедрой и доброй к людям, а себя не щадила. Напишет очерк или рассказ, сто раз переписывает, переделывает. И опять не нравится. Читает друзьям, и опять переделывает. Всегда хотела добраться до самой глубины правды.

Повесть «Саша Котов и Костя Пчелка» Нина Александрова написала во время войны. Она знала этих ребят на фронте.

Совсем еще мальчишки, а испытания им достались тяжелые, почти непосильные. Посмотрите, как пишет Нина Александрова эти два характера. Герой повести Саша потерял друга. Он страдает, отвернулся от людей. Кто заменит лейтенанта Степанищева? Никто. Появился в отряде Костя Пчелка. Зачем Саше этот Пчелка? И тут оказывается, что он, Саша, нужен Пчелке. Он, Саша, может стать для Кости опорой. Когда-то Саша опирался на Степанищева, теперь пришло время платить долг.

Нина Александрова говорит: ищи, кому ты необходим, кому можешь быть поддержкой, опорой. В этом человеческая сила.

Тогда еще никто не знал, что именем пионера Саши Котова назовут теплоход, чтобы помнили люди подвиг мальчишки.

Повесть написана давно, а печатается только теперь, через тридцать с лишним лет. Нина Александрова все не отдавала ее в «Пионер». Ей хотелось что-то додумать, доделать. Казалось, что впереди много времени.

Но коммунист-боец Нина Александрова не вернулась с задания, и «Пионер» печатает повесть такой, какой она была написана.

Людмила МАТВЕЕВА

Саша Котов и Костя Пчелка

Нина АЛЕКСАНДРОВА

ПОВЕСТЬ

Следы на снегу

Холодно ночевать зимой в лесном шалаше, сквозь который видны звезды. На сырых горящих дровах выступают мелкие пузырьки, дымятся валенки, и горит у костра лицо, а по спине ходит осторожный холодок.

Разведчики должны прийти в этот шалаш. Они ушли еще в сумерки, их долго нет. В шалаше замолкают разговоры, и когда от мороза обламываются сучки с деревьев, кажется, что это чьи-то шаги. Уже гаснет костер, и совсем сварилась пшенная каша.

— Сегодня глубокий снег, — говорит один из бойцов.

А за рекой строчит пулемет и взлетают ракеты, освещая все небо и лес.

Разведчики пришли перед рассветом. Все теснее садятся друг к другу, чтобы дать им место у костра. Но еще не успевает стаять иней на ресницах Саши Котова, а он уже спит.

— Ну и ночь, — говорит разведчик Федотов, — все дороги занесло, у самого немецкого блиндажа Сашка свалился в овраг.

Негнушимися, замерзшими пальцами он скручивает сигарку и берет уголек из костра. Уголек тлеет и жжет пальцы. Наконец-то сигарка вспыхивает.

— И опять ничего не вышло. Третью ночь в засаде и все без толку.

Каждую ночь сидят засады, разведчики зарываются в снег, ждут. А фашист проходит никем не замеченный, и только на снегу остаются его следы.

Без дома

Семья Саши Котова жила в Орше. Саше исполнилось в марте пятнадцать лет, он поступил в школу ФЗО и жил так, как живут все подростки его лет. Ростом был невысок, но

*В одну из разведок
Саша и Пчелка
пошли вместе.*

очень сильный и в схватках с ребятами всегда выходил победителем.

Когда началась война, он много думал о том, что теперь делать. Но события развернулись неожиданно. Фашисты подошли к Орше.

Отец Саши ушел в партизаны. Сына не взял, но, уходя, уже у самых дверей, сказал:

— Будешь нужен, — позову.

Но Саша не стал дожидаться его зова. В следующую же ночь по темным, безлюдным

улицам бежал он из города, занятого оккупантами. Однако партизан не нашел. Через два дня фашистов выбили из Орши. Саша вернулся домой. Его дом еще горел. Никто не знал, куда гитлеровцы увели его мать и сестру. В

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

В тени
под большой
елкой
стоял
человек...

огороде валялась косынка сестры, втопанная в землю, а на кусте, как паутинка, висело несколько длинных легких волос.

Дороги были запружены беженцами. Саша шел вместе с ними, сам не зная, куда и зачем он идет. Ночью у чужого костра, где ему разрешили погреться, он сказал командиру, который сидел рядом:

— Дайте мне, пожалуйста, вашу винтовку, мне очень нужно.

— Да и мне нужна, — весело сказал командир, — мне, пожалуй, даже больше, чем тебе. Вот отними у врага, тогда и владей на полных основаниях.

Саша помолчал, а потом сказал:

— Я тут знаю все дороги, может, пригожусь вам?

— Пока оставайся со мной, нечего бродяжничать, а найдешь отца — пойдешь к нему. Только гляди: я строгий.

Это был лейтенант Степанищев.

Ссора в лесу

Саша на другой день получил винтовку, и, хотя Степанищев приказал ему никуда не уходить из блиндажа, Саша, не выдержав соблазна, ушел в лес и несколько раз выстрелил

в маленькую березку. Результаты были плохие, Саша не мог отыскать ни одной пробоины.

— Ну, как стрелял? — спросил Степанищев, встретив его.

Саше стало как-то неловко сказать правду.

— Ничего, — сказал он, — из трех три.

— Вот молодец, а ну пойдём, посмотрим!

Они пошли. Шли, шли, Саша никак не мог придумать, как выпутаться из этой истории. Вдруг Степанищев остановился и строго сказал:

— Долго мы будем еще идти? Уже и противник близко. Я думаю, что ты врешь.

И он пошел обратно, постукивая веточкой по сапогам, а Саша шел сзади. Ему очень хотелось, чтобы Степанищев обернулся, но тот так и ушел, не обернувшись.

Вдруг Саша услышал свист. В тени под большой елкой стоял человек и молча, пальцем, звал его.

— Я? — удивленно ткнул себя Саша в грудь.

Человек кивал головой. Саша оглянулся. Степанищев уже скрылся за поворотом. Саша пошел к человеку. Тот стоял на месте, кивал головой, улыбался, были видны его золотые зубы. Вдруг Саша заметил, что пилотка у него не наша. Он прыгнул за дерево, и вовремя. Пуля просвистела и сбила ветку над головой. Саша не стрелял. Руки у него дрожали. Он услышал, как трещат кусты. Гитлеровец шел к не-

му. Тогда Саша, не оглядываясь, побежал. Ему казалось, что фашист бежит сзади. Когда он решился оглянуться, сзади никого не было.

Саша рассказал Степанищеву про встречу.

— А не врешь? — спросил Степанищев. — Идем.

Он взял еще двух бойцов, и все пошли на то место, где стоял фашист.

— А, сволочь! — выругался Степанищев и приказал: — Немедленно прочесать лес!

Лес прочесали, но гитлеровца не нашли.

Во вражеском блиндаже

Степанищеву никто не присылал писем. Когда почтальон, раздавая письма, утешал его трафаретной фразой «Вам пишут», он мрачнел и отходил в сторону. Саша тоже не получал писем. Как-то Степанищев сказал:

— Дурак я, что не женился. Убьют — никто и не вспомнит. Вот был бы такой сын, как ты...

Вообще же Степанищев редко грустил. Он был веселый человек. Шел всегда смело и встречным пулям не кланялся.

И Саша, походив с ним, перестал вздрагивать от выстрелов. Однажды Степанищев сказал:

— Ты еще ничего не сделал, а пора уже приниматься за дело. Сегодня пойдешь с нами. Пощупаем фашистов в соседней деревне.

...Немецкий часовой стоял возле баньки. Он замерз и так стучал ногой об ногу, что с кустов сыпался снег. Было темно. Луну заносило облаками, по снегу бродили тени. Наши бойцы в белых халатах бесшумно скользили между деревьями. Рядом со Степанищевым полз Саша. Степанищев подал рукой знак: «Не шевелись!» — и пополз к часовому один. Он полз, когда часовой поворачивался к нему спиной, и вращался в снег, сливаясь с ним, когда часовой мог его увидеть. До часового осталось всего несколько шагов, но Степанищев долго выжидал, пока часовой повернулся к нему спиной. И, дождавшись благоприятного момента, прыгнул на него.

Разведчики, прижимаясь к заборам, торопливо направились в деревню. Окна изб были затемнены, но кое-где пробивался свет. И тут слышались шаги: шел неприятельский дозор. Позже Степанищев объяснил Саше: дозор обязательно обнаружил бы разведчиков, и Степанищев решил напасть первым. Бойцы по его команде стали швырять гранаты и в движущуюся небольшую группу фашистов и в затемненные окошки, из которых пробивался свет.

Из домов выскакивали гитлеровские солдаты, но они не видели наших бойцов, не знали, куда бежать, а Степанищев и Саша, спрятавшись за домом, методично и спокойно били по ним из автоматов. Вдруг взметнулась красная ракета. Фашисты побежали к реке. Степанищев и Саша бросились за ними. У реки были блиндажи, туда и бежали фашисты. Степанищев подполз к одному блиндажу, который был в стороне от других, нащупал среди мокрых

опавших листьев трубу и швырнул в нее связку гранат. Раздался взрыв. Степанищев легко перескочил через толстое дерево и мягко прыгнул в узкий ход блиндажа. Саше он велел пригнуться снаружи. В блиндаже было темно.

— Wer ist hier? — спросил Степанищев.

— Подайте мне руку, — вдруг ответили ему по-русски. — Я переводчик.

Степанищев направил свет фонарика в тот угол, откуда был слышен голос. На нарах, свесившись головой вниз, лежал человек.

— Поднимитесь! — сказал Степанищев, держа пистолет наготове.

— Не могу, я ранен.

Тогда Степанищев подошел к нему и протянул руку. В это время гитлеровец выстрелил...

Снежная поляна

Степанищев был ранен в плечо. Несмотря на успех операции, он был мрачен.

— Я дурак, это ясно, — говорил он Саше. — Теперь этот проклятый переводчик смеется надо мной. Да и переводчик ли он?

Следы на снегу по-прежнему не давали Степанищеву покоя. Один из пленных рассказал, что у них был разведчик, который ходил в тыл русских всегда один.

— Какой он из себя? — спросил Степанищев.

— Брюнет, невысокого роста, бледный, с золотыми зубами, хорошо говорит по-русски.

— Это он, — крикнул Саша, — тот, которого я видел!

Степанищев подумал и медленно сказал:

— Может быть, и тот, в блиндаже. Только я плохо его рассмотрел.

Этой ночью опять были обнаружены следы.

— Пойду сегодня сам, — решил Степанищев. В засаду он взял с собой Федотова.

Ночь была светлая, лунная, на поляне блестел снег, стоял мороз. Разведчики зарылись в снег. Прошел час, два, три. Никого не было. Степанищев сказал:

— Если мы поползем вперед, то наверняка не разминемся с ним. А так можно пролежать еще часов шесть и все без толку. Пойдем-ка.

И они поползли.

Из разведки они не пришли. Саша волновался всю ночь, а чуть стало рассветать, пошел туда, куда вчера ушли Степанищев и Федотов. За ночь ветер замел все следы. Осторожно, кутаясь в маскировочный халат, Саша полз вперед, тревожно вглядываясь в даль, и вдруг замер. На поляне лежали двое.

Один лежал неподвижной белой грудой, а другой едва заметно полз, не отрываясь от снега. Было видно, как он то и дело кладет голову на снег, лежит, не двигаясь, — отдыхает. Раненый. Вот он приподнялся на руках, измеряя глазами расстояние — сколько еще осталось ползти. Видно, кто-то с той стороны ждал этого момента. Ударил выстрел. Раненый уронил голову.

И тогда Саша словно проснулся. Он побежал по открытой поляне, утопая в глубоком снегу.

Гитлеровцы открыли огонь по обоим. Но Саша не слышал выстрелов. Он видел только лицо Степанищева, приподнятое над снегом. На снегу виднелись багряные капли крови. Трясущими руками Саша снял с себя ремень и зацепил его за ремень Степанищева.

— Тяжелый я, — сквозь зубы сказал Степанищев, — не дотащишь, обоих убьют.

Но уже били по врагу наши пулеметы. В завязавшей перестрелке фашистам было не до разведчиков. Саша вынес своего друга с поляны. Разведчики бережно положили раненого командира на двуколку, и лошади медленно пошли по направлению к медсанбату.

Степанищев лежал на спине, крепко сомкнув губы. Саша шел рядом. Не поворачивая головы, Степанищев сказал:

— Хороший ты парень. Коли живы будем, еще встретимся. Да ты не горюй, сынок, я живучий!

Но он не выжил. И в землянке, где они спали, рядом с Сашей Котовым освободилось место.

Вместо Степанищева командиром взвода разведки назначили лейтенанта Моисеенко. Это был хороший боевой командир, но Саша не мог забыть Степанищева. К новому командиру он относился хмуро. Моисеенко понимал состояние юного разведчика. Он не пытался заменить мальчику Степанищева и из деликатности выбрал для себя другое место на нарах.

Пчелка

Через несколько дней в блиндаж пришел маленький белоголовый паренек, вскочил на нары, где спал Степанищев, кинул узелок в угол и сказал:

— А у нас в полку землянки лучше!

Саша хмуро посмотрел на него и молча убрал красный кисет Степанищева. Но Пчелка — так звали парнишку — не заметил хмурого взгляда Саши.

Он действительно был похож на маленькую веселую пчелку. Сначала все думали, что это его прозвище, а потом узнали, что это фамилия, а имя — Костя, но называть стали Пчелкой.

Пчелка сразу же попросился в разведку.

— А не молод ли ты? — спросил командир.

— Когда мы отступали из Битецкой, — важно сказал Пчелка, — я тащил на себе больше взрослого. Лучше меня никто не пройдет по задворкам!

В разведке он оказался нужным человеком. Легко влезал на самые высокие деревья, бегал в деревни, кишащие оккупантами. На вид ему было лет двенадцать, и он не привлекал к себе особого внимания.

Всюду, где он появлялся, становилось весело. Очень важно на войне остаться веселым человеком. Жизнь здесь суровая, тяжелая, но если человек не унывает, то и другим становится веселей.

Пчелка минуты не мог посидеть спокойно, вечно о чем-то хлопотал. Саша, любивший во

всем порядок, не мог теперь найти ни одной вещи на месте. Сашина портянка пригодилась Пчелке для протирки автомата, а из мыльницы он нарезал какие-то кружочки и квадраты.

Вечерами Саша последним уходил от костра, все сидел и глядел на пляшущие огоньки, ворошил угли и думал о Степанищеве. Он закрывал глаза, и ему представлялась снежная поляна, бескровное лицо командира и друга. А когда Пчелка со смехом врывался в землянку, Саше казалось, что веселье оскорбляет память о друге. «Забыли уже», — горько думал он о разведчиках.

Саша бережно хранил нож и кисет Степанищева. Как-то Пчелка, увидев нож, загорелся:

— Котов, отдай мне нож!

— Это нож Степанищева, — хмуро сказал Саша.

— Ну и что?

Тогда Саша, не с тем, чтобы образумить Пчелку, а из необходимости поделиться своими переживаниями, рассказал все, что знал о Степанищеве. Пчелка слушал внимательно и серьезно. Между мальчишками как бы протянулась ниточка дружбы.

В одну из разведок они пошли вместе. Как-то в глубине леса разведчики заметили большой костер. Доложили новому командиру Моисеенко. Он принял решение всем взводом окружить костер. В сумерках разведчики подползли с трех сторон и увидели, что у костра на поваленных деревьях сидели гитлеровцы. Один из них, сняв рубашку, искал вшей, другой переобувался, третий мешал ложкой суп в котелке. Всего было человек тридцать. А разведчиков — двенадцать. По приказу Моисеенко они разом бросили в костер гранаты. Огонь взлетел вверх, охватил высокую сосну. Когда дым от взрыва рассеялся, на бревнах никого не было: одни лежали неподвижно, другие скрылись за деревьями. Вблизи раздавалась вражеская команда.

— В лес! — торопливо скомандовал Моисеенко.

Разведчики кинулись в лес. И в это время Пчелка увидел у костра красный кожаный мешок. Не задумываясь, он бросился к костру, схватил мешок и, пригибая голову, побежал в лес.

— Дурак, идем скорее! — услышал он голос Саши, который оказался рядом с ним.

Над головой, шипя, пронеслась мина. Пчелка заторопился.

— Бежим! — крикнул он.

Саша схватил его за руку.

— Ложись, переждем!

Пчелка, испуганный, лег на снег. Фашисты вели жестокий обстрел. Мины рвались впереди притаившихся мальчишек, взрывая снопы снега.

— Они думают, что мы бежим, и бьют вперед, а мы здесь, под самым их носом, — пояснил Саша.

Пчелка не ответил. Саше показалось, что Пчелка задремал, он толкнул его в бок.

— Не спи, замерзнешь.

— Я не сплю, — сказал Пчелка, приподнимаясь на локте, — я думаю.

— О чем? — спросил Саша.

— Мешок, который я схватил, пустой, из-под продуктов, вот я и думаю, что с ним делать? А, — сказал он вдруг, — сошью из него себе кобурку. И тебе сошью, хочешь?

Саше вдруг стало смешно. «Ну и мальчишка!» — подумал он. И вдруг вспомнил свои первые дни со Степанищевым. Ему захотелось стать для Пчелки таким же человеком, каким был для него Степанищев. С этих пор Саша стал заботиться, как взрослый, о Пчелке.

Знакомство с Варей

Когда наши заняли деревню Заболотье, Моисеенко сказал Пчелке:

— Пойдешь с нами. Потолкайся по избам, послушай, о чем говорят, может быть, наткнешься на что-нибудь нужное.

Деревня была разрушена. Крыши сорваны или пробиты снарядами, отовсюду торчали балки, ветер гнал по улице обрывки обоев. Пробираясь по задворкам, Пчелка наткнулся на полуразрушенный каменный сарай. Вокруг него валялось исковерканное оружие. Видно, здесь была оружейная мастерская. Пчелка пролез в сарай, и глаза его заблестели. Мастерская, самая настоящая! В гряде металлического хлама, поломанных пистолетов и исковерканных винтовок Пчелка обнаружил ракетницу, да еще с патронами разного цвета — красный, синий, желтый. «Вот это трофей», — подумал он и спрятал ракетницу за пазуху.

Внезапно он услышал шорох. В сарае был еще кто-то. Хотя командир много раз говорил Пчелке об осторожности, Пчелка бродил всюду совершенно беспечно. Но тут он насторожился, внимательно осмотрелся и увидел маленькую деревянную дверь. Пчелка на цыпочках подошел к двери — шорох шел оттуда. Пока он колебался, открыть дверь или нет, дверь сама открылась, и на пороге появилась девочка, закутанная в длинную материнскую кофту.

— Ты кто? — спросила она, пристально глядя на Пчелку.

— А ты хозяйка? — в свою очередь, спросил Пчелка.

— Была хозяйкой, а теперь гостя. Ты хозяйничаешь здесь, а не я. Зачем пришел? — сердито спросила она.

— Дело есть. Скажи, гитлеровцы все ушли?

— Пока ушли, придут ли обратно, не знаю.

— Ты их обратно ждешь?

— Коли вы, военные, не пустите, не придут, — так же сердито ответила девочка.

— С кем ты там, Варя? — раздался женский голос.

— Вот боец, мама, пришел, — с насмешкой, как показалось Пчелке, ответила девочка.

Из каморки вышла изможденная женщина.

— Молоденький какой, а в форме, — удивленно сказала она, посмотрев на Пчелку. — Неужто теперь и таких берут?

— Вот боец, мама, пришел, — с насмешкой, как показалось Пчелке, ответила девочка.

— Я сам! — гордо сказал Пчелка.

— У нас фашист стоял, Курт, — сказала женщина, — у него слуга был, тоже совсем мальчишка. Ох, и бил его Курт, прямо по голове.

Пчелка слушал рассеянно. Но вдруг его насторожили слова Вари:

— У этого Курта золотые зубы были.

У того фашиста, которого искал Степанищев, по словам Котова, тоже были золотые зубы.

— А по-русски он хорошо говорил? — быстро спросил Пчелка.

— Хорошо, — ответила женщина, — от русского не отличишь.

— Так это он! — крикнул Пчелка. — Слушай, — обратился он к Варя, — обшарь везде, и все, что найдешь от этого Курта, принеси мне, я расскажу куда.

Варя пошла провожать Пчелку, чтобы узнать, куда ей надо будет прийти.

— У тебя есть мать? — спросила она.

— Была, — вздохнул Пчелка. — Она в оккупацию попала, не знаю, жива ли... Хорошая была...

— Это ты из-за нее пошел, да?

Пчелка кивнул головой.

— Вот и я... Только что мне сделать? Понимаешь, ведь они тут были... Я что угодно могла сделать. Взять и убить их всех ночью и убежать... Или отравить.

Пчелка глянул на девочку сбоку. Они были одного роста, но Варя показалась ему маленькой.

— И ничего не сделала, — горько сказала Варя.

— Так ты же девочка!..

Пчелка рассказал Саше о Варинном постояльце.

— Это он, — твердо сказал Саша. — Во что бы то ни стало отыщу его и отомщу за Степанищева!

Мальчики решили пойти к Варя, но утром она пришла сама. Часовой не пускал ее, а она сердито говорила:

— Это вам надо, а не мне. Вот читайте, фашист писал, мне ваш боец Пчелка велел принести.

— Эй, Пчелка, — крикнул часовой, — тут тебя барышня спрашивает!

В слове «барышня» Пчелке послышалась насмешка.

— Что тебе? — хмуро спросил он Варю.

Она покраснела от обиды, сунула в руку Пчелки бумажки, сердито запахла ватник и молча пошла прочь. Мальчик хотел было догнать ее, а потом посмотрел на улыбающегося часового и раздумал.

Среди разорванных записок и писем был обрывок какого-то документа: «Условный знак — синяя и две белых ракеты...» Но сколько ребята ни подбирали его продолжение, не подобрали.

Командир послал Сашу и Пчелку к Варя. Она встретила их сердито, не хотела разговаривать: обиделась за встречу. Никаких бумаг у нее больше не было. Ребята вернулись с пустыми руками.

К их удивлению, командир встретил это сообщение спокойно.

— Нет так нет, — сказал он, — сейчас не до того. Отдыхайте, а вечером пойдем разведывать боем огневые точки.

Сборы у разведчиков короткие: гранаты за пояс, автомат на плечо, хлеб и сало в карман.

Уходя, Пчелка сказал:

— Идем будить фашистов.

Трофейная ракетница

В этом бою отличился Пчелка. Вражеский огонь преградил разведчикам путь назад. Ночь была светлая, ясная, все видно, как на ладони. Враг засел в разрушенном сарае, огороженном плетнем. До него не доберешься. Командир скомандовал:

— Двое с гранатами к сараю!

Только у Пчелки еще остались гранаты. Пчелка, маленький Пчелка, который мог пролезть в любую дыру, бросился выполнять приказ командира. Он пополз в тени под плетнем, незамеченный добрался до сарая и бросил в амбразуру, откуда гитлеровцы вели огонь, две гранаты. На мгновение огонь прекратился, и этого было достаточно, чтобы разведчики смогли достичь опушки леса. В лесу они остановились и стали поджидать своего юного товарища. Фашисты еще били из автоматов и минометов, но стрельба уже затихала.

— Если жив, выберется, — сказал один боец, — ну, а если... — И он замолчал.

Возвращаться было опасно, но никому даже в голову не пришло оставить Пчелку у врага. И разведчики опять поползли к сараю.

А в это время Пчелка сидел, прижавшись к каменной стене, и придумывал, как пройти к своим. Внезапно в его сумасбродной голове блеснуло: «Синяя и две белых ракеты». Не успев как следует обдумать, к чему это может привести, он три раза, одним синим и двумя белыми патронами, выстрелил из своей трофейной ракетницы. Еще не рассыпалась и не потухла последняя ракета, как заработали тяжелые немецкие минометы. Они словно только и ждали команды. Методично и кучно, точно по направлению ракеты ложились мины у сарая. Далеко спрятанные минометы ударили по своим. Фашисты выскакивали из сарая, поднялась беспорядочная стрельба, пулеметы били, как в истерике, без точного направления. В этой суматохе Пчелка добрался до своих, и все скрылись в лесу.

Днем в Паголда

Разведчики мрачно сидели у костра. Они не смогли выполнить боевой приказ командира полка: найти фашистский штаб в районе деревни Паголда. Враг стал очень осторожным, а «языки» не попадались.

— Знаешь, Пчелка, — сказал Моисеенко, — надевай свою деревенскую одежду, придется тебе «обревизовать» Паголду.

— Не ему одному, — сказал Саша Котов. — Вспомни Варю, — обратился он к Пчелке, — найди ее, и вместе отправляйтесь.

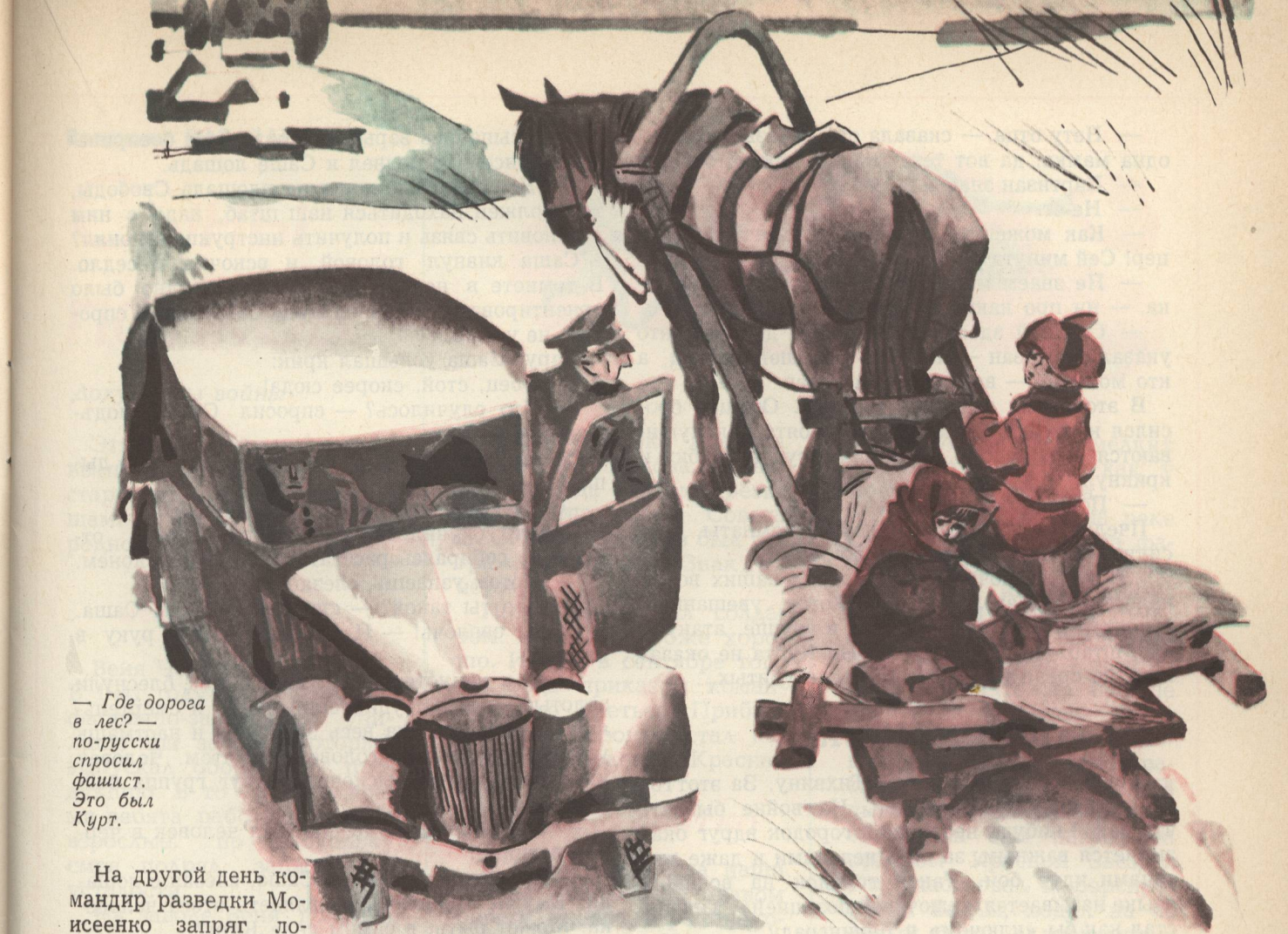
Моисеенко одобрил предложение Котова.

В тот же вечер Пчелка был у Вари.

— Паголда? — переспросила Варя. — У меня там тетка. Осенью мы отнесли ей свои зимние вещи, думали, там немцев не будет.

— А ты хорошо знаешь Паголду?

— Еще бы не хорошо!

— Где дорога в лес? — по-русски спросил фашист. Это был Курт.

На другой день командир разведки Моисеенко запряг лошадь в розвальни.

Пчелка был уже не в военной форме, а в старых, заплатанных штанах, ветхой кацавейке и в рыжей шапке-ушанке. В санях сидела Варя. Моисеенко отвел Пчелку в сторону.

— Слушай, — сказал он, — если будет плохо, в бой не вступай. Беги.

Пчелка взял вожжи в руки, сел вместе с Варей на солому, в ногах у них лежал узелок с вареной картошкой и хлебом. В лесу, вдоль и поперек израненном лыжными следами, они свернули с дороги и поехали по целине. Лошадь тоннула в глубоком снегу, сани все время кренились набок. Наконец выехали на дорогу в Паголду. Навстречу им вынырнула немецкая машина. Варя вздрогнула и побледнела. «Сейчас узнает меня!» — мелькнула мысль.

Машина остановилась.

— Где дорога в лес? — спросил один по-русски, открыв дверцу машины.

— Прямо поезжайте, — ответила Варя, повернувшись спиной, — все прямо... Это и есть Курт, — сказала она, когда машина пронеслась мимо, — гранатой бы его...

— Что же ты молчала? Струсилась? — вспыл Пчелка, но тут же осекся. Командир не за этим посылал его. Еще наказал: в бой не вступать.

В деревню въехали благополучно. У дома, где жила Варина тетка, остановились. Часовой не пропустил их в дом. На счастье, услышав голоса, вышла сама тетка. Она побледнела, уви-

дев Варю, да еще с каким-то пареньком. Но Варя легко вбежала по ступенькам мимо часовой и обняла ее.

— Тетечка, дай нам сена, у нас кончилось. Перепуганная неожиданным посещением, тетка, однако, быстро нашлась:

— Подъезжайте к сараю, я сейчас выйду. В сарае Варя прямо спросила ее:

— Где штаб? Скажи — и мы уедем.

— Ох, Варюшка, у Кузьмы, вон с красной крышей дом. А у меня, — торопливо добавила она, — на квартире их главный начальник. Вот и часовой поставили, ко мне нельзя.

Не успели ребята наложить в сани сена, как из дома вышел адъютант начальника.

— Кто то есть? — подозрительно спросил он у тетки.

— Да племяши, сена у них не хватило.

— Откуда приехали?

Тетка чуть не назвала Заболотье, но вовремя вспомнила, что Заболотье в руках советских войск, и назвала другую деревню, за Паголдой.

— А ну зови их сюда!

Ребята робко прошли в комнату.

— Где есть твой ойтец, отвечай! — крикнул офицер.

— У них нет отца, — вмешалась тетка, — еще до войны умер.

— Тебя не спрашивай, спрашивай детишки. Где есть твой ойтец? — снова повторил он.

Варя навзрыд заплакала.

— Нету отца, — сказала она сквозь слезы, — одна мамка, да вот тетечка нас хорошо знает...

— Партизан знаешь?

— Не-ет.

— Как можешь обманывай немецкий офицер! Сей минута расстрел.

— Не знаем мы ничего, — заплакал и Пчелка, — ни про каких партизан не слыхали.

— Служай здесь, скажи всем деревня: кто указал партизан — получай большой наград, а кто молчал — веровка и на дерев.

В это время зазвонил телефон. Офицер бросился к трубке. Заметив, что ребята прислушиваются к разговору, он закрыл рукой трубку и крикнул:

— Пошел в ег, цволочь!

Пчелка и Варя выкатились из комнаты, бросились в сани и погнали лошадь.

...В эту же ночь большой отряд наших войск налетел на Паголду. Саша Котов, увешанный гранатами, с автоматом, был в группе, атакующей штаб. Он искал Курта. Но Курта не оказалось ни среди пленных, ни среди убитых...

Конец Курта

Наши войска подошли к Тихвину. За этот город шли жестокие бои. На войне бывает, что какой-нибудь небольшой городок вдруг оказывается важным, за него неделями и даже месяцами идут бои. Такой городок на военном языке называется «ключевой позицией». Тихвин стал как бы «ключом» к Ленинграду.

В Тихвине стояло пять вражеских дивизий. Гитлер приказал не сдавать города ни в коем случае. Немецкие офицеры, собравшись в тихвинской церкви, поклялись, что умрут, но города не сдадут.

Наши части выбили их из Тихвина.

Прежде Тихвин был чистый и спокойный городок. Трудолюбиво и мирно жили здесь люди, учились ребята. Оккупанты превратили город в развалины. В домах горели костры, а дым уходил прямо в небо, потому что ни крыш, ни окон не было. От развалин шел пар, и казалось, что под ними кто-то еще живет, кто-то дышит.

Первыми вошли в Тихвин бойцы Моисеенко. Разгромленный накануне в ожесточенных сражениях, враг покидал город, но отдельные его группы еще оставались. Они поджигали уцелевшие дома, взорвали вокзал и железнодорожные пути. Кто-то перерезал только что проложенную телефонную линию. Жутко было в первую ночь в этом городе. На улицах лежали трупы, в развалинах прятались враги.

Разведчики Моисеенко, среди которых были Саша и Пчелка, вошли в город в районе водонапорной башни и машинно-тракторной станции и двинулись дальше, к центру.

Город был погружен в темноту. Но в этой темноте кипела жизнь. Двигались машины, то там, то здесь вспыхивали и гасли фары. Внезапно разведчики увидели ярко вспыхнувший столб пламени: это фашисты подожгли свою базу горючего. В другом месте вслед за вспышками

огня посыпались взрывы: горел склад боеприпасов. Моисеенко подвел к Саше лошадь.

— Вот садись и скачи на площадь Свободы, там должен находиться наш штаб, надо с ним установить связь и получить инструкции, понял?

Саша кивнул головой и вскочил в седло. В темноте в незнакомом городе трудно было ориентироваться. Где площадь Свободы? И спросить не у кого...

Вдруг Саша услышал крик:

— Боец, стой, скорее сюда!

— Что случилось? — спросил Саша, подехав к человеку.

Со лба незнакомца стекал пот, он тяжело дышал.

— Слезай с коня, живо поворачивайся!

— Что случилось? — повторил Саша, отнюдь не собираясь расстаться со своим конем.

— Потом узнаешь, слезай!

— Кто ты такой? — спросил еще раз Саша.

— А, сволочь! — И человек сунул руку в карман.

Даже в темноте Саша увидел, как блеснули золотые зубы. От удивления, гнева и смертельной опасности Саша весь задрожал и наотмашь ударил человека по голове автоматом. Человек упал. Из-за угла выскочила вдруг группа бойцов.

— Эй, парень! Куда побежал человек в черном ватнике?

— Да вот он, — сказал Саша, слезая с лошади. Ему не терпелось разглядеть этого человека. Может быть, в самом деле Курт?

В это время человек приподнялся на четвереньки, но сильные руки бойцов пригвоздили его к земле.

— Теперь не уйдешь! — сказал один из бойцов и, повернувшись к Саше, добавил: — Эта сволочь поджигала дома. Ты, парень, молодец, ловко его оглушил.

— Это Курт, — крикнул Саша, — я его знаю, фашистский разведчик! Ведите его в штаб, и я с вами. Я из взвода Моисеенко.

Да, это был Курт...

На другой день, когда Тихвин был очищен от врагов, во взвод разведки приехал командир дивизии. Перед строем он поздравил разведчиков и вручил им награды. Первым награду получил Моисеенко. Вслед за ним комдив прикрепил ордена Красного Знамени к груди Саши и Пчелки.

Владимир КАРАБАЕВ

СЫНЫ ПОЛКОВ

Документы войны

Эти ребята шли фронтовыми дорогами со своими старшими боевыми товарищами, гнали фашистов с родной земли.

Веня ЧЕРНЫХ

Веня Черных — москвич. В 1941 году он поступил в фабрично-заводское училище при заводе, который выпускал оборонную продукцию. В то трудное время ребята работали, как и взрослые, по несколько смен подряд, забывая об усталости.

На заводе Веня получил свою первую награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Когда ему было тринадцать лет, он попал на фронт и служил связным при штабе одного из дивизионов. Участвовал в боях за освобождение Петрозаводска, воевал на берегах Ладожского озера, под Брестом, в Польше...

За храбрость и мужество Веня был награжден медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Юра ЕРМАКОВ

Когда началась Великая Отечественная война, Юра Ермаков пошел работать на завод. В то время ему было четырнадцать лет.

Он работал слесарем-инструментальщиком, ремонтировал и даже обкатывал танки.

Родина высоко оценила труд Юры Ермакова, в январе 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Юра Ермаков был награжден орденом «Знак Почета».

Потом Юра стал солдатом. Воевал он тоже хорошо. И уже в сентябре того же года приказом командующего Третьего Прибалтийского фронта стал кавалером ордена Красная Звезда.

Афанасий СВИТКО

В 1943 году, когда наши войска вели бои на правом берегу Днепра, в районе города Переяслав-Хмельницкий, разведчики спасли из горящей хаты мальчика.

Он рассказал, что зовут его Афанасием, фамилия его Свитко и что у него никого из родных не осталось: фашисты убили отца, а мать угнали в Германию.

Бойцы приютили мальчика и определили его в редакцию газеты «Защитник Родины». Мальчик был наборщиком, он разъезжал по воинским частям — доставлял газету бойцам, писал небольшие заметки.

Афанасий начал свой боевой путь на берегах Днепра, а закончил его в Праге.

За храбрость и мужество юного журналиста наградили многими боевыми медалями.

Саша ХУДЗИК

Саша был партизаном. Вот что написал о Саше его командир Петр Герасимович Косоротиков: «Это был быстрый, внимательный па-

САЛЮТ, ПОБЕДА!

ренек. Лицо все в мелких веснушках, совсем как у моего сына Виктора...

Зимой 1944 года на реке Стырь большая группа фашистских войск намеревалась выйти из окружения. Шел бой, и Саша во время боя закидал гранатами бронетранспортер противника и уничтожил больше десяти гитлеровцев. Через несколько дней Саша пошел в разведку и возвратился с «языком» — пленным оберфельдфебелем. За это Саша был награжден орденом Красной Звезды. Он участвовал в форсировании Вислы, ходил на ее левый берег в разведку и принес очень ценные сведения. За этот подвиг Сашу награждают орденом Славы III степени. Погиб наш Саша, прикрывая отход своей группы, которую обнаружили и хотели уничтожить фашисты. Саше было пятнадцать лет. Он погиб, спасая жизнь своих товарищей».

Валя ШКАЛЕВ

В партизанских отрядах было много таких ребят, как Валя Шкалев. Они ходили в разведку, подрывали мосты и железнодорожные пути, заготавливали дрова для партизанского отряда, клали в землянках печи, были поварами и плотниками.

К сожалению, нам почти ничего не известно о Вале. Мы знаем только, что он партизанил на Украине.

КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ УКРАИНЫ! ЕСЛИ ВЫ ЧТО-ТО ЗНАЕТЕ О ВАЛЕ, СООБЩИТЕ НАМ.

Мой генерал

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 1.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Часть седьмая

Странный дедушка

А потом пришло лето. Мой генерал ходит в светлых брюках и белой рубашке, лицо загорело на сибирском солнце, ветер перебирает седые волосы. Свои расчеты взрыва он передал через папу начальнику стройки и теперь ждал ответа.

Мы разгуливали по поселку, заглядывали к Анне Робертовне или на склад к Иннокентию Евлампиевичу, ели мороженое у Зинаиды Ивановны, и все было спокойно, мирно вокруг.

Тишина в поселке меня беспокоила. Да еще эта жара. Было душно, хотелось дождя, и мне казалось, что тишина и покой эти скоро рухнут, исчезнут, растворятся в шуме и беспокойстве. Дедушка тоже тревожил меня.

То он был веселый, разговорчивый, откровенный и разговаривал со мной без конца о всякой всячине, то вдруг становился угрюмым, молчал, и как ни старался я расшевелить его, ничего не получалось.

Неожиданно он брал бумагу, ручку, быстро писал что-то, заклеивал в конверт и сам шел к почтовому ящику, хотя прежде, отвечая на письма, просил опустить их меня. А когда я спрашивал, кому он пишет, отвечал кратко:

— Друзьям.

И прятал глаза.

Если ему приходило письмо, распечатывал его еще на лестнице. Быстро читал. Входя в прихожую, рвал на мелкие части. И был веселый целый день. Тогда мы брали с собой акварельные краски, бумагу и шли на гору, откуда видно стройку. И дедушка рисовал, заставляя рисовать и меня.

У меня получалось плохо, да и у дедушки не лучше, но зато красиво! Да, да! Можно, оказывается, и так! Дедушка рисовал вдруг реку совершенно красной. И плотину тоже! И крутой берег напротив. Он менял только оттенки красного цвета. Немного порозовее, немного покирпичнее. И получалось красиво, хотя, если смотреть поближе, ясно, что дедушка такой же художник, как и я.

— Это наследственное,— шутил я, разрывая свои рисунки,— немного похуже, чем у тебя!

— Не скажи!— спорил дед.— Я не умею рисовать, но вкладываю свои эмоции в цвет. Понимаешь, в цвет!

Я кивал ему, обнимал за шею, мы бросали краски и сидели просто так, разглядывая строгую полосу плотины, рыжие скалы на крутом противоположном берегу, высвеченные солнцем кедрячи, пену, плывущую, по воде, сиреневые вспышки электросварки, слушали гудки консольных кранов и далекие взрывы. Это взрывали породу в карьере.

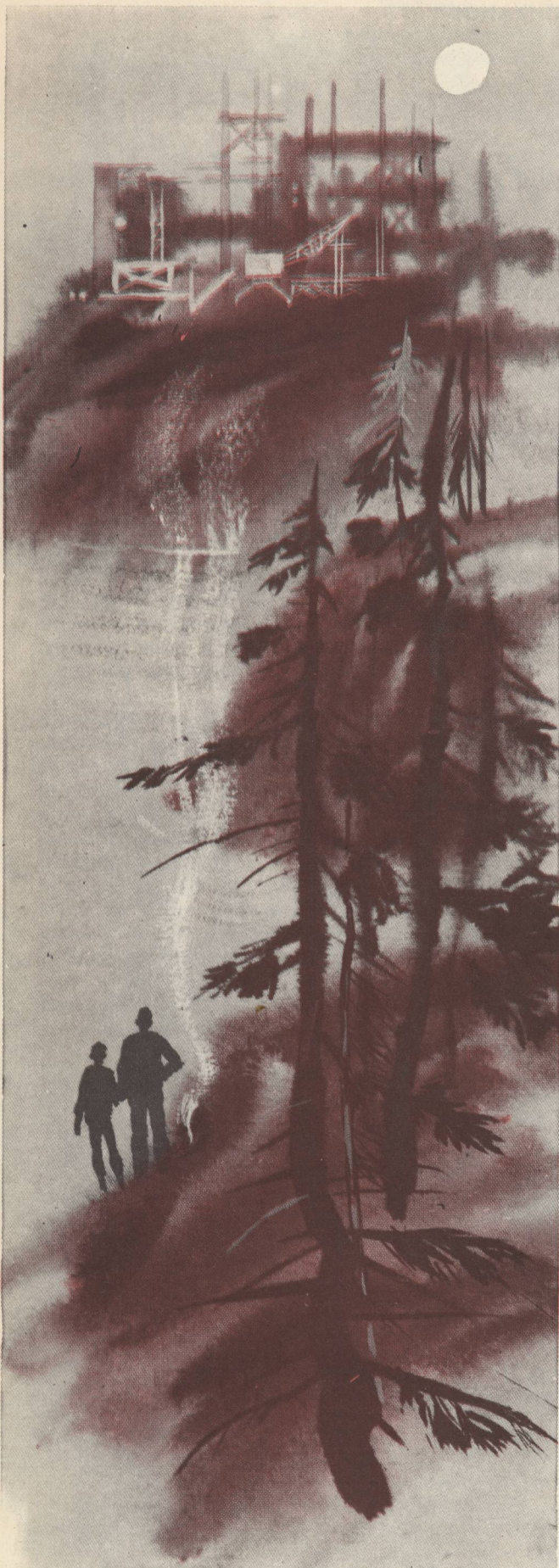
Дедушка трепал меня за волосы, я клал голову к нему на колени и смотрел вверх, в небо, бездонное и синее, где нет, совершенно нет никакого края.

— Не может же быть,— размышлял я,— чтобы там не было больше людей! Нигде! Дедушка задира голову, смотрел долго, внимательно.

— Ну?— спрашивал я.— Ответь.

Он улыбался.

— Не может!— соглашался он.— Где-то есть! Непременно есть.— И говорил загадочно:— Если человек хочет, люди есть везде...

Я слушал дедушкин голос. Трогал рукой его колючий подбородок, снова глядел в небо и спрашивал:

— Тебе хорошо?

— Хорошо!— отвечал дедушка. И говорил медленно, разглядывая небо:— Как не хочется умирать, Антошка!

Сожженные рисунки

Я смеялся в ответ, говорил ему:

— Ты никогда не умрешь! Понятно? Ты не смеешь!

Он смеялся тоже, отвечал:

— Ваше приказание будет выполнено!

А потом внезапно умолкал. Смотрел на реку уже совсем другими глазами. Как-то отрешенно, пусто, без интереса. Потом собирал краски. Рвал листы с красными картинками. Собирал мои обрывки. Аккуратно подносил спичку.

Как я жалею теперь об этом... Наши рисунки лежат незаметной грудкой пепла там, на горе, а пройдет зима, растает снег, и уже не останется ничего от наших рисунков...

Потом дедушка купил маленький радиоприемник. Он носил его всюду, куда бы ни шли. Это, признаться, не очень нравилось мне. Ведь раньше мы могли помолчать. Послушать, как поют птицы или шумит река, а теперь все время играла музыка, но она раздражала дедушку, он сердился отчего-то, крутил приемник, искал другую волну, успокаивался ненадолго, если находил последние известия, а потом нервничал снова, и я не мог, никак не мог понять, что с ним.

Однажды мы шли по улице, и вдруг женский голос по радио сказал:

«Григорий Иванович Самойлов разыскивает дочь Надежду, эвакуированную в тысяча девятьсот сорок первом году из Харькова и пропавшую во время бомбежки эшелона в ста километрах от города».

«Нина Петровна Серегина разыскивает братьев, сестер, двоюродных братьев и двоюродных сестер и тетку Антонину Степановну Серегину, проживавших до войны в Смоленске, улица Кирова, дом пять».

Дед остановился, поднес приемник к лицу и смотрел в него, смотрел странно, будто хотел там что-то увидеть.

— Ты что?— спросил я его.

— Да вот, — сказал дедушка, — думаю, думаю. Сколько лет прошло после войны, а

Дедушка внезапно умолкал, как-то отрешенно, без интереса смотрел на реку. Потом собирал краски, рвал листы с красными картинками и аккуратно подносил спичку...

люди ищут друг друга. Ищут. Ищут. И находят.— Он взглянул на меня.— И находят, Антошка! Понимаешь меня?

Чего же не понимать? Я сказал:

— Ты стал какой-то странный. Не замечаешь?

— Странный?— удивился он.

— Пишешь письма,— продолжал я,—носишь все время приемник. Ты раньше не был таким.

Дед неестественно рассмеялся.

— Ты настоящий разведчик,— сказал он.— Все замечаешь. Все видишь.

Я усмехнулся.

— Как же не видеть? Ты у меня один дед. Если бы было два. А то один. И я на тебя смотрю. На кого же мне смотреть?

Дедушка обнял меня за плечи. Заглянул в глаза.

— А ты растешь, Антоха,— сказал он.— На глазах просто растешь.

Он стал боксировать меня. Прямо на улице. Я встал в стойку, тоже его тихонько постукал.

— Время идет,— сказал дед, обнимая меня за плечо, и я согласно кивнул.— Время идет,— повторил он.— У кого — к полдню. У кого — к полуночи. И надо торопиться!

Я кивнул опять.

— Торопиться, торопиться!— повторил с жаром дедушка и добавил неожиданно:— Мало ли?

Взрыв

Потом дедушку пригласил начальник стройки.

— Проект понравился,— сказал отец,— хотят, чтобы ты командовал взрывом.

К взрыву готовился долго. Не один день. По утрам дед уезжал с отцом на стройку. Возвращался поздно, пропыленный, прожаренный солнцем, просоленный потом.

Наконец, сказал мне:

— Завтра в полдень!

Я спросил:

— Кешку можно позвать?

— Нужно!— воскликнул дедушка и добавил с гордостью:— Это самый большой взрыв в моей жизни.

Я позвал Кешку, а пришел весь отряд. Ребята сбились возле меня. Я всем показывал, как нужно вести себя при взрыве: уши зажать, а рот открыть. Дедушка рассказывал мне: чтобы не оглохнуть от канонады, артиллеристы открывали рот.

Дед ходил по диабазовым скалам торжественный, в белой рубашке с галстуком, аккуратно причесанный, за ним шагала толпа взрывников и начальник стройки.

Все повернулись к площадке. Дедушка надевал каску. Потом он махнул красным

флажком, и дежурные, оцепявшие площадку, засвистели в свистки. Дедушка поднял вверх ракетницу, и небо прорезала красная звездочка.

Я вздрогнул.

Пронзительно, жутко завывала сирена. Так, наверное, сирены выли на войне. Во время воздушных налетов. Я представил, что сейчас самолеты станут на нас бомбы кидать, и мне спрятаться захотелось...

И вдруг все смолкло. Настала тишина.

Я слышал, как за спиной тяжело дышит Кирилл.

— Закройте уши!— сказал негромко я, и в эту секунду диабазовая площадка полезла вверх. Вся сразу!

Потом стала рушиться.

И тут все смешалось. Это был настоящий смерч. Тяжелые глыбы уже валялись вниз, а каменные брызги еще взлетали. Было похоже, что кто-то могучий взялся руками за края диабазовой площадки и встряхнул ее резко, как одеяло, когда из него пыль вытряхивают. Так и тут, одеяло взметнулось, рассыпалось на глыбы камня и фонтаны осколков, повисело в воздухе и опустилось вниз, и сразу из-под этого одеяла брызнула в стороны пышными струями каменная пыль.

Грохот заткнул уши тяжелой волной, заполнил открытый рот, взметнул волосы на голове, отшатнул назад.

Еще не успела осесть пыль, как я услышал восторженный голос Кирилла Пухова.

— Вот это картина!— крикнул он.— Это зрелище!

И тут я увидел деда.

Он шагал к нам, пошатываясь. На каске, на лице, на белой рубашке с галстуком лежал плотный слой пыли, а по руке текла струйка крови.

Я бросился к нему, оттолкнув человека с красным флажком, обнял крепко, закричал испуганно:

— Ты что? Что?

Но дед засмеялся и запел:

— Если смерти — то мгновенной,
Если раны — небольшой!

К площадке со всех сторон двинулись экскаваторы. Как на штурм крепости. Заурчали моторами самосвалы.

Разбитый диабаз загромыхал по днищам кузовов.

Бесчестный поступок

Ранка оказалась небольшой, царапина: диабазовый осколок задел. Дежурная врачиха (когда устраивают большие взрывы, всег-

да дежурит врач) смазала ранку йодом, и мы отправились домой.

У деда было прекрасное настроение — он шутил и первый смеялся своим шуткам. Весь отряд вместе с Галей проводил нас до дому. Дед их не отпустил, затащил к нам, устроил праздничное чаепитие.

В большой комнате стало сразу тесно, ребята расселись на полу, дед подливал из большого чайника чай, и всем было хорошо, весело, и лучше всего было мне.

— Эх, ребята, — воскликнул дедушка, когда весь чай выпили, — как хорошо что-то делать! Понимаете, просто делать. Учиться. Работать. Дружить. Вот я старик, жизнь прожил, а помог взорвать площадку и радуюсь, как мальчишка. Даже, кажется, помолодел. Конечно, не все просто. Не все получается так, как хотелось бы. Но это же хорошо. Есть за что бороться! Улучшать!

Потом мы пели. Конечно, начали с любимой:

Уходили комсомольцы
На гражданскую войну...

Расходились шумно, дед каждому жал руку, желал успехов. Последним уходил Пухов. Я уже на площадке был, провожал ребят, но разговор услышал.

Газовый Баллон сказал:

— Извините меня, Антон Петрович.

— За что? — удивился дедушка.

— За белку, — ответил Кирилл.

— Это ты ее убил? — спросил строго дед.

— Нет, — ответил Пухов.

— За что же извиняешься? — удивился дед.

— Я рядом стоял и смотрел... — ответил Газовый Баллон.

Он вылетел из двери как пробка. Я едва успел посторониться. Кирилл был красный как рак. На меня он даже не взглянул.

«Ну и дела!» — подумал я.

Когда ребята ушли, дед отправился за почтой. Вернулся побледневший. В руке распечатанный конверт. Дед сунул письмо в карман, уселся в кресло, взял книжку. Смотрит в книгу и ничего не видит. Я накапал ему лекарства:

— На тебе лица нет.

— Пустяки, — ответил дед. — Наверное, от взрыва.

От взрыва! От взрыва он себя прекрасно чувствовал, я же не слепой. От письма, вот от чего.

Бывает же так! Сидят в одной комнате два близких человека и не ссорились, а молчат. Дедушка молчит. И я молчу. Что ни спрошу — он ответит кратко и снова думает. Думает, думает, думает.

Вскочит, походит по комнате большими шагами, в кухню выйдет, покурит. Снова сидит. Опять молчим. И так до самой ночи.

Меня просто зло разбирает. Вот как можно, оказывается! Родному внуку не сказать! Чего там стряслось еще?

Скажу вам честно — все во мне спуталось. Беспокойство за деда — вон какой пришибленный сидит. И досада на него — будто поделиться не может. Ведь сразу же легче станет!

И я решил ему помочь. Пусть бесчестным путем, но все равно помочь.

Еще вечером задумал: как только уснем, возьму я это письмо и прочитаю. Будь что будет. И утром дедушке скажу, чтобы перестал хандрить. Никакое письмо не стоит того, чтобы из-за него расстраиваться.

Мы легли спать, и меня сразу потянуло в сон.

Знаете, как в сон тянет? Вдруг — раз! — ты куда-то проваливаешься.

Я раза три проваливался. Но выбирался из сна. Поглядывал, спит ли дедушка. Он не спал. Лежал с открытыми глазами. Наконец я увидел, что спит. Глаза закрыты. Чтобы убедиться, я на цыпочках к нему подошел, посмотрел поближе. Спит!

Я подкрался к брюкам. Залез в карман. И тут, как назло, мелочь из кармана посыпалась. Забренчала! Я дышать перестал. Замер! Вот позор будет, если дедушка проснется и увидит меня!

Но в комнате было тихо. Я снова полез в карман. Письмо захрустело, как вафельное. Наконец, вытащил. Пошел на цыпочках в ванную, включил свет, заперся. Развернул письмо.

Оно было написано мелкими буквами. Я торопился и не все разбирал: «Дорогой Антон Петрович... так... слушал передачу «Найти человека»... это было на дороге в Гомель... видимо, Сережа... жену звали Екатериной Ивановной... совпадает год рождения... сохранилась единственная фотография... сообщите, как поступить... прошло столько лет...» Последние слова были написаны крупными, почти печатными буквами: «Может, все и не так, а я зря мечусь по свету и только принесу вам тревогу. Сообщите, как поступить». И все. И адрес.

Я пожал плечами, ничего не понял, вложил письмо в конверт и на цыпочках вернулся в комнату.

Я вошел туда и вздрогнул: дедушки не было!

Ночной разговор

Я так напугался, что даже ничего не успел сообразить.

Выбежал, хлопнув дверью, в прихожую, заглянул в комнату, где спали отец и мать,

потом выскочил на кухню и облегченно вздохнул. Ф-у-у! Дедушка сидел на табуретке и курил в темноте. Огонек сигареты то вспыхивал малиновым фонариком, то угасал.

Я включил свет и сказал:

— Как я напугался! Ты же спал! И вдруг исчез!

Дедушка молча смотрел на меня, на мою руку, я перевел взгляд туда же, и меня словно обдало кипятком. В руке я держал письмо!

Я поднял глаза, чувствуя, как бьется в висках прихлынувшая кровь. Что я скажу в оправдание? Да и какое может быть оправдание, если я залез в карман, как какой-то вор!

Дедушка смотрел на меня пронзительно, как бы даже и не на меня, а в меня. Как будто разглядывал мое устройство. Каким таким образом я сделан, что сумел залезть в чужой карман?

— Я не шпиону, не думай,— проговорил я наконец мрачно.

— Еще бы!— сказал он.

— Я просто прочитал, понимаешь! Ты какой-то убитый, и я решил прочитывать, потому что нельзя так убиваться из-за писем!

Он посмотрел на меня снова. Но уже совсем не так, как вначале. Потом прикрыл глаза, сказал:

— Погаси свет и садись. Пошепчемся!

— Пошепчемся!— сказал я горячо, и волна нежности окатила меня.

И вот мы сидим в темноте, и я шепчу, что он поступает неправильно, что он мой дед и должен все рассказывать внуку, ведь мы же друзья в конце концов.

Дедушка шепчет:

— Ты прочел?

— Ничего не понял, очень мелко написано. Это твой друг? Фронтовой?

— Нет,— отвечает дедушка,— не друг. А я думал, ты понял. Это не друг, Антошка, а чужой человек. Может быть, это твой дедушка.

— Мамин папа давно умер,— говорю я,— и дедушка у меня один, не то что у Кешки.

— Ты забыл мою военную тайну?— спрашивает дед.

Будто кто-то бьет меня прямо в поддых.

— Ты что!— кричу я шепотом.— Ты что говоришь! Какой еще дедушка? Дедушка— это ты!

Он берет меня за руку. Гладит своей ладонью. Ладонь у деда шершавая, грубая и горячая.

— Слушай, Антошка,— шепчет дед,— слушай внимательно и не перебивай. Тогда, в войну, когда я нашел Сережу, я написал

К площадке со всех сторон, как на штурм крепости, двинулись экскаваторы.

Лидушке, чтобы она искала его отца. Но как? Она мне так и ответила: искать будем после войны. И после войны искать было трудно. Почти невозможно. Что я знал? Мальчика звали Сережа, а его мать — Катя, Екатерина. Все. Если бы не танки, я нашел бы тогда тело матери, взял документы. Но немцы напали неожиданно. Пришлось отступить. Я запрашивал детприемники, писал в другие организации. Везде отвечали: установить родителей невозможно. И мы успокоились. Усыновили Сережу. Думали — все. Навсегда!

Он умолк. Ладонь его лежала на моей руке, и я чувствовал, как она вздрагивает. Я накрыл ее своей ладонью. Сжал ее.

— Ну и что? — сказал я. — Конечно! Конечно, навсегда! И ты мой дедушка, хватит об этом!

— Подожди, — ответил он, — я тоже думал так. Но на радио теперь есть такая передача. Разыскивают людей — бывших детей. По воспоминаниям. По мелким деталям. Я написал туда письмо. По радио рассказали про Сережу. Как он пел. Как звали маму. На какой дороге это было. И примерно когда.

Огонек сигареты давно погас, но дедушка не замечал этого.

— И вот пришло письмо, — сказал он. — Может быть, это Сережин отец. И твой дедушка.

Я чуть не закричал. Меня душили слезы и досада. Такая досада на дедушку!

— Зачем? — прошептал я. — Зачем ты это сделал? Зачем? Зачем? Зачем?

Решение

Он молчал долго. Он, наверное, не думал, что я так возмущусь. Потом вспыхнула спичка, и сигарета опять загорелась малиновым огоньком.

— Возьми себя в руки! — сказал дедушка твердым голосом. — И будь мужчиной!

Он помолчал. Потом произнес:

— Хочу верить, что ты поступил бы на моем месте точно так же. Иначе ты бы не был моим внуком.

На слове «моим» он сделал ударение.

Я успокоился. Дедушка говорил со мной на равных. А если с тобой говорят на равных, значит, нельзя пищать. Нельзя паниковать, становиться девчонкой. Надо стоять вровень с человеком, который говорит с тобой серьезно.

Я повторил, только теперь другим тоном: — Зачем ты это сделал, объясни?

— Я убежден, что папа никогда, — понимаешь, никогда! — не станет искать родных. Родным он считает только меня, и я ему за это благодарен.

— Правильно! — шепнул я.

— Правильно с точки зрения Сережи. С твоей. Но я обязан сделать все! Это долг моей совести! Последний долг.

— Что за полуночники? — раздался голос.

Мы вздрогнули и зажмурились от яркого света. На пороге стоял папа в трусах и разглядывал нас с подозрением.

— А накурили! — возмутился он.

— Ничего, ничего, — пробормотал смущенно дедушка, — ты иди, нам не спится, ведь мы же утром куда-то не торопимся.

Папа попил воды, щелкнул выключателем и ушел, буркнув:

— Настоящие заговорщики.

Я усмехнулся. Действительно, заговорщики. Говорим о папе, а он даже и не подозревает. Вообще! Дедушка шлет письма, ищет папиных родственников, а мы и не догадываемся. Не предполагаем, черствые люди, что с дедом творится!

Я прижался лбом к дедушкиной руке.

— Что же ты, старичок мой, — сказал я, — так себя мучаешь?

Он тихонько засмеялся.

— Эх, Антошка, Антошка! Как интересно тебя наблюдать! Какой ты забавный человечек!

— Я не человек, а человек! Я расту, ты сам говорил. И потом, почему вы, взрослые, всегда нас маленькими считаете? Если человек ростом небольшой, это еще ничего не значит! Он такой же человек, как и взрослые! И все понять может! Разве не правда?

— Правда, — ответил дед, — еще какая правда! Но что же мне делать?

— Ты спрашиваешь? — удивился я. — А сам давно решил.

— Решил! — твердо ответил дедушка и потушил сигарету.

Человек в вышитой рубашке

Что он решил?

Весь день дедушка был сам не свой. Бродит по комнате. Протирает посуду на кухне. Одну чашку разбил.

— К счастью! — кричу я, но слышу в ответ лишь напряженное молчание. Наверно, он даже не понял, что разбилась чашка. Подобрал осколки, высыпал в мусорное ведро.

Вечером дедушка говорит, пряча глаза:

— Ко мне хотел приехать друг. На один день. Может, на два.

Папа читает газету, мама гладит белье, они заняты и не замечают, что творится с дедом.

— Пусть поживет у нас,— говорит папа. Дедушка кивает, нажимает на пальцы, хрустит ими. Смотрит в одну точку. Потом сильно хлопает себя по коленкам.

— Достаточно!— восклицает громко.

Мама и папа смотрят с удивлением.

— Ольга,— говорит дед энергично.— Дело! Дай какое-нибудь дело!

— Нет у меня дел,— отвечает мама.

Тогда дед подходит к ней, отнимает утюг, начинает гладить. Мама возмущается, но он ее как будто не слышит.

— Подготовить фронт работ!— кричит он.— Давай, давай! Я заканчиваю гладить... Всяческое самосозерцание, между прочим, вредно! И вообще! Если человек принял решение, дальше надо только действовать! Ясно!

— Ты это кому?— удивляется отец.

— Сам себе!— отвечает дед и подмигивает мне.— И вот еще Антошке! К тебе это не относится.

Он изменился. Уже не ходил впустую по комнате, не курил подряд по нескольку сигарет. Действовал! Стал копать газон возле дома. За два дня перепахал, наверное, гектар, а когда за лопату брался я, прогонял прочь или умолял:

— Антон! Оставь мне работы! Прошу честью!

И подмигивал весело. Но я-то понимал его! Понимал это его натянутое веселье. Подал телеграмму и ждет. А чтобы не думать, не мучиться, ищет отвлечения. Всякую работу.

Дни шли, я чувствовал, как растет напряжение даже во мне. А дед не сдавался. Копал землю. Обливаясь потом, поднимался домой напиться. Вечером отчитывал отца:

— Плохо поставлено озеленение. Хорошо хоть кедры кое-где оставили, но подрост нужен. Молодая зелень. Новый поселок, а даже травы, стыдно сказать, нет!

Папа с ним согласился. Сказал иронически:

— Хотели создать хозяйство по озеленению, да, я думаю, ни к чему. С твоей энергией ты один весь поселок превратишь в цветущий оазис.

Но это продолжалось недолго... Однажды, когда дед копался во дворе, к нам позвонили. Я открыл дверь и сразу понял: тот.

Передо мной стоял высокий седой человек с черными бровями. На нем была красиво вышитая украинская рубашка.

Он поставил чемодан на пол, молча пожал мне руку — рука у него была мягкая и потная. Я незаметно вытер свою руку о штаны, побежал к окну, позвал деда. Тот явился немедленно, остановился в прихожей, глубоко вздохнул.

— Ну что ж!— сказал он.— Проходите.

В общем, я не отходил от них ни на шаг. Гостя звали Савченко. Николай Михайлович. Свое имя он выговаривал интересно: Ми-

колай. Я глядел на него и не мог представить — ни на мгновение, ни на полмгновения даже, — что он может быть дедом. Моим дедом. И отцом папы.

Я разглядывал его чужое лицо, его брови, словно покрашенные черной тушью, его рубашку, его руки, приглядывался к походке, прислушивался к голосу, и больше всего мне хотелось одного — отозвать его в кухню и сказать: «Уезжайте! Пожалуйста, уезжайте! Зачем вы приехали?»

— Мальчик знает?— спросил приезжий.

— Его зовут Антон,— ответил, кивнув, дед. Савченко словно не расслышал.

— А Сергей?— спросил он.

— Нет,— ответил дед.

— Тогда слушайте!— сказал Савченко.

Еще одна история Про трубача

Он тогда совсем молодым был, этот седой человек.

Как только про войну узнал, сразу добровольцем записался. Обнял жену свою Катю, поцеловал сына Сережу, сел в грузовик и уехал на войну.

За грузовиком пыль столбом поднималась. Сквозь пыль смотрел он на жену и сына, взгляда оторвать не мог...

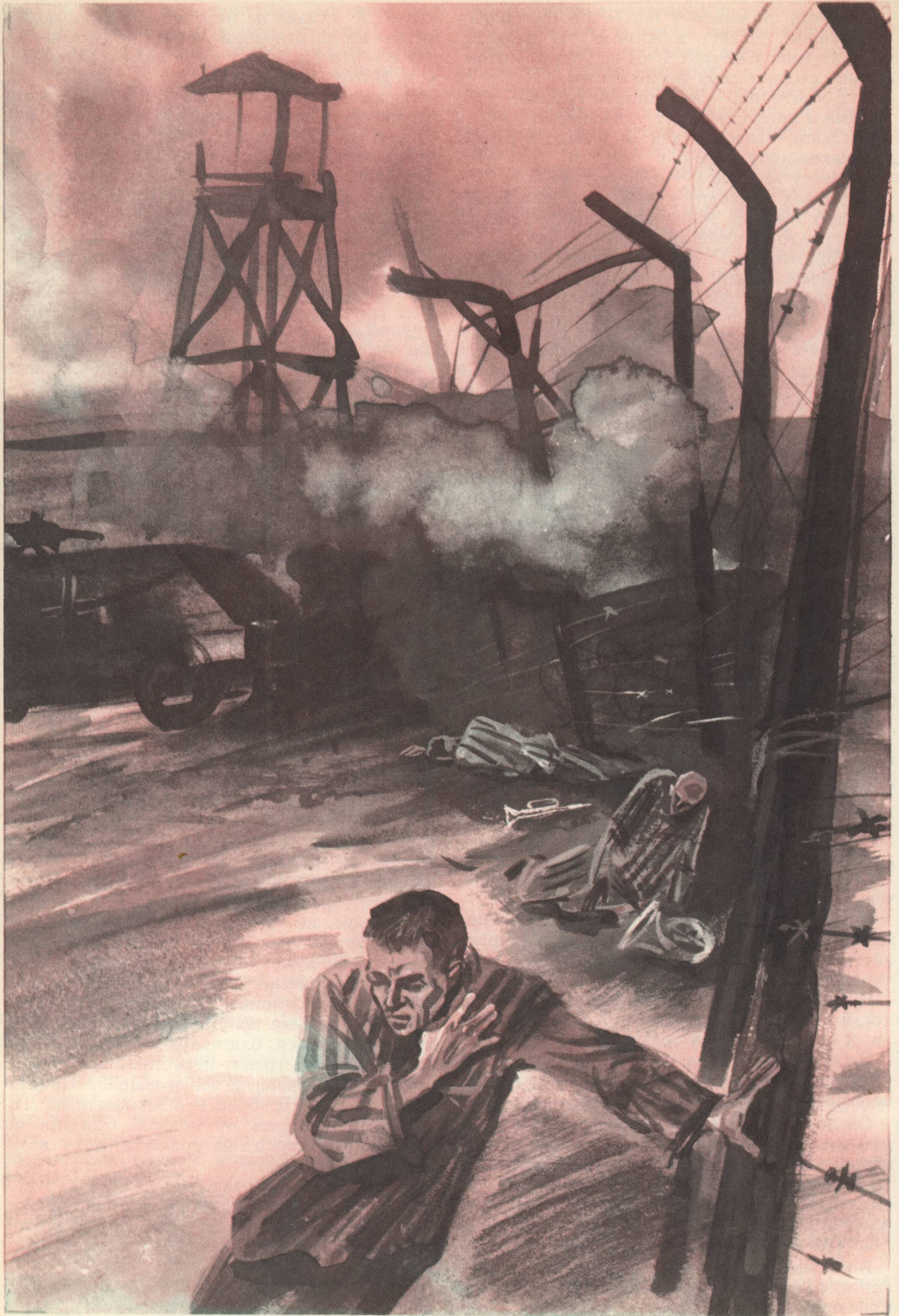
В первом же бою отличился. Немец кинул гранату, в окоп попал. Крутится граната на дне окопа — на нашу не похожая, с длинной ручкой, и не взрывается. Потом уж он понял, что у фашистских гранат время до взрыва дольше, не то что у наших — кинул, и бабах! Эта еще на земле крутится. А тогда ни о чем не думал. Схватил гранату и обратно немцам швырнул. В воздухе взорвалась. А его страх прошиб. Да поздно, слава богу. Если бы раньше испугался — все, могила. А тут жив остался, благодарность от командования получил, гранат перестал бояться.

Через эти гранаты все и вышло. Прославился он, как храбрец необыкновенный. Голова закружилась от похвал. Схватил он еще раз гранату, а она прямо в руке взорвалась.

И опять ему повезло.

Да лучше бы не повезло! Это он так сказал. Лучше бы, сказал, убило на месте. А его только контузило, да осколок руку рассек.

Упал он, оглушенный, а, когда в себя пришел, над ним фашист стоит.

Попал он в плен. В гитлеровский плен. В самое страшное место — в лагерь смерти. В лагере допытывались, кто кем до войны был. Искали разных специалистов. Инженеров. Электриков. Зачем-то нужны были. А он был музыкантом. До войны в оркестре играл. На трубе. Солист оркестра. Это, значит, вместе со всеми может играть, а может и отдельно, если надо, конечно.

Когда фашисты узнали, что он солист, очень обрадовались. Он не понял, почему. Зачем им музыканты? Разве можно было даже подумать, что зверство и таким бывает?

Его взяли в оркестр. Собрали музыкантов всех национальностей. Раздали ноты. Велели разучить всякие вальсы, веселые марши, фокстроты.

Разучили музыканты музыку, и началась у них работа.

— Боже мой! — сказал он. — Боже мой! Зачем я тогда выбросил гранату? Лучше! Было бы лучше, если бы она разорвалась.

Работа была страшная. Музыкантов берегли. Им даже давали побольше еды. Потому что у музыкантов должен быть неплохой вид. Не цветущий, но и не ужасный. Не как у остальных.

Остальные работали день и ночь в каменоломнях. А потом их отводили в баню. И отправляли в другой лагерь.

Это так говорилось. Из трубы бани валил черный, смрадный дым. Это была печь, где сжигали людей. И ни в какой лагерь они после этой бани уже не уезжали.

Но так говорили фашисты. Улыбались, провозжая в баню новую партию. Махали пленным белыми перчатками. И играл оркестр. Всякие веселые мелодии. Вальсы, марши, фокстроты.

— Счастливого пути! — смеялся фашистский комендант, а потом подходил к трубачу и бил его, коротко размахнувшись, кожаным хлыстом по лицу.

— Эй, — кричал он, — солист! Веселее играть! Веселее!

И трубач играл соло на трубе. Весело играл, беззаботно. Хоть пляши! Ну, настоящий праздник! И те, кого отправляли в баню, смотрели на него с ненавистью, хотя по лицу трубача сочилась кровь от удара хлыстом.

Сначала он плакал по ночам. Потом не плакал — слезы все кончились. Он страдал оттого, что не мог даже плакать. Ему хотелось умереть. Но музыкантов берегли.

Однажды он бросил трубу. Стал топтать ее ногами, проклиная, что выучился музыке. Оркестр заглох. Его выхватили из строя, и он обрадовался этому. Обрадовался, что конец, все. Что и его отправят в баню. Может быть, это было легче, чем играть.

Музыкантов не успели сжечь. Их просто расстреляли в вторых. К лагерю мчались наши танки, и фашисты дали очередь по веселому оркестру.

Но его избili шомполами. И дали новую трубу. Он опять солировал. Только теперь по-новому. Он глядел сухими глазами на людей в полосатых пижамах, которые уходили в печь, и играл так, что в веселой музыке слышались зловещие ноты.

И снова ему повезло. Музыкантов не успели сжечь. Их просто расстреляли в вторых. К лагерю мчались наши танки, и фашисты дали очередь по веселому оркестру.

Пуля попала трубачу точно в грудь. Он упал. А когда очнулся, над ним стояли закопченные танкисты. И на их лицах он увидел ужас. И тогда он приподнялся. Взял в руку трубу и поднес ее к губам, чтобы сыграть что-нибудь веселое.

Он дунул в трубу, и блестящая медь обогривась кровью: пуля пробилась ему легкое...

Он вернулся домой и никого не нашел. Соседи, которые шли по дороге с женой и сыном, говорили, что потеряли их, когда налетели фашистские самолеты.

Он искал их повсюду. Писал письма. Ездил в Москву. Следов не было. Он понял, что война погубила и их.

Словно умер трубач. Живой, да не живой. Ходит, ест, пьет, но будто не он ходит, ест, пьет. А совсем другой человек. Музыку до войны больше всего любил. После войны слышать не может. В новой квартире радиопроводку снял. Оркестр из жизни вычеркнул. Устроился на завод.

Потом женился. Жену зовут Катя. Родился сын — Сережа. Уже в институт поступил. И музыканту стало казаться, что войны и не было никакой. Что все во сне приснилось. Что не прощался он с Катей и сыном, не уезжал в грузовике на войну — просто время куда-то исчезло. Время его мук.

Стал он оживать. Радио провел в квартире. Правда, когда музыка, старается выключать.

И вдруг он услышал: выступает Агния Барто. И рассказывает про Сережу.

Он даже похолодел...

Все в нем перевернулось.

Не верю!

Я смотрел на гостя во все глаза.

Откуда он все это придумал? В какой такой книжке прочитал?

Нет, не подумайте, будто я ему не поверил. Такое было, я слышал. Но разве могло быть это с ним? Я гляжу на человека в вышитой рубашке и никак не могу понять, что это он, тот трубач. Нет, не могу... Да еще он, может быть, мой дед!

— Как будем действовать? — спрашивает дедушка.

— У него на руке была родинка. На локтевом сгибе, — говорит человек.

Дедушка сосредоточенно молчит. Я лихорадочно вспоминаю, есть ли у папы родинка. По-моему, нет.

Дед опускает голову.

— Не помню.

— Последняя надежда — фотография, — говорит человек. — Я слышал, существует экспертиза. Можно установить, тот человек или не тот.

Он достает бумажник, вынимает из него пожелтевшую фотографию. Там какой-то веселый мужчина, молодая женщина. Белобрысый мальчишка обнимает их.

Я смотрю на карточку придирчиво. Сердце колотится набатом. И в висках стучит молоточками. И душно. Неужели это папа?

Папа! Это сразу ясно.

Но, может, не он? Конечно, не он!

Мало ли похожих людей! И потом, разве таким был папа в детстве? Я видел его фотографии. Он был там постарше. С бабушкой. Потом вместе с бабушкой и дедом. Потом с дедом вдвоем — оба в военной форме: дед — в настоящей, а папа — в гимнастерке. Ему дед привез с фронта, попросил военных портных сшить.

Я лезу в стол. Достая альбом. Гость надевает очки, не спеша разглядывает каждый снимок. Меня злит, что он такой медлительный. Не может посмотреть быстро и сказать: «Извините, я ошибся!» Он молчит, рассматривает наши фотографии, а у меня дрожат руки, дрожат колени. И вдруг я чувствую, как дед берет меня за локоть.

Я смотрю ему в глаза. Он спокоен, лицо его окаменело. Только вздрагивают краешки губ.

— Ну что, внук? — спрашивает он меня негромко.

Внук? Он никогда не называл меня так прежде. Антошкой называл. Антохой. А внуком — никогда. Мы были с ним друзья. И я был ему другом — это больше, чем внук. Он понимал это. А тут назвал внуком.

Я понял деда. Улыбнулся ему, обнял за шею, сел к нему на колени, прижался. Шепнул:

— Нормально, дед!

— Ну и все, — ответил он весело.

Мы рассмеялись. Господи! Мой настоящий дед — дедушка.

Родина

Гость посмотрел фотографии. Задумался. Сказал:

— Трудно сказать. Подождем. Только я вас прошу — пока ни слова. Можно и оши-

биться. Будет непростительно. С этим не шутят.

— Я прошу вас о том же, — ответил дед. И вот мы ждем. Капает вода из крана на кухне. Тихо капает, но я слышу.

Кап, кап, кап! Кап!

Капля бухает, как дедушкин взрыв.

Бум! Бум! Бум!

И сердце сжимается от предчувствия.

Я иду на кухню, чтобы закрутить кран, и раздается звонок. Это папа. Он улыбается. Напеваает песенку:

Если смерти — то мгновенной,
Если раны — небольшой!

Кричит деду:

— Ну, отец, твоя песня и ко мне прилипла.

— Иди сюда, Сергей! — говорит дедушка. — Знакомься: мой старый товарищ.

Гость поднимается с дивана, бледнеет, губы у него дрожат. Я досаую на него — ведь не сдержится, скажет или закричит еще, чего доброго. Но он трясет обеими руками папину руку, долго разглядывает его глаза, как разглядывал фотографии. Улыбка блуждает на его лице, мне кажется, он может упасть, я подхожу поближе, чтобы поддержать, в случае чего.

— Вот ты каким стал! — говорит он глухим голосом.

— А что? — спрашивает папа. — Вы меня раньше видели?

Гость встревоженно глядит на дедушку, тот кивает:

— Мальчишкой.

— А-а, — улыбается отец, — а я вас не помню.

— Разве же упомнишь! — отвечает человек в вышитой рубашке.

Мне не терпится увести отца в кухню, сказать, чтобы показал немедленно руки. Но он не торопится. Говорит с гостем о разных пустяках. Рассказывает про стройку.

Дедушка поднимается, собирает на стол. Я ему не помогаю. Все придвигаются к столу, стучат стульями. Наступает такая простая минута, словно разрядка от долгого напряжения, и мне вдруг приходит идея.

— Пап! — кричу я. — Давай на локотки! Кто — кого?

— Ну, — смеется отец, — нашел время!

— Прошу! Прошу! — умоляю я, а дедушка и гость смотрят на меня непонимающе.

— Хорошо, — отвечает отец.

Мы ставим локти на стол, беремся кистями, и я пыхчу, стараюсь изо всех сил, чтобы повалить руку отца.

— Не жульничать! — кричит он. — Не подниматься!

Я, конечно, проигрываю. В другой раз мне было бы досадно, но сейчас не до этого.

— Еще! — кричу я, и отец снова укладывает мою руку.

— Со мной-то легко! — радуюсь я. — Вот попробуй победить дедушку!

Я смотрю выразительно на деда. Он пожимает плечами. Я делаю ему большие глаза. И он догадывается! Еще бы! Дедушка — мой друг! И мы всегда понимаем друг друга! Если надо — даже без слов.

— Ну что ж! — говорит он весело и закатывает рукава.

Папа закатывает их тоже.

— Ну-ка! — командуя я. — Раз, два, три! Они сражаются яростно и упорно. Дед покраснел. Конечно, у него меньше сил, чем у папы. Но он опрокидывает руку отца.

— Один — ноль! — кричу я и вижу, как дедушка и гость смотрят на папину руку. Там ничего нет. Никакой родинки. Чисто!

— Другой рукой! — приказываю я, и дедушка снова побеждает.

— Два — ноль! — подпрыгиваю я. — Два — ноль!

Папа — наш! Мой, дедушкин!

Седой человек

И тут мне становится грустно. И жалко. Я называл его про себя «гость», «он», «этот человек». Я не знал, как называть иначе, потому что имя и отчество ничего не значат, когда думаешь, что, может быть, он тебе дедушка.

У него седая голова. Он много перенес. Да что там! Разве подходят все эти сухие выражения, чтобы сказать, какая выпала ему горькая судьба?! А главное, он потерял сына, Сережу, который похож на моего отца. Что было бы, если б я потерял папу? Или дедушку? Или они потеряли меня? И мы никогда бы не встретились больше?

Мне стыдно, что я не верил седому человеку.

Он сидел за столом подавленный, опустив голову. Папа и дедушка тревожно поглядывали на него, потом уложили на диван, укрыли одеялом.

Мы вышли из комнаты. Выходя, я обернулся и вздохнул.

Лицо у трубача подергивалось в каких-то судорогах. Он то как будто смеялся, то плакал.

Утром он встал разбитый, совсем неотдохнувший, с синими кругами возле глаз. Стал прощаться. Дед дал ему пакет.

— Здесь фотографии и письмо, — сказал он. — Все равно вы летите через Москву. Позвоните по этому телефону. Скажите, что от меня. Мой друг — генерал милиции. Он делает экспертизу.

Гость ничего не сказал. Пакет взял.

Мы проводили его до автобуса, который

шел в аэропорт. Он крепко обнял деда. Сказал:

— Спасибо, добрые люди!

— Может, вы ошиблись, — сказал дедушка, — может, родинки не было. Надо до конца, понимаете! Мы с вами должны!

— Должны! — горько кивнул седой человек. — Должны!

Автобус зарычал, зашипел тормозами, медленно двинулся.

— Пришли телеграмму! — крикнул он и стал махать нам рукой.

Мы махали ему в ответ.

Автобус умчался. Пыль от автобуса осела. На остановке было пусто.

— Ответь, — сказал я деду, — зачем ты дал ему фотографии? Чтобы успокоить его?

Дед задумчиво глядел на меня.

— Нет! — сказал он. — Все-таки вы счастливые! О войне знаете только по книжкам. И понять не можете, что такое горе.

Дедушка положил ладонь на мое плечо.

— Пусть! — сказал неожиданно. — Да, пусть! Что в этом страшного? Ничего! Напротив, это прекрасно. Зачем вам знать горе!

Мы медленно отправились домой. И дедушка словно только теперь услышал мой вопрос.

— Разве его успокоишь? — ответил он.

Мы проходили мимо фотографии.

— Антошка! — предложил дед. — А не сфотографироваться ли нам?

Мы вошли в фотографию. Какой-то прилизанный человек долго смотрел на нас в забавный фотоаппарат, похожий на ящик. Дедушка сел, а я встал сбоку и положил ему руку на плечо. Как на той фотографии.

— Внимание! — крикнул фотограф. — Птичка!

Мы замерли, и я едва сдержался, чтоб не расхохотаться: какая еще птичка, я же не маленький.

Я часто смотрю на эту фотографию. Она висит теперь рядом с той: молодой дед и бабушка Лида с длинной косой. Дедушка и бабушка серьезные на своей фотографии, а мы с дедом совсем наоборот. У деда глаза смеются, а у меня губы поползли — сейчас фыркну!

Телеграмма

Было ли все это?

Было ли?

Седой человек в расшитой рубашке. Автобус, уходящий вдаль. Прохладное фотографье.

Я ли был рядом с дедом? Я ли ходил, гово-

рил, улыбался? Я ли жил беспечно и бездушно, ни о чем, ни о чем не думая?..

Дед нервничал, пока не приехал украинец, а когда тот уехал, снова забеспокоился.

Ночью дедушка вздыхал, просил меня накапать лекарство, а я его спрашивал:

— Почему не идешь к врачу?

А он пел шепотом в ответ:

— Если я заболею,
К врачам обращаться не стану,
Обращусь я к друзьям...

Я смеялся, он тоже смеялся, и я засыпал безмятежно, крепко, как убитый.

Однажды утром раздался звонок.

Я побежал открывать дверь. Дед двинулся за мной.

На пороге стоял телеграммщик. Тот самый!

Он был побрит и рубашку надел свежую.

— Распишитесь,— сказал он, пряча глаза.

Дедушка расписался и протянул руку за телеграммой.

— Послушайте,— сказал телеграммщик,— что же вы тогда не сказали, что вы генерал?

Дедушка хмыкнул. Нахмурился.

— Какое это имело значение? — спросил он.— И какое имеет?

— Имеет, — ответил телеграммщик. И вдруг смутился: — Хотя, конечно, кто я для вас?..

— Знаете,— сказал дедушка,— не могу о вас судить, потому что вижу всего второй раз. И не в этом дело. Не обязательно мне вас знать близко. Просто, если вы в самом деле майор, вспомните войну. Вспомните себя на войне. Не вообще на войне, а в трудный час. Каким вы были. Вспомните, это может.

Телеграммщик сказал:

— Сегодня последний день телеграммы ношу. Вот эта последняя. Даже, видите, переоделся, побрился, когда узнал, что к вам зайду. В общем, перехожу на стройку. Пока сварщиком. Не знаю, выйдет ли.

— Выйдет,— ответил дедушка.— Все правильно.

— Ну, я побежал,— вздохнул телеграммщик. И улыбнулся: — Зашел извиниться, товарищ генерал.

— Я для вас не генерал,— ответил дедушка.

— Нет,— сказал он,— для меня-то вы как раз генерал.

Дедушка пожал телеграммщику руку. Крепко встряхнул.

Дверь захлопнулась.

Дед прислонился к стенке. Откинул голову. Шепнул:

— Антошка, лекарство! Скорее!

Я помчался мгновенно.

Молнией!

Долго ли на кухню за водой, потом в нашу комнату, пятнадцать капель — и обратно.

Когда я капал лекарство, во дворе засигналил грузовик. Я выглянул в окно. Там стоял самосвал, полный маленьких березок и елей.

— Привезли! — крикнул я дедушке.— Саженцы привезли!

Он стоял в коридоре бледный, с испариной на лбу. Выпил лекарство. Глубоко вздохнул. Проговорил:

— Дай лопату!

— Надо полежать! — ответил я.

Дед промолчал. Развернул телеграмму, прочел ее, протянул мне.

«Экспертиза не подтвердила простите великодушно Савченко».

— Вот видишь! — крикнул я обрадованно.— Все в порядке!

Я был рад. Бесконечно рад. Теперь-то уж конец дедушкиным мучениям. Я весело глядел на деда, он тоже улыбнулся, подмигнул мне, взял лопату и пошел во двор.

Машина быстро разгрузилась и ушла. Я стал переодеваться, чтобы помочь деду.

И тут кто-то отчаянно закричал на дворе:

— Антошка! Антошка!

Я выглянул в окно. Мальчишки махали мне рукой и орали:

— Скорее! Скорее! Дедушка!

Сердце словно оборвалось.

Я кинулся сломя голову по лестнице, громко выстрелил дверью.

— Где? — кричал я отчаянно.— Где?

Дедушка лежал, уткнувшись лицом во вскопанную землю. Одной рукой он сжимал тонкий ствол березки, а другой — лопату.

— Дедуля! — шептал я.— Ну вставай, дедуля!

Я перевернул его на спину.

Я увидел открытые глаза.

— А-а-а-а!

Ночь

Я слышу до сих пор собственный крик. Он раздается вдруг среди ночи, я вскакиваю, шепчу:

— Дедушка! Дед!

Но никто не откликается.

И я плачу. Плачу навзрыд.

В комнату вбегает мама, гладит меня по плечам и говорит:

— Ну, Антошка! Антошка!

Она тоже плачет.

Приходит папа.

Он обнимает нас изо всех сил, до боли, и говорит срывающимся голосом:

— Ребята! Ребята, будьте мужчинами!

Нет, это невозможно!

Это выше сил!

Я не могу, не могу, понимаете!

Я не могу быть мужчиной!

На крутой горе

Мы похоронили его на горе.
На самой вершине отвесной скалы, откуда видно далеко вокруг.

И плотина прямо под ногами.

И дальняя тайга, которая скоро исчезнет, а вместо нее будет море.

И еще тайга, которая никогда не исчезнет, а будет вечно шуметь, принося на вершину запах смолы и хвои.

Когда-то я был здесь, на этой вершине. Кешкин дед Иннокентий Евлампиевич взял отпуск, сделал деревянную колотушку, и мы отправились шишковать. А потом вышли сюда, и я поразился. Поразился красоте. Раздолью. Близости неба.

Дедушку похоронили там.

Взрывники заложили динамит, и эхо прокатилось над далекой тайгой.

Дедушка лежал спокойный, в парадном мундире. Только без орденов. Ордена горели на красных подушечках. И все горело вокруг. Пионерские галстуки нашего отряда. Наш отрядный флаг, опущенный к гробу. Красное знамя в руках Бориса Егорова. Горела медь горнов и солнце над головой.

Эх, солнце!

Опять, как тогда. Меня еще не было, и папе исполнилось три года, когда началась война, неожиданно-негаданно, и солнце не спряталось тогда за тучи, будто и его застали врасплох.

И сейчас.

Сейчас тоже врасплох! Оно не знало, конечно, что дедушка умрет, не знало, как и я, а то бы спряталось, опустило покрывало черных траурных туч.

Я стою возле гроба.

Я смотрю на деда.

Руки отяжелели, и голова тоже. Весь я пустой и каменный, не живу, не дышу, только вижу.

Вижу папу, стоящего на колене у гроба. Вижу маму в черной одежде. Она положила руку отцу на плечо. Будто на той фотографии. Анна Робертовна в черном платке. Гриша ее под руку держит.

Я слышу звуки.

Странный плач.

Это плачут горны.

Они сверкают на солнце, трепещут алые вымпелы на каждом из них, но горны плачут.

И вдруг слышится еще что-то.

Я смотрю в сторону, на стройку, и все оборачиваются туда.

*Мой генерал всегда рядом.
Вот он смотрит на меня
со стены, и глаза у него на
этой фотографии улыбаются.*

Я вижу белую плотину, а в котловане и дальше, на берегу, множество машин. Множество самосвалов.

Они стоят. Это странно. Машины никогда не стоят на стройке.

Но тут они стоят, замерли и... гудят!

И там, в котловане, люди, похожие на муравьев, остановились, смотрят, подняв

руки к глазам, на высокую вершину, где стоим мы.

Меня зовут Антошка, вы знаете.

Меня называли так в честь деда, и это значит, что дедушка всегда со мной. Мой генерал всегда рядом.

Вот он смотрит на меня со стены. Сперва — молодой, глаза сверкают озорно. Потом — старый, вместе со мной, но и на этой фотографии глаза у него улыбаются.

Он улыбался, когда пел:

Если смерти — то мгновенной,
Если раны — небольшой!

И правда, разве это плохо — умереть так сразу? А если ранят, пусть рана скорей заживет!

Дед со мной. Он рядом. Он так жил, что не может умереть. Никогда!

Я просыпаюсь по ночам и больше не плачу.

Я только думаю с тоской, что никогда дедушка не скажет мне строго:

— Думай!

Не попросит мягко:

— Пошепчемся!

Не улыбнется ласково:

— Эх, Антоха!

Я сдерживаюсь.

Я не плачу.

Я глотаю тугой комок, подкативший к горлу, и складываю стихи про дедушку:

— Мой генерал! Мой генерал! — зову
три раза,

— Мой генерал, ты только не молчи.

Ведь ты же знаешь, что без воинских
приказов

Не могут бить тревогу трубачи...

Я придумываю эти стихи. А они не выходят.

Я тычусь головой в подушку и бью ее отчаянно кулаком.

Все равно я сочиню эти стихи. Все равно, дедушка, ты будешь живой.

Все равно! Все равно! Все равно!

*Горны сверкают на солнце, трепещут алые вымпелы...
Горны плачут. А в котловане множество машин.
Они стоят, замерли и гудят.*

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

На средства, полученные от сбора металлолома, мы установили во дворе нашей школы памятник герою-бойцу, отдавшему жизнь за Родину, — Аркадию Гайдару. На открытии присутствовали делегаты всех дружин города. «Гайдаровец», Г. Сарань, Школа-интернат Карагандинская область.

ПОИСК

Мы, члены кружка литературного краеведения из Биробиджана, узнали, что в 1932 году Гайдар побывал на Дальнем Востоке. Здесь он работал в редакции газеты «Тихоокеанская звезда», здесь была написана книга «Военная тайна». В Хабаровске мы разыскали здание, где помещалась редакция, встретились со старыми сотрудниками «Тихоокеанской звезды», с которыми работал и дружил Гайдар, записали их рассказы.

Гайдар приехал

Вспоминает Виктор Тимофеевич Королев:

Как самому молодому сотруднику редакции мне поручили встретить Гайдара на вокзале. Поезд опаздывал на целых три часа, и я вернулся в редакцию. Сел за стол, принялся было за работу и... заснул. Просыпаюсь от мелодичного насвистывания. Приоткрыл я левый глаз и вижу: нога в хромовом сапоге отстучивает ритм по полу. Открываю оба глаза — сидит передо мной на краю редакционного стола человек в полушубке. Через плечо — полевая сумка, круглолицый, широкая улыбка, веселье глаза. Я чуть со стыда не сторел, когда понял, что проспал. А человек улыбнулся еще шире, протянул мне руку и говорит: «Давай знакомиться — Гайдар!»

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Нашу выставку сочинений и рисунков о Гайдаре посетили 558 школьников. Почетных гостей мы угостили чаем. (Тимуровец все должен уметь, верно!)
Штаб РСВ, школа № 16, г. Черногорск.

Гайдаровский метод

Рассказывает Андрей Федорович Ивнинский:

Однажды, отправляясь в командировку, Гайдар купил ружье, обличился в ватные брюки, телогрейку, валенки и пешком отправился в путь.

— Ждите меня с добычей! — крикнул он на прощание.

Прошло много времени, в редакции начали волноваться: мало ли какая беда могла приключиться с Гайдаром.

А Гайдар, как потом оказалось, добрался до центральной усадьбы Успахинского леспромхоза. Сначала пошел не в дирекцию, а в столовую — посмотреть, чем кормят рабочих, затем побывал в библиотеке, в клубе, ночевал в рабочем бараке. Две недели провел Гайдар в леспромхозе, вставал на заре, вместе с лесорубами шел на лесную делянку.

В это время по редакции прошел слух, что Гайдара видели в Успахинском леспромхозе, что он работает грузчиком в одной из бригад. А вскоре он сам появился в редакции с очерком, в котором рассказал о работе лесорубов, о трудностях, о причинах невыполнения плана. Вся редакция поздравляла Гайдара с такой «добычей».

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Готовим подшефных октябрат к военно-спортивной игре «Зарница». Для тренировки провели «боевую тревогу» — малыши по почте собрали всю октябрятскую группу.
Штаб Тимура, школа № 28, г. Минск.

ЗАДАНИЕ ШТАБА

Тимуровец! 9 мая наша страна отметит 30-летие Победы над фашизмом. Пусть твой отряд, команда, штаб позаботятся о том, чтобы каждый ветеран Великой Отечественной войны получил в этот день поздравительное письмо или открытку, сувенир, сделанный вашими руками.

Всесоюзный штаб Тимура ждет донесений о выполнении задания.

ОТ ШТАБА: В ЖИЗНИ А. П. ГАЙДАРА ИНТЕРЕСЕН И ЗНАЧИТЕЛЕН КАЖДЫЙ ШТРИХ, САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ЭПИЗОД. ВОТ ПОЧЕМУ МЫ С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДЕМ НОВЫХ ДОНЕСЕНИЙ СЛЕДОПЫТОВ, ИДУЩИХ ТРОПОЙ ГАЙДАРА.

НАГРАДА РОДИНЫ

Каждый месяц ты открываешь свежий номер журнала «Пионер». Его читали твои бабушки и дедушки, мамы и папы, братья и сестры — очень много друзей у журнала!

С первых лет Советской власти наша страна в первую очередь заботилась о детях. И как бы ни было трудно, всегда все самое лучшее отдавалось ребятам.

О журнале «Пионер» тоже всегда заботилась партия. В самые тяжелые для молодой республики годы, когда не хватало бумаги, решено было издавать журнал для детей. «Пионер» выходил и в годы войны. А сейчас «Пионер» — толстый, красочный журнал, его печатают в лучшей типографии газеты «Правда». Каждый месяц появляется на свет один миллион шестьсот пятьдесят тысяч экземпляров журнала:

Теперь на обложке рядом со словом «Пионер» — орден Трудового Красного Знамени. Эта высокая награда Родины была вручена пионерскому журналу в год его 50-летия за то, что он помогал партии, комсомолу, школе воспитывать многие поколения юных ленинцев.

20 ноября 1974 года во Дворце пионеров на Ленинских горах собрались пионеры, вожатые, педагоги, писатели, журналисты других детских журналов страны. На торжественном заседании присутствовали секретарь ЦК ВЛКСМ Л. И. Матвеев, председатель ЦСВПО имени В. И. Ленина А. В. Федулова.

Орден журналу вручил заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР товарищ **К. Ф. Ильяшенко**. Журнал поздравили министр просвещения РСФСР **М. Кондаков**, писатель **А. Алексин**, Герой Социалистического Труда **Н. Челебадзе**, сталевар Череповецкого металлургического завода **А. Сорокин**, главный редактор газеты «Пионерская правда» **Н. М. Чернова**, пионеры московской школы-интерната № 58 и многие-многие друзья «Пионера».

В «Пионере» работают писатели и поэты, художники и журналисты, с журналом сотрудничают ученые, учителя, спортсмены. Его печатают рабочие типографии. Они все понимают, что высокая награда обязывает их работать еще лучше. Об этом они написали в письме Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

Орден к знамени журнала «Пионер» прикрепляет заместитель заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарищ Кирилл Федорович Ильяшенко.

К нам в редакцию приходят письма от вожатых октябрят.

«В этом году меня выбрали октябратской вожатой. Посоветуйте, как начать эту работу?» — Вера Руднева из Новороссийска.

«Мальшам быстро надоедает какое-то одно дело. Чем их заинтересовать?» — Жанна К. из Мурманска.

«Как сделать, чтобы октябрята тебя полюбили? Я уже год вожатая третьеклассников, а настоящей дружбы у меня с ними не получается...» — Лариса Левина из Свердловска.

Людмила ПРУНЦОВА

В октябратском отряде

Как мы познакомились

Меня назначили во 2-й «Д», когда я училась в седьмом классе. Так решил совет дружины. Дело было для меня новым: никогда не работала с малышами. Мало того, я на них почти не обращала внимания. Вечно путаются под ногами, шумят в школьных коридорах, тормозят друг друга — вот, пожалуй, все, что я знала о них. Теперь нужно было решить: какие они на самом деле?

На скамейке в школьном сквере мальчики дружно ели мороженое. Я сидела рядом и слушала, о чем они говорят.

— Не уходи... — уговаривали друзья мальчика, который держал в одной руке портфель, а в другой длинный футляр. — В футбол поиграем...

— Не могу...

— Тяжело тебе эту скрипку таскать?

Музыкант молча кивнул. Встал и пошел... всю дорогу он оглядывался: не хотелось ему расставаться с товарищами.

— У Левы есть сила воли, — сказал мальчик, что сидел ближе ко мне. — А я ее пока только вырабатываю...

Не ожидала, что малыши говорят о таких серьезных вещах.

Пирожок

Учительница Вера Николаевна подошла к парте, где сидел Лева Погодин, тот самый музыкант.

— Очень ты меня, Лева, огорчил, — сказа-

ла она. — Как так можно: взять в буфете пирожок и не заплатить?

Погодин жалобно посмотрел на Веру Николаевну и прошептал:

— Совсем позабыл...

— Надеюсь, что больше ни с кем такого не повторится? Ну вот и договорились.

Мне с последней парты было хорошо видно, как октябрята ровненько уселись, сосредоточились. Погодину, наверное, хотелось быть особенно прилежным. Вдруг... Лева достает из парты злосчастный пирожок и потихоньку откусывает от него... Я так и ахнула. Попробуй после этого разберись с ними! Но если быть терпеливой и тактичной, как Вера Николаевна, то справедливой быть все-таки можно.

Что им нравится?

Обычно отрядную работу начинают с составления плана. Конечно, я могла бы наметить план работы и без октябрят, а потом предложить им. Они бы со мной согласились. Но я решила узнать, что им нравится.

— Я люблю смотреть телевизор. Хорошо бы смотреть его день и ночь, — мечтательно сказал Женя Смелов.

— И я! — подхватили все как один октябрята.

— Я болею за ЦСКА, — сказал Марченко.

— Я мечтаю ездить на автомобиле. Хорошо бы поехать в Африку, — скромно опустил глаза Лева Погодин.

Анечка Шаповалова доверительно посмотрела на меня:

— Мне нравятся мамины толстые книги. Только она не разрешает их трогать. Мне ка-

жется, что в них самое интересное и написано.

Алик Новиков поднял руку.

— Я люблю играть в войну и командовать!

Вот такой у нас произошел разговор. Если над ним хорошо подумать, то можно сделать вывод, что ребятам хочется и кино посмотреть, и поиграть, и узнать, что написано в толстых книгах. Нам предстояло прочитать «Сказку о громком барабане» С. Могилевской, «В Смольном. Рассказы о В. И. Ленине» А. Кононова, «На родине В. И. Ленина» С. Михалкова, «Доктор Айболит» К. Чуковского, «Приключения Незнайки» Н. Носова и другие книги.

«Только тех, кто любит труд, октябрятками зовут», — говорится в Правилах октябрят. И, конечно же, в нашем плане были намечены дела: озеленить школьный двор, собрать библиотечку, сделать подарки первоклассникам к первому сентября, помогать пионерам в сборе металлолома и макулатуры.

Когда на улице было тепло, октябрятки играли во дворе. Разные игры мы с ними придумывали. Например, начертят малыши кружки на асфальте и прыгают на одной ноге, стараются попасть точно в кружок. Кто меньше ошибок сделает, тот и победитель. Или мячом в мишень бросают. А еще есть такая игра — «Заячий прыжок». Отталкиваясь двумя ногами и делаешь семь прыжков — кто дальше прыгнет.

Когда погода была плохая, мы находили занятия в классе. Книжки читали, лепили фигурки из пластилина, рисовали. Вы не пробовали рисовать на доске с завязанными глазами? У второклассников это была любимая игра. По воскресеньям мы ходили в кино, в зоопарк, однажды на выставке собак были.

Репетиция

Некоторые вожатые думают, что они поставлены развлекать октябрят. Но это не так. Вожатый должен учить своих подшефных и полезному. Тому, что знает сам. А дальше, пожалуй, вожатому самому придется учиться.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Я начала рассказывать октябряткам о музыке, потому что занималась музыкой. Я приносила пластинки с произведениями Моцарта, Бетховена, Рахманинова, Кабалевского...

Старшая вожатая узнала, что мы музыкой увлеклись, и попросила выступить перед детским садом на празднике Октября. Собрались на первую репетицию. Я сказала, что это наше первое поручение и нужно отнестись к нему очень серьезно.

— Какие вы песни знаете?

Малыши как воды в рот набрали.

— В чем дело?

— Страшно на сцене. Столько народу на тебя смотрит! — ужаснулась Ира Демина.

— Знаете что? Я тоже волнуюсь на сцене. Но это только сначала боязно. А потом как запоешь: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...» Ребята заулыбались и стали подпевать. Репетиция началась.

Мечта

Чтобы стать настоящим другом малышей, нужно научиться их понимать.

Однажды у нас был конкурс рисунков «Моя мечта». Вова Марченко нарисовал ракету. В нее поместился весь 2-й «Д». Я посчитала — никого не забыл: из тридцати двух иллюминаторов улыбаются тридцать два октябрятки. Вова любит своих товарищей.

Все рисуют, только Аня Шаповалова еще не притронулась к бумаге. Но вот она начинает рисовать зеленым карандашом палочки. Много таких палочек — луг получается. Но главное — красные точки в травинках.

— Смотрите! Смотрите! — закричала Аня.

Все бросились к ее рисунку... и засмеялись.

— Каракули какие-то, — удивился Женя.

— Не каракули... — Анечка чуть не плакала от обиды. — Это я танцую. Как настоящая балерина...

Я взяла ее рисунок.

— Хочешь танцевать? Прекрасная мечта.

В этом конкурсе победителей не было. А если и были, то весь 2-й «Д». Потому что невозможно оценить, чья мечта лучше. Решили сделать в классе выставку этих рисунков. А я благодаря конкурсу узнала о заветных желаниях моих друзей. Ане помогла записаться в хореографическую студию при Дворце пионеров.

«Октябрятки — будущие пионеры»

Пришла пора готовить октябрят в пионеры. Я пригласила второклассников на наш отрядный сбор, который мы подготовили специально для них. Рассказывали октябряткам о Законах юных пионеров Советского Союза, об истории Всесоюзной пионерской орга-

низации имени В. И. Ленина. Научили ребят завязывать галстуки. Наш горнист проиграл им сигналы горна и рассказал, что они означают.

Октябрята подружились с нашим отрядом. Мы вместе собирали металлолом и макулатуру. На заработанные деньги мы решили купить барабан и подарить октябрятам, когда их примут в пионеры.

Читала я малышам о Владимире Ильиче Ленине, о пионерах-героях, о Тимуре и его команде. Познакомила с «Пионерской правдой», «Пионером». Песни разучили: «Взвейтесь кострами...», «Пионеры идут», «Барабанщик». В подготовке октябрят мне очень помогли книги: «Товарищ», «Книга вожатого», «Будь готов!», «Звездочка» — календарь для октябрят.

Ходили мы в Музей Революции, в Дом пионеров. Октябрята знакомились с историей нашей страны, с жизнью пионеров.

Однажды Вера Николаевна пригласила меня на родительское собрание. Бабушка Левы Погодина рассказывала: «Не знаю, что случилось с моим внуком. Все сам да сам. Не то, что раньше... По дому мне с удовольствием помогает, учиться стал лучше. Все спрашивает: «Как ты, бабушка, думаешь, примут меня в пионеры?»

Тортилла

«Как сделать, чтобы ребята тебя полюбили?» — спрашивает в своем письме Лариса Левина, вожатая из Свердловска. Трудно сказать, за что именно любят человека. Наверное, и за доброту, и за честность, и за принципиальность. Легче, наверное, сказать, за что не любят. Чтобы вы моей ошибки не повторили, расскажу о ней.

Однажды Аня Шаповалова пропустила занятия в студии, пришла в школу рано. Она поставила на окно узелок, из которого выползла большая черепаха.

— Я не знаю, где будет теперь жить моя Тортилла. Папа привел собаку. Рекс охотился за ней, переворачивал ее лапой, рычал.

У меня должна была быть контрольная по геометрии. Я листала учебник. Вдруг появляются октябрята, да еще с черепахой.

— Некогда, некогда! — отмахнулась я.

Малыши поскущели и побрели в свой класс. Их встретил пятиклассник Генка Морозов. Он отнял у них Тортиллу.

По контрольной я получила «пятерку». Прибегаю во 2-й «Д» радостью поделиться, а они на меня даже не смотрят. Потом Демина сказала, что у них нет больше Тортиллы.

Я — к Генке Морозову.

— Убежала черепаха, — пожал плечами Генка.

Мне так хотелось отругать Морозова! Да и я тоже хороша! Полдня искала Тортиллу и нашла ее в кабинете физики. Когда принесла ее во 2-й «Д», малыши обрадовались.

— А знаете что, — сказала я им, — давайте сделаем «живой уголок»! Пусть пока у нас живет Тортилла. Потом раздобудем морских свинок, разведем рыбок, птиц...

— Ура! «Живой уголок»! — Октябрята были в восторге.

Я знала, что с «живым уголком» будет немало забот. Но без трудностей и без хлопот жить совсем неинтересно.

Работая с октябрятами, я поняла, что они привязываются к тебе всей душой. Но бывает и так: придет к малышам пионер, назовет себя вожатым, а через неделю забудет об их существовании. Октябрята ждут, ждут. Очень обидно им бывает.

Наш разговор об октябрятах на этом не кончается. Пишите нам, вожатые, расскажите о своей работе с малышами, что у вас получается, а что и нет. И потом мы сможем продолжить наш разговор на страницах журнала.

Ждем ваших писем!

А палки и камни,
 Как на беду,
 Лежат на виду
 Повсюду вокруг...
 Ах, если б ты знал,
 Как нужен мне друг,
 Который бы мне
 Поверил во всем!
 Собак мы бы с ним
 Кормили вдвоем,
 Ласкали бы вместе
 Пушистых котят...
 Мне очень обидно,
 Когда не хотят
 Мальчишки
 Доверить мне дело!
 Ты знаешь,
 Как мне надоело,
 Что все
 Так боятся моих кулаков.
 Скажи,
 Ну зачем мне столько
 врагов?
 Ты знаешь,
 Мне очень плохо теперь.
 И нужен мне друг.
 Ты веришь?
 Поверь...

*

Музыка

Взвод музыкальный
 Бодро шагал,
 Громкие звуки
 В воздух бросал —
 Круглые,
 Словно мячики,
 Солнечные,
 Как зайчики!
 Звуки протяжные,
 Как река,
 Дерзкие,
 Словно крик петуха.
 Звуки
 Смеялись, вздыхали,
 Вдруг загрузив,
 Тосковали.
 Птахой задорной свистели,
 Солнцем полуденным
 грели.
 Дробно стучали,
 Как кони
 Частым аллюром погони.
 Пели без слов
 Об отваге.
 И развевались, как флаги.
 В ногу шагал
 Музыкальный взвод.
 Строились звуки
 Шеренгами нот.
 Музыка в городе шла,
 Праздник с собою несла.

Здравствуй!

Кто скажет приветливо
 «Здравствуйте!»,
 Тот видит улыбку
 И слышит в ответ:
 Веселые «Здравствуй!»
 И «Здравствуйте!»,
 «Салам!»,
 «Здоровеньки булы!»
 И «Привет!».
 И это понятно —
 Встречаться приятно!

Когда говорят на
 прощанье:

«До встречи!»
 «Пока»,
 «Вспоминай»,
 «Будь здоров!».
 То слышат:
 «Прощай!»,
 «До свиданья!»

У трапов, калиток,
 Развилок, углов...
 И в час расставанья
 Все люди печальны.

Нечасто я слышу
 Во время странствий
 С перронов
 Далеких и близких
 станций,

Чтоб люди друг другу
 При расставаньи
 Сказали бы:
 «Здравствуй!»
 — не «До свиданья!»
 «Я верность твою забираю
 с собой,
 А дружба моя остается
 с тобой».

Но знаю,
 Коль так на прощанье
 сказать,
 Не будет так грустно
 Друзей провожать,
 Не будет так грустно
 от них уезжать.

*

Сапоги

Две огромные ноги
 Надевали сапоги,
 Из квартиры выходили —
 Всем проход загородили.
 Шли навстречу восемь бот,
 Встали задом наперед.
 Застучали каблуки,
 Подбежали башмаки...
 А на лестнице стояли
 Туфли, тапочки, сандалии,
 Девять кошек, шесть собак.
 Девять кошек?
 Шесть собак?

Но известно, что никак
 Не умеют жить без драки
 Вместе кошки и собаки!
 И во время шумной драки
 Туфли, тапочки, собаки,
 Боты, кошки, башмаки,
 Кот и длинные шнурки —
 Все запуталось в клубок,
 Кроме двух больших
 сапог.

Было им не до собак,
 Кошек, тапочек и драк,
 Перегнутанных шнурков,
 Каблуков и башмаков.
 Две огромные ноги
 Обновляли сапоги —
 Не слышали ничего,
 Кроме скрипа своего,
 Не видали ничего,
 Кроме блеска своего.

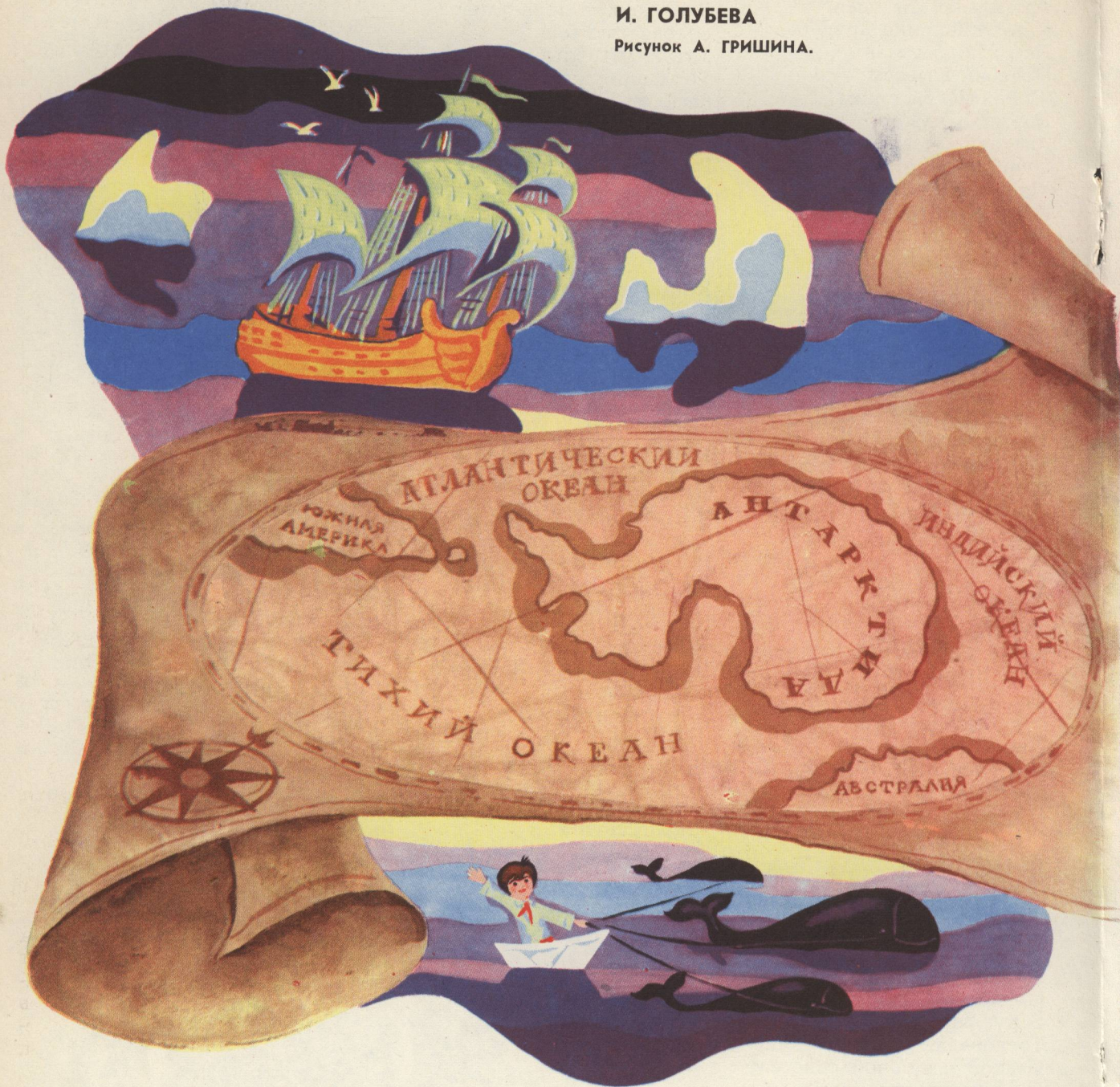

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

КИТЫ, на которых

И. ГОЛУБЕВА

Рисунок А. ГРИШИНА.

Три кита

Апрель месяц — скоро конец учебного года, скоро экзамены. Те, кто учится на четверки и пятёрки, уже предвкушают близкое лето, а вот тем, кто запустил учебу, сложнее. Наверняка кое-кто уже решил: времени мало, теперь не наверстать. А наверстать, конечно, можно!

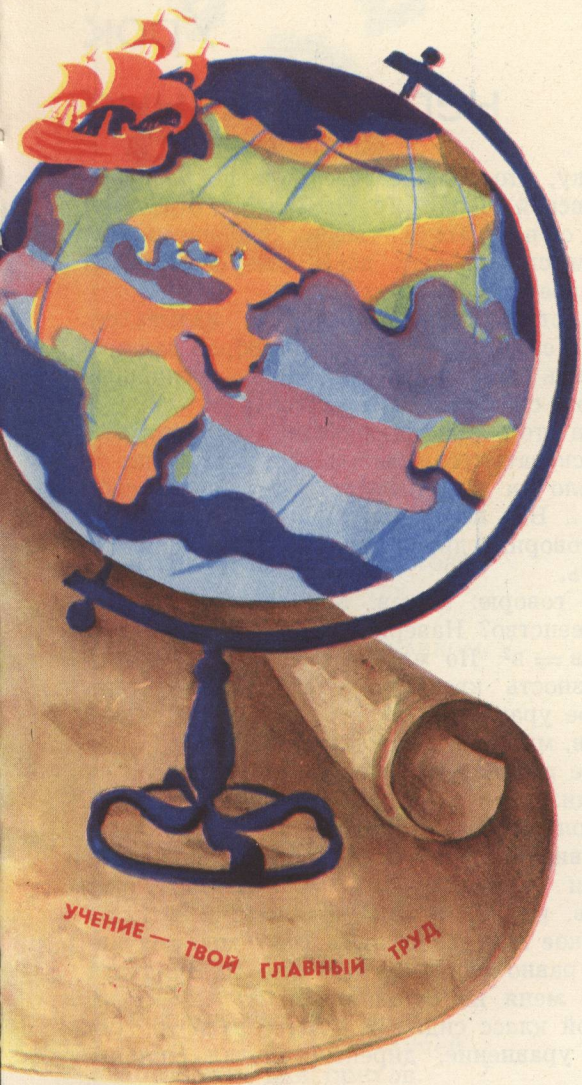
Спасение в НОТе. НОТ — научная организация труда. Так сложно называется то, о чем ты уже привык слышать: правильное распределение времени.

Кит первый. Режим, режим... Сколько уже об этом говорилось. И у всех школьников он вроде бы есть. Но между тем запыленным листочком с заголовком «Режим дня» и между настоящим режимом — пропасть.

Я хочу рассказать историю одного мальчика. Нет нужды называть его фамилию.

«После уроков два часа гуляй. Активно отдыхай» — так написано в памятке, прикрепленной на стене в седьмом «Б» классе.

СТОИТ НОТ

Боря начинал активно отдыхать сразу. Садился на велосипед и носился по Рыбному переулку до самого вечера. Поздно вечером делал уроки. На следующий день получал тройки. И даже не очень огорчался: он к ним привык.

Пожалуй, он завидовал некоторым ребятам из своего класса. Они свой день научно организовывали. Он ничего с собой не мог поделать: стоило только ему сесть на велосипед.

В результате Боря твердо уверился, что он безвольный человек и что самая трудная из побед — победа над самим собой — не для него. И огорчался из-за этого. Кому приятно считать себя безвольным человеком?

Однажды его вызвал директор. Директор его не ругал. Директор сказал: «Это только кажется, что троечникам живется легче, чем отличникам. Кажется, что они ничего не делают и поэтому всегда отдыхают. На самом деле они

никогда не отдыхают: их терзает мысль, что они чего-то не сделали, что спросят, отругают. У нас в школе самые румяные, самые спокойные и уравновешенные люди — отличники».

Однажды Боря попробовал все сделать так, как записано у него на листке под заголовком «Режим дня». Оказалось, так жить легче. Но продолжать начатое трудно.

У этой истории про Борю нет конца. Я бы рада написать, как он замечательно теперь живет, научно организуя свое время. Но это был бы сказочный конец. Потому что воспитать в себе работоспособность и привычку к режиму — дело трудное, и времени для этого нужно много. Но я знаю: Боре сейчас живется легче.

Кит второй. Вовремя сесть за уроки — важно. Но как их готовить? В Рыбновской школе во всех классах висят памятки. Как, например, готовиться к уроку географии?

ПАМЯТКА

ПРОЧИТАЙ ТЕКСТ И РАЗДЕЛИ ЕГО НА ЧАСТИ. К КАЖДОЙ ЧАСТИ ПОСТАВЬ ВОПРОС. НА КАРТЕ ОТЫЩИ ВСЕ УПОМЯНУТЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТОЧКИ.

ОТВЕТЬ НА ВОПРОСЫ, ВЫПОЛНИ УПРАЖНЕНИЯ.

РАЗБЕРИСЬ В ДИАГРАММАХ И ТАБЛИЦАХ, КОТОРЫЕ ОТНОСЯТСЯ К УРОКУ.

Все, о чем говорится в такой памятке, как будто бы уже известно.

Но давайте откроем вместе учебник географии для шестого класса на странице, скажем, восемьдесят третьей и попробуем выучить § 31, выполняя все требования памятки.

Выполняем **пункт первый**: текст уже разделен на отдельные главки. Первая главка — географическое положение Антарктиды. Вторая — открытие Антарктиды. Ее можно разделить на более мелкие самостоятельные отрывки: «Экспедиция Кука», «Экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева» и так далее.

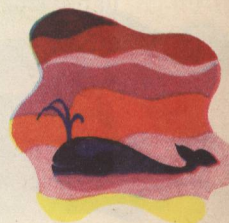
Теперь поставим вопрос к каждому отрывку. Ну, например, к «Экспедиции Кука» можно поставить вопрос: «В чем ошибка капитана Кука?».

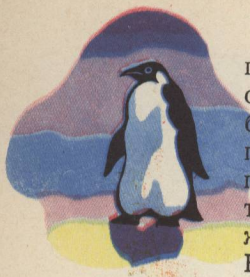
Пункт второй. Выполнить его просто, если на столе порядок и географический атлас лежит на своем месте. А если его полчаса искать надо, то, конечно, ты решишь: ладно, как-нибудь обойдусь без атласа. Находим на карте материк Антарктиду, полуостров Антарктический, моря Росса, Уэддела, море Беллинсгаузена.

Пункт третий. Какие вопросы есть в учебнике? Нам надо найти на карте Антарктиды южный полюс и начальный меридиан. Есть и задание. По-моему, выполнять его одно удовольствие. Измеряем по глобусу кратчайшее расстояние от Антарктиды до Южной Америки.

Вот и все. Если придерживаться памятки, тридцать первый параграф можно выучить за 15 минут! Я специально засекала время.

Третий кит, на котором покоится НОТ, это порядок на твоем рабочем столе. Совет дружины Рыбновской

школы составил комиссию из очень ответственных людей. Комиссия побывала дома у каждого ученика и посмотрела, в каком состоянии их письменные столы. Убеждать здесь трудно. Есть люди, которых раздражает каждая лишняя вещь на столе.

Но есть люди (увы, их много), у которых стол завален старыми тетрадями, деталями для радиоприемников, цветными карандашами. Для работы остается крошечный кусочек стола. Как на нем можно выполнять упражнения по русскому?

Комиссия убеждала. Комиссия ссылалась на великих людей. У композитора Игоря Стравинского на столе, например, всегда был идеальный порядок...

Наконец, комиссия поговорила со многими ребятами и сделала вывод: те, у кого на столе порядок, тратят на приготовление уроков времени почти в два раза меньше. Вот и решайте, что удобнее!

Итак, три кита, на которых стоит НОТ. Благодаря НОТ рыбновские школьники экономят время. Кроме этого, знания их глубже, и на уроке они...

Не боятся, что спросят

До чего же приятно сидеть на уроке, когда знаешь, что тебя не спросят. Именно с таким чувством идут иногда ребята на урок. Я пришла на урок литературы в седьмой «Б» и увидела совсем другое.

Начала говорить учительница Валентина Федоровна и... мы все увидели зимний, поскрипывающий снегом вечер, бедную заплаканную Алену Дмитриевну, благородного, но подчиняющегося закону «домостроя» Степана Парамоновича Калашникова, нахального и красивого Кирибеевича. И даже, как и у нас на уроках литературы несколько лет назад, кто-то запальчиво громко кричал с последней парты, что царь Иван Васильевич «не верил в любовь». Все, как у нас в школе когда-то, так, да немножко не так.

В этом классе, например, я не вижу ребят, которые боятся, что их спросят. Наоборот. Олег Скрыпник читает отрывок из документа XVI века — характеристику Грозного, написанную его современником. Оля Гирник приготовила интересный отрывок из «Истории государства Российского» Карамзина. Володя Готц, чтобы лучше понять, что за человек царь Иван Васильевич, притащил на урок его переписку с князем Курбским.

И урок ожил, урок стал интересным для всех: новые сведения, редкие факты обрушиваются на тебя со всех сторон. Запоминай, вбирай, впитывай. А время для

того, чтобы посидеть в библиотеке, почитать что-то, кроме учебника, у рыбновских школьников есть. И есть оно потому, что они выполняют условия НОТа.

Нет, неприятно сидеть на уроке, когда знаешь, что тебя не спросят.

Урок

непослушания

Я скажу, что больше всего мне понравилось в Рыбновской школе. То, что ребята относятся к учебе с настоящим творческим интересом. Обо всем спрашивают, всем интересуются. И в этом, наверное, залог их успеха.

Урок, который мне запомнился, назывался: «Беседа о самовоспитании и самообразовании».

— Очень плохо, что вы такие послушные дети, — это сказал директор школы.

Я ни за что бы не поверила, что директор может так сказать, если бы сама не услышала.

— Мало ли что Пифагор уже доказал свои теоремы... Вы все равно должны его проверить, — говорил директор. — И меня должны проверять.

Я вам говорю: $a = b$. Может существовать такое равенство? Наверное, может. Раз $a = b$, значит $ab = b^2$. По математике вы уже проходили разность квадратов, так давайте запишем такое уравнение: $a^2 - b^2 = ab - b^2$. Зная, что $a = b$, мы можем так записать.

Дальше раскладываем разность квадратов на множители: $(a - b)(a + b) = b(a - b)$. Сокращаем. Получаем $a + b = b$. Поскольку раньше мы условились, что $a = b$, мы a в нашем уравнении заменяем на b . И получим: $b + b = b$, или $2b = b$. Сокращаем. $2 = 1$.

Вот какое несуразное равенство мы получили. Два равно единице. И никто из тридцати учеников меня не остановил!

Седьмой класс сидит и думает. Где-то, решая это уравнение, директор сделал ошибку. А где?

Директор специально допустил ошибку в уравнении. Сократил обе части его на множитель: $(a - b)$. Сокращая, мы делили на 0, $(a - b) = 0$, а этого делать нельзя.

Надо сомневаться на уроках математики и физики, биологии и литературы... Надо задавать вопросы. Если ты умеешь это делать, значит, ты умеешь учиться.

✱

Рассказывая о научной организации труда в Рыбновской средней школе, я хочу передать вам слова директора Ивана Яковлевича:

— По-моему, самое главное — научить человека управлять самим собой. То есть научить учиться. И тогда он сам выучит и математику, и литературу, и еще двадцать предметов. Мы, учителя, ему поможем. Мы только помогаем учиться. Но учиться человек должен сам.

ДЫМ

Вышел
 ДЫМ
 из трубы,
 Осмотрелся вокруг
 И увидел вдали
 Ясный
 Солнечный
 Круг.
 Постоял,
 Повздыхал:
 — Далеко до небес!..
 И, колеблясь чуть-чуть,
 Вверх
 тихонько
 полез.

Миразиз АГЗАМ

В тучу превращусь

Слушай, брат!
 Если ты меня не любишь
 И опять меня отлупишь,
 Я хоть в тучу превращусь,
 Но домой не возвращусь!
 Ну так вот...

Стану тучей я бездомной,
 Как твои чернила, темной;
 Буду плакать день и ночь.
 Чем ты сможешь мне помочь?
 А?

Побежишь искать по свету,
 А меня нигде и нету:
 Ни в саду, ни во дворе,
 Ни в Хиве, ни в Бухаре.
 Что тогда?

Скажешь: «Как мне жить
 без брата?
 Эх, зачем я бил Ахмата?»
 И, как мне, до синяков
 Сам себе набьешь щелчков!
 Так тебе и надо!

Только тучи вдаль несутся.
 Только мне уж не вернуться.
 Так что вот: ударишь брата —
 Сам же будешь виноват.
 Понял?

Татьяна
КОТЕНЕВА

Чудаки

В стране неведомо какой
 Жил-был один Чудаки.
 Он рисовал на мостовой
 Картинки. Просто так.

Он был веселым чудаком,
 И каждую неделю
 Он чистил звезды
 наждаком,
 Чтоб звезды не туснели.

Гасил повсюду фонари
 До самой утренней зари
 И на веревочке Луну
 Водил он от окна к окну.

Он говорить учил ручей.
 Носил в кармане эхо.
 Он плел из солнечных
 лучей
 Корзинки для орехов.

Когда жила я в той стране,
 Он часто приходил ко мне.
 Мы в переулке Детства
 С ним жили по соседству.

Рисунки Т. ГНИСЮК.

НАКАНУНЕ

КАК ГОТОВИЛИСЬ К ПОЛЕТУ

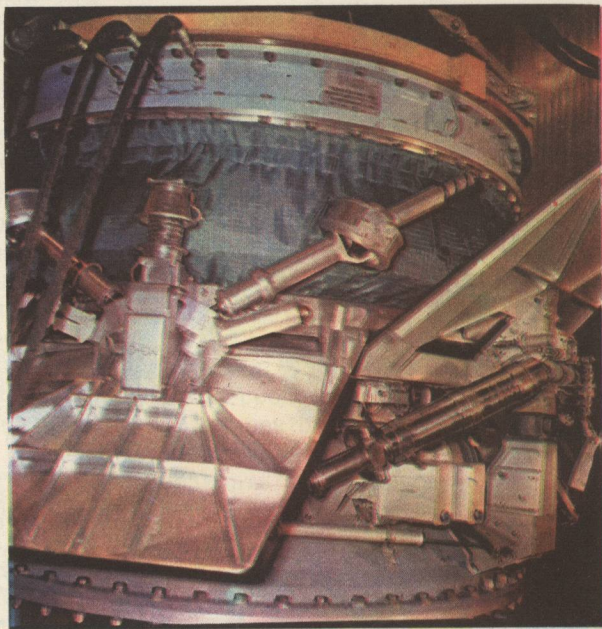
Представим себе, что с космодромов двух стран поднялись два корабля. Каждый летит по своей орбите, выполняет свое задание, держит радиосвязь с Землей. И вдруг на борту одного из кораблей авария. Экипаж другого корабля, узнав об этом с Земли, готов оказать немедленную помощь. Но как это сделать? Приемники корабля, попавшего в беду, настроены на другие радиоволны и не «услышат» сигналов того, кто спешит на помощь.

Предположим, что Земля помогла кораблям найти друг друга, сблизить орбиты и встреча состоялась. Теперь предстоит стыковка, скажем, для того, чтобы доставить врача на борт потерпевшего корабля. И это тоже не так просто. Стыковочные устройства у кораблей разных стран различны. Мало того, состав атмосфер в кабинах кораблей неодинаков, и, значит, прямо перейти из корабля в корабль космонавты все равно не смогут...

Видите, как нелегко двум кораблям найти друг друга в космосе, особенно если это корабли разных стран. Но чем больше будет осваиваться космос, тем нужнее будут такие встречи и для взаимной помощи и для коллективной работы в космосе.

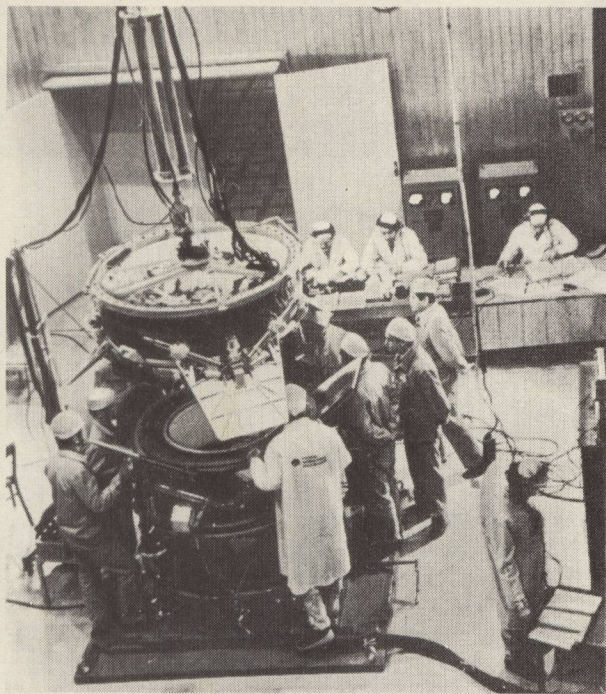
Поэтому и готовится экспериментальный полет советского корабля «Союз» и американского «Аполлон». Советские и американские ученые нашли способ преодолеть некоторые различия в конструкциях кораблей и провести в космосе их сближение, стыковку и совместные эксперименты.

На этих снимках — новая конструкция стыковочного узла, разработанная специально для совместного полета. Теперь стыковочный узел будет одинаково

СТАРТА

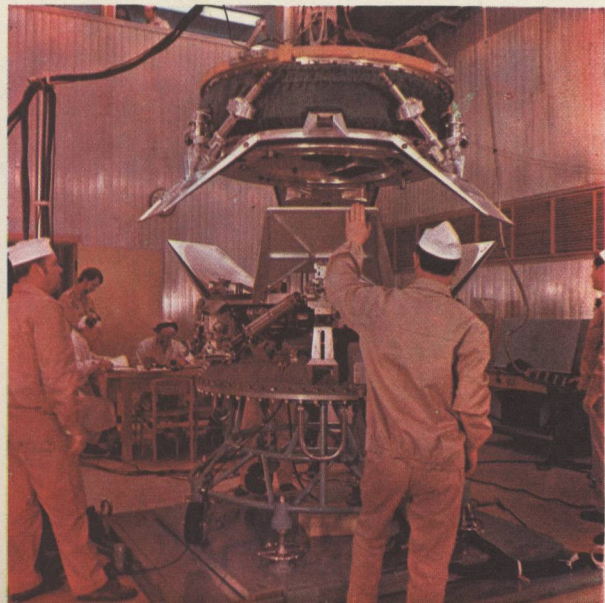
12 АПРЕЛЯ — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ
АВИАЦИИ И КОСМОНАВТИКИ

вым и на «Союзе» и на «Аполлоне». Испытания нового стыковочного узла проходили летом 1974 года в Москве в Институте космических исследований АН СССР.

Решен вопрос и о составе атмосфер на кораблях.

На американском корабле она состоит из чистого кислорода при давлении всего 260 миллиметров ртутного столба. На «Союзе» космонавты дышат привычным земным воздухом при нормальном атмосферном

давлении (760 миллиметров ртутного столба). По плану полета атмосфера на советском корабле будет несколько иной: давление понизится до 560 миллиметров, и доля кислорода станет больше — до 40%. Новый состав атмосферы уже испытан во время полета «Союза-16».

И все же воздух в кабинах будет разный, поэтому при переходе из корабля в корабль космонавтам придется некоторое время проводить в шлюзовой камере: организм должен постепенно привыкнуть к новым условиям.

Успешно прошла испытания и линия связи между Москвой и Центром управления пилотируемыми полетами в городе Хьюстоне. Этой линией будут пользоваться на Земле для руководства полетом.

Космонавты, конечно, участвовали в испытаниях новых систем, на тренажерах знакомились с кораблем другой страны, изучали язык своих партнеров по полету. Советские космонавты бывали в Хьюстоне, американские — в Звездном городке.

КАК БУДЕТ ПРОХОДИТЬ ПОЛЕТ

15 июля 1975 года в 15 часов 37 минут с космодрома Байконур возьмет старт космический корабль «Союз» с космонавтами на борту.

Через семь с половиной часов с мыса Канаверал в США стартует корабль «Аполлон». В его экипаже три астронавта.

Стыковка — самая ответственная часть полета — начнется к исходу вторых суток. За это время корабли с помощью наземных станций уточнят орбиты, и «Аполлон», изменив угол наклона орбиты к плоскости экватора, подстроится к траектории «Союза».

Вести поиск и определять расстояние между кораблями на этот раз будет экипаж «Аполлона». На американском корабле будет работать передатчик сигналов, на «Союзе» — ответчик.

И вот между кораблями остается всего несколько десятков километров. Американские астронавты замечают вдали яркие вспышки — на «Союзе» периодически вспыхивают мощные источники света.

Корабли постепенно сближаются, вот они уже совсем рядом — начинается причаливание. Теперь экипаж «Аполлона» ориентируется на специальные световые мишени «Союза». Провести взаимные маневры помогут на этом участке переговорные радиосистемы кораблей, работающие на одинаковых частотах.

Наступает момент стыковки. На «Аполлоне» выдвинуто стыковочное кольцо с тремя направляющими выступами — «лепестками». На «Союзе» точно такое же подвижное кольцо с «лепестками» пока «утоплено».

Корабли сходятся вплотную. Вот коснулись друг друга стыковочные кольца. «Лепестки» на кольце «Аполлона» входят в промежутки между «лепестками» «Союза». Корабли продолжают сближаться, и «лепестки» схватываются между собой все плотнее.

Срабатывают защелки — оба стыковочных кольца скреплены намертво. Один корабль подтягивается вплотную к другому. Соприкасаются уже не кольца, а сами корабли. Предстоит полностью загерметизировать место стыковки. Включается специальный механизм — он стягивает плоскости стыка с силой в несколько десятков тонн. Стыковка закончилась. Теперь космонавты приступают к выполнению следующей части программы.

Первыми «в гости» отправятся два американских астронавта. Закрыв за собой люк «Аполлона», они войдут в шлюзовую камеру. Давление в камере постепенно поднимается, доля кислорода уменьшается. Астронавты открывают крышку люка шлюзовой камеры, советские космонавты — люк на корабле «Союз», они приглашают гостей к себе. В кабине «Союза» гости пробудут несколько часов и, снова проведя некоторое время в шлюзовой камере, возвратятся к себе.

На следующий день советские космонавты по очереди побывают на «Аполлоне».

У экипажей будет много работы. Один из интереснейших экспериментов — искусственное затмение Солнца. После расстыковки корабли займут такое положение, что «Аполлон» закроет Солнце. Его диаметр будет равен диаметру видимого диска Солнца. Космонавты из кабины «Союза» будут наблюдать солнечную корону и другие явления, происходящие при солнечном затмении.

О своей работе в космосе космонавты будут сообщать на Землю в совместных радиопередачах и теле репортажах.

После двух суток полета корабли расстыкуются и пойдут на посадку: «Союз» финиширует на территории СССР, «Аполлон» — в акватории Тихого океана.

Полет, о проекте которого мы рассказываем, будет первым опытом международной коллективной работы в космосе, новым шагом к обеспечению безопасности в космосе.

Т. БАРЦЕВА
Фото М. УСПЕНСКОГО.
Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Перед объек- тивом планета Земля

Ю. В. ЗОНОВ,

ученый секретарь Комиссии АН СССР
по изучению природных ресурсов с помощью
космических средств.

Первыми увидели Землю с космических высот наши космонавты Юрий Алексеевич Гагарин и Герман Степанович Титов.

— Очень интересно наблюдать за Землей из космоса, — рассказывал потом Герман Степанович. — Можно рассмотреть реки, горы, поля, причем поля, с которых собран урожай, отличаются по цвету от еще не убранных и от только что вспаханных. Хорошо видны облака. Их легко заметить по тени, которую они отбрасывают на поверхность Земли...

Наблюдения космонавтов заинтересовали ученых — ведь снимки, сделанные из космоса, могут помочь научному исследованию Земли.

С тех пор прошло уже больше десяти лет. Фотоаппараты и телевизионные камеры много раз поднимались в космос — на борту космических кораблей «Союз», орбитальных станций «Салют» и «Скайлэб», автоматических аппаратов «Метеор», ЭРТС и других. Снимков получено много, специалисты сейчас не успевают их изучать и поручают обработку электронно-вычислительным машинам...

Когда ты в музее хочешь получше рассмотреть большую картину, ты отходишь подальше от нее. Точно так же, чем выше над Землей поднимается наблюдатель, тем большую территорию он может охватить взглядом.

На снимках, сделанных из космоса, видны горные хребты, моря, лесные массивы, пустыни. Все это ученые исследовали раньше только по частям. А значит, не могли обнаружить многие важные закономерности строения земной поверхности. Картографы, скажем, наносили на карты исследованные области по частям, никогда не видя этого участка Земли в целом. Вот почему в картах раньше были ошибки и неточности.

А для спутников нет недоступных участков. Ни штормы, ни ураганы, ни землетрясения — ничто не мешает их полету.

Сейчас более четырехсот самолетов несут пожарную охрану лесов на огромной территории нашей страны. В будущем один только спутник сможет за несколько часов выполнить всю эту работу — даст сведения о лесных пожарах по всей стране. Такая оперативность очень важна для народного хозяйства.

Космические фотографии помогут предвидеть наводнения, заранее подсчитать будущий урожай. Первые весенние снимки покажут площадь полей, где появились ранние всходы. Через некоторое время на снимках этих же территорий будет видно, как развивается урожай, достаточно ли было влаги, есть ли места, где прошел суходей, и где нужно засеять снова.

На космических снимках хорошо заметна линия таяния снегов. По тому, как она движется, ученые определяют развитие паводка и даже возможность наводнения.

Перед вами цветная фотография полуострова Мангышлак. Снимок сделан с борта космического корабля «Союза-12» в октябре 1973 года космонавтами В. Г. Лазаревым и О. Г. Макаровым.

Севернее полуострова в море видна группа островов, окруженных мелями. Еще севернее — россыпь кучевых облаков. Направо от островов — расплывчатое пятно. Здесь вода помутнела от ила, песка и глины, принесенных водами Урала и Волги. Но может быть, это подводные мели? Решить это можно, сравнив два снимка, сделанные в разное время. Очертания мутного пятна обычно меняются, а форма подводной мели остается той же. Если сравнить снимки, сделанные с промежутком в год и больше, можно заметить, что форма мелей тоже меняется, и учесть это при составлении морских карт.

Вернемся к снимку полуострова. Это не цветная фотография, снимок сделан в так называемых «условных» цветах.

На обычном снимке невозможно отличить здоровый лес от леса, пораженного вредителями, или рассмотреть границы солончаков в песчаных пустынях. Иначе говоря, на обычных снимках ослаблены различия деталей, контраст между ними очень мал, нередко они просто сливаются между собой. А для ученых очень важно рассмотреть все детали. Вот почему приходится подбирать особые, «условные» цвета, чтобы контраст усилить.

Первый снимок полуострова сделан в одних условных цветах, второй — в других.

Посмотри, как по-разному выглядит одна и та же местность на этих снимках.

Таким же образом получена фотография американского города Сиэтл.

Так выглядит из космоса полуостров Мангышлак.

Два эти снимка сделаны в разных условных цветах.

Слева на снимке — американский город Сиэтл.

Красный цвет здесь четко передает растительность.

ла и его окрестностей. Город стоит на берегу залива — чистая вода залива передана четким черным цветом. Растительность — красным: леса — более ярким и сочным, поля, парки — почти розовым. Почти весь район покрыт густыми лесами, лишь кое-где видны луга и поля. Территория города, где много асфальта, каменных домов, передана голубоватым цветом. В заливе, где сливаются отходы фабрик и заводов, тоже заметно голубое пятнышко. Так снимок из космоса помогает изучать загрязнения рек вблизи крупных городов.

Как же получают такие снимки?

На космическом корабле неподвижно закреплена группа фотоаппаратов, заряженных черно-белой пленкой. Они смотрят на Землю, снимают в каждый момент один и тот же участок поверхности. Перед каждым аппаратом стоит светофильтр: или красный, или зеленый, или голубой и т. д. Вот почему изображение на пленке в каждом аппарате будет отличаться от изображения в соседнем: на одном негативе детали выйдут отчетливее, на другом они будут ослаблены, на третьем — яснее контуры и т. д.

Затем, уже на Земле, с этих черно-белых негативов получают цветной позитивный снимок. Для этого при печати каждый негатив освещают голубым, зеленым, синим или каким-нибудь другим цветом. Эти цвета и называются условными. Их выбирают специалисты так, чтобы удобнее было потом расшифровать снимок. В результате получаем цветную фотографию, где природные объекты окрашены иначе, чем в действительности.

Изучая космические снимки, геологи находят структуры, богатые залежами полезных ископаемых, намечают места, где нужно бурить в поисках подземных вод. Специалисты сельского хозяйства могут точнее, чем прежде, определять будущий урожай. Инженеры отыскивают трассы для новых дорог. Медики могут точно определить границы района, где нужно уничтожать насекомых — переносчиков болезней.

Космические снимки помогут жителям Земли лучше, точнее узнать природные ресурсы нашей планеты, разумнее ими пользоваться.

Витя БЕЛЫЙ живет в деревне Батаево, Могилевской области. Он очень волнуется, понравятся ли его стихи ребятам.

ЛЕНИН

Понятен и прост.
Он боролся за то,
Чтобы жизнь
Становилась краше.
И сегодня в стране
У Ленина главный пост:
Он стоит во главе
Ленинской партии
нашей.

*

Галя ИЛЯСОВА очень любит рисовать. Об этом она сочинила первое свое стихотворение. Галя живет на Алтае, ей 11 лет.

Я РИСУЮ

Я сижу за столом и рисую,
Я рисую большого кота!
Нарисую ему голубые
И красивые очень глаза.
Нарисую ему красный
нос я.
И, конечно же, рот до ушей,
Нарисую усы золотые.
Но ловить он не будет
мышей.

*

Стихотворение **Иры МОРДОВИНОЙ**, восьмиклассницы из Москвы.

УРОКИ

Учу уроки три часа.
Не знаю почему.
То повитаю в небесах,
То ручку почию.
А младший братик
Димка —
Он ходит в первый класс —
Уроки почему-то
Все делает за час.

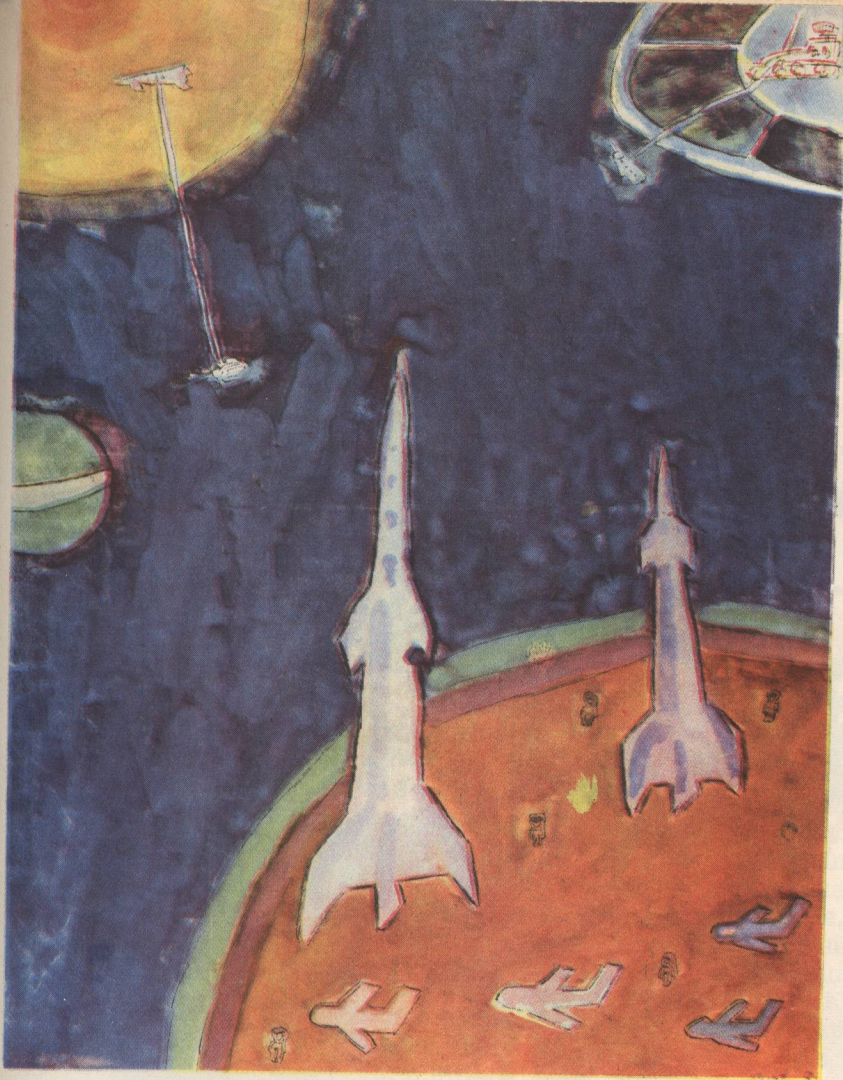
В Амурской области есть такой город Райчихинск. Однажды этот город «задела крылом тень каравеллы...». Об этом **Сергея КАЛИНИЧЕНКО** фантазер и поэт, сочинил стихи. Еще он сочиняет научно-фантастические повести, но читает их пока только своим друзьям.

ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ

Жили двое мальчишек в одном городке,
Жили в одной квартире.
Вместе бегали в школу, ходили в кино,
Но не дружили.
Пашка был старше, а Владька — малыш,
Что тут поделывать?
Но однажды мальчишек задела крылом
Тень каравеллы.
Раз им книжка попалась такая одна —
Не оторваться!
Про штормы, моря, паруса, якоря
И про пиратов!
Тут хоть плачь, хоть дерись —
Книжка только одна,
Пополам не поделишь.
Стали вместе читать,
Когда в печке дрова
Жарко горели.
И за книжкой их дружба тогда
родилась,
Родилась и окрепла.
И по синим и белым морям понеслась
Их каравелла.

«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатаем только тебя

Сегодня «Кораблик» необычный. Космический. Летим на самую гальную планету, на ту пылающую красными сполохами гальную планету, очень живописно нарисованную Наташей Пушкиной на нашей обложке. На обратном пути сделаем остановку на Луне и побродим с отважными космонавтами под черными скалами, отлично нарисованными Юлей Мишиной. Космонавты — люди отважные и смелые, такие, как нарисовал Саша Скалин. И Наташа, и Юля, и Саша, и Лена Туркина, нарисовавшая «Сине-оранжевый старт ракет», занимаются кто зимой в изостудии издательства «Правда», кто летом в пионерском лагере у художника и прекрасного типографского мастера Юрия Ивановича Рогозина.

Вам хотелось бы научиться летать? Конечно, да!
У **Людэ КИВОЛИЧ** из Крыма — мечта: не только самой летать, но и всех научить!

ВСЕХ ЛЕТАТЬ НАУЧУ!

Мне бы бабочкой только,
Мне бы бабочкой

стать.

В ярко-пестром наряде
Плавно, нежно

летать.

Разузнаю премудрости,
Тайны все изучу.

Превращусь в
человека —
Всех летать научу!

Мам, ты слышишь?

Я бабочкой...

Мне бы бабочкой стать.
И тебя, моя милая,
Научу я летать!

Ира СТАРОДУБРОВСКАЯ живет в Москве, учится в седьмом классе 292-й школы. В своем стихотворении она описала яркий зимний рассвет.

РАССВЕТ ЗИМОЙ

Что может быть лучше —
Пойти спозаранку
Декабрьским утром
В смолистый лесок,
Найти меж деревьев
Лесную полянку,
Услышать веселых
Пичуг голосок!
По мягкому снегу
Дойти до опушки,
Взобраться на горку,
Где сосны шумят
И, тихо качаясь,
Седые верхушки,
Покрытые снегом,
Пока еще спят...
Лицом стать к востоку,
Где зорька алеет,
И видеть, как солнце
Из бездны встает,
Как шаром огромным
Оно пламенеет,
Как искры горячие
На землю шлет.

Ира КВИРИКАДЗЕ — восьмиклассница. Она учится в 31-й спецшколе Москвы.

ДОЖДЬ

Хмурое, навевающее тоску утро. Небо серое-серое, без единого просвета. Кажется, что оно опирается на верхушки деревьев, стоящих на вершине горы. Это дзельквы — каменные деревья. Как великаны, стоят они и осматривают свои владения. Я стою у окна и слушаю тишину, изредка нарушаемую стуком мотыги о землю и далеким мычанием коровы.

Но вдруг земля содрогнулась. Вспышка озарила всю деревню. И тут же полил дождь. Сначала мелкий и редкий, но со временем все учащающийся и крупный.

Тук-тук-тук...

Смолкли птицы.

Тук-тук-тук-тук...

Все чаще и чаще...

Тук-тук-тук-тук-тук-тук.

Внезапно дождь оборвался, и снова на землю опустилась ТИШИНА.

Дождь кончился, и только кое-где слышится звон падающих капель воды. Это птицы, пролетая, неосторожно задевают крыльями листья.

Тук... Тук...

Тишина...

На перегоне Батогово—Антоновка в воздух взлетел эшелон с живой силой и техникой фашистов.

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 2.

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

Колян вошел в Дом культуры и глазам не поверил: внутри чисто, тепло. Над сценой — плакат, поздравляющий партизанок и всех советских женщин с праздником. А в фойе и зале уже битком набито.

Колька стал вертеть шеей, выискивать Зишку. Она обещала обязательно быть на вечере и принести патефон с пластинками. Только патефон это зря! Танцевать Колян не умеет, а Зишка обязательно пригласит его. Когда на майские праздники собирались у нее всем классом, целый вечер Кольку мучила: то фокстроту, то танго обучала.

Колян выбежал из Дома культуры и столкнулся с Зишкой.

— Ну, чего стал? — засмеялась она. — Бери патефон. Я все-таки дама, и к тому же сегодня наш праздник.

Зишка сбросила в раздевалке пальто и валенки и вышла из-за барьерчика совершенно незнакомой Коляну девчонкой — зеленое платье и черные туфли так шли к ее плотной, красивой фигурке и огненно-золотистым волосам, что Колян на миг оцепенел. Ему вдруг показалось, что это не Зишка, а какая-то сказочная фея.

Зишка сдвинула два стоявших рядом стула, поставила на них патефон и, пока Колька его заводил, выбрала пластинку. На весь дедковский Дом культуры грянуло:

Он пожарник толковый и ярый,

Он ударник такой деловой...

Заулыбались люди, только на этот вечер оставившие винтовки и автоматы. Неловкие, чуть мешковатые, несмелые, они тем не менее принимали руку своих партнерш и неуверенно двигались в такт музыки.

Колян обхватил правой рукой тонкую талию Зишки. Глядя в ее раскрасневшееся лицо, неожиданно спросил:

— Ты не видела корреспондента, он не будет на вечере?

Вчера Колян пристал к маме: почему не сказала ему, что из самой Москвы к ним

прибыл журналист? Но она была занята подготовкой к вечеру и ответила, что видела журналиста мельком в штабе, а где он сейчас, не знает.

Хорошенькое дело! Специально посылают человека из Москвы, чтобы рассказать о Дедкове, а дедковцы вроде бы и внимания на это не обращают.

К Зишке и Коляну подошли Ларка Антохина и Капустка.

— Ларочка! — всплеснула руками Зишка. — Да какая же ты стала!

Ларка действительно изменилась — заметно похудела и вытянулась.

— Без сантиментов, — сказала Ларка, — давайте в зал, уже все места заняты...

Мама вышла на сцену в темно-синем строгом костюме. Подошла к трибуне, украшенной еловыми ветками.

— Товарищи! — сказала она, — сегодня мы с вами отмечаем Международный женский день. Отмечаем в необычной обстановке — в советском городе, находящемся в тылу врага. Празднуем радостно, с полной верой в нашу победу.

И вдруг мамин голос, всегда такой ровный, задрожал. Пересилив волнение, она продолжала:

— Я прочитаю только что принятую по радио сводку: «С шестого февраля по пятое марта войсками Западного фронта захвачены у противника следующие трофеи...»

Мама перечислила боевую технику, отбитую у врага, сообщила, что в результате наступательных боев Красной Армии фашистская армия потеряла сорок тысяч человек убитыми и что наши войска освободили двести шестьдесят три населенных пункта, в том числе Сухиничи, Юхнов, Дорогобуж...

Лавина аплодисментов устремилась из зала на сцену, раскатилась по фойе.

Совсем недавно, в день Красной Армии, Дедково ликovalo: в районе Старой Руссы окружена и разбита шестнадцатая гитлеров-

ская армия. Это была большая радость. Но освобождение Сухиничей, города, который, считай, совсем рядом,— это радость вдвойне.

Колян вытащил тетрадку, шитую из синих листков, и стал что-то быстро-быстро в ней писать.

На трибуну уже поднимались один за другим выступающие, и Зишка несколько раз незаметно для соседей толкнула локтем Кольку: «Оторвись от бумаги, неудобно». Но Колян писал и писал. Только когда на сцену поднялась Дарья Михайловна, бабушка Сергея, он наконец спрятал тетрадку.

Бабушка обвела зал глазами, утерла их кончиком головного платка и сказала:

— Вот тут выступали наши женщины и говорили, что собрали много теплых вещей в подарок Красной Армии. Я тоже сдала два полушубка, связала три пары носков. Пусть носят на здоровье наши бойцы и командиры. Только я вот что думаю, товарищи женщины и мужчины: у нас с вами все есть в родном городе. У нас есть Советская власть. А это — самое главное. Так давайте соберем все-все деньги, которые есть у населения, и переправим их через фронт на строительство танковой колонны. И назовут ее «Дедковский партизан»...

Все вскочили со своих мест и громко захолопали.

— Правильно сказала Вавилова!— раздались голоса.

— Записывай, Елена Викторовна, решение. Мы поддерживаем.

Калачев и Мыльников, сидевшие в президиуме, заулыбались и согласно закивали Елене Викторовне. Калачев встал и спустился в зал.

— Спасибо, Дарья Михайловна, за сердечные слова,— сказал он и поцеловал ее.

Опять загудел, зашумел хлопками зал, и долго никто не замечал поднятую руку Коляна. Когда постепенно аплодисменты смолкли, Калачев, уже поднявшийся на сцену, спросил:

— Матренин, ты просишь слова?

Колька зажмурился от сотен глаз, которые устремились на него, и быстро пошел на сцену.

Зал затих. И в этой плотной тишине Колян услышал свой голос, сначала как бы спотыкавшийся, потом ставший увереннее и ровнее.

Враги бегут, поспешно оставляя

Оружье, склады, воинскую честь.

Мы, партизаны брянские, считаем,

Что там, на фронте, наша доля есть.

Строчки эти кое-кто читал в листовках, и поэтому многие переглянулись. Колян, слегка согнув руку в локте и чуть покачивая ею в такт ритму, продолжал:

Когда в лесу советский автоматчик

Бьет что есть силы гневно по врагам,

Запомни, друг, что это все впридачу

К разбитым танкам, поездам, полкам...

Он мог декламировать еще и еще — тетрадка у него была полна. Но вдруг открылась дверь и в нее тихо, на цыпочках, прокрался Серега и сел. Колян кубарем скатился со сцены и, схватив Зишку за руку, потащил за собой.

— Живой!— бросилась к Сереге Зишка. Рядом с ним она увидела Журковича.

— Ну что? Рассказывайте!

Серега не успел открыть рта, как Журкович встал и, подтолкнув его вперед, вышел с ним на середину зала.

— Дорогие товарищи женщины... Товарищи!— Он заулыбался.— В общем, примите к празднику подарок. На перегоне Батагово— Антоновка в воздух взлетел эшелон с живой силой и техникой фашистов.

— Ура!— закричали вокруг.

— Вот это действительно, ребята, впридачу. Впридачу к победам Красной Армии!— крикнула Зишка.

И тут она увидела высокого человека в бежевом свитере и летческих унтах.

— Колян, ты спрашивал о корреспонденте? Вон он.

Корреспондент подошел к ним и сказал так, будто знал их целую вечность:

— А вот вас-то мне и надо...

— Всех нас?— неуверенно переспросил Колян.— Вот про него напишите, про Вавилова. Это он и эшелон взрывал и, когда город освобождали, пленных спас. Не успел я сегодня прочитать про него стихи.

Колян поспешно раскрыл свою синюю тетрадку и начал:

И вот, когда, казалось, подытожен

Был каждый штрих в движении бойца,—

Презрев опасность, поднялся Сережа

Навстречу яростной волне свинца.

«Вперед, товарищи, Отчизна с нами!»

И сквозь свинцовый дождь рванул вперед.

Его пример, как богатырь руками,

Поднял с земли бойцов...

— Колян,— сказала Зишка,— ты здесь немало присочинил. Тогда, у эмтээсовского гаража, Серега не кричал «Вперед, товарищи!», он упал, а тут партизаны как раз и подскочили.

— Ну и что?— не сдавался Колян.— Это же гипербола. Понимаешь, некоторое, если хочешь, преувеличение. В стихах допустимо преувеличение, товарищ корреспондент?

— В данном случае — допустимо,— подтвердил корреспондент и рассмеялся.— Вот что, ребята, зовите меня Михаил Алексеевич.

В фойе кто-то завел патефон, и Эдит Утесова опять запела о своем пожарнике.

— Ой, мальчики, они же не знают, где другие пластинки! Михаил Алексеевич, можно, я покажу?

Серега хлопнул Коляна по плечу:

— Рванули и мы к музыке. Можно?

— Сегодня все можно. Танцы до упаду!— засмеялся Михаил Алексеевич.

Все для фронта

Шла весна сорок второго.

Далеко, очень далеко еще было до нашей Победы. Даже до разгрома гитлеровцев на Волге оставался без малого год, а до битвы на Курской дуге, после которой началось почти безостановочное советское наступление, более года.

Получив первый удар под Москвой, фашисты впервые за всю войну в панике огромным фронтом откатились назад. Наши войска погнало их на запад.

Еще бы немного, и дошли бы наши части до Дедкова. Так рассчитывало и советское командование и партизаны.

Но война порой вносит поправки даже в самые точные планы. Наши войска нуждались в отдыхе, снабжение наступающих частей затруднялось весенней распутицей. Да и противник, собрав силы, перешел к обороне.

Теперь дедковские партизаны готовились к самому худшему. Казалось, фашистам ничего не стоит снять с фронта несколько боевых полков или даже дивизий и с танками, артиллерией и авиацией навалиться на партизанский город.

Сергея, несший службу на линии обороны, не раз слышал разговоры партизан о возможности такого маневра. И от одной этой мысли у него мурашки пробегали по спине.

Но проходили дни. То взвод, то рота гитлеровцев порой появлялись у партизанской границы. Но, терпя убитых, откатывались.

«Неужели ослабели фашисты?— гадал Сергей.— Так почему же приостановилось наше наступление?»

Калачев тоже думал о том, о чем беспокоились все в Дедкове.

Но Калачев, привыкший точно и досконально разбираться в психологии людей, в причинах, двигавших события, нашел простое и вроде бы неожиданное объяснение тому, что происходило: командование местных гитлеровских гарнизонов испугалось за свою шкуру. Это вскоре подтвердили и «языки», которых доставила в штаб партизанская разведка.

Чтобы снять дивизию с передовой и бросить ее на Дедково, надо было получить разрешение верховной ставки или даже самого фюрера. И тут бы такое началось!

«Кто прошляпил город в надежном, крепком тылу? Ах, капитан Клюге. Так разыскать его немедленно и призвать к ответу! А кто командовал капитаном? Найти начальника Клюге...»

Этого-то и боялись фашистские офицеры и генералы. Их останавливал страх за свою судьбу, за свою карьеру.

Вот почему они помалкивали о победе пар-

*«Вперед, товарищи,
Отчизна с нами!»*

Шла весна сорок второго.

тизан в Дедкове и пытались своими силами исправить создавшееся положение.

Это понимал секретарь подпольного Дедковского райкома партии Калачев. Он был уверен, что советский народ обязательно сломает эту жестокую гитлеровскую военную машину и принесет свободу всем людям земли. Эта уверенность передавалась всем партизанам. Они верили, что Родина их не забыла. Поэтому, как бы ни было трудно самому Дедкову, город думал о Родине, которая крушила и уничтожала фашистов.

Город в тылу врага жил единой мыслью: «Все для фронта, все для победы!»

Днем дороги раскисали. Снежное месиво хлюпало под копытами лошадей. Но партизаны путешествовали от деревни к деревне, от поселка к поселку — собирали деньги на строительство танков.

Мишка Капустин командовал целым отрядом ребятни, который назывался пионерской бригадой имени Красной Армии. Помощником у Капустки — Лариска Антохина.

После того, как Мишка по поручению Журковича разузнал, в каких семьях есть младшеклассники, отряд получил новое задание: помочь престарелым и одиноким, тем, у кого отец или муж погибли в боях.

Каждое утро двое или трое ребят появлялись во дворах домов, и закипала работа: пилили и кололи дрова, носили воду, стирали.

Капустка словно светился изнутри. Колобком катился он от дома к дому.

Он чувствовал себя главным, хотя руководила пионерами Зишка, бывший председатель совета пионерского лагеря.

Пионеры собирали с огромным рвением деньги на танковую колонну. Вместе с бабушкой Вавиловой и Зишкой они обходили дома, аккуратно, по нескольку раз пересчитывали деньги, заносили в ведомость сумму и выдавали расписки.

Все в городе знали: идут ребята с портфелями, холщовыми сумками — не в школу спешат, пока еще школы не работают. А несут они деньги. Несут в райсовет, к Елене Викторовне Матрениной. Сколько уже набралось плотных, тугих пачек! Там были сторублевки, тридцатки, пятерки.

Поступали сбережения и из окрестных поселков и деревень. Особенно много собрали жители Любезны. За ними-то и поехала Елена Викторовна.

Ее не было весь день. А когда к ночи вернулась ни с чем, привезла весть — фашистский батальон перешел реку Болву и ворвался на окраины Любезны.

Снять часть партизанских отрядов с круговой обороны города, чтобы помочь любезненскому отряду, Калачев не решился. А вдруг наступление на Любезну — ловушка? Бросишься туда, а в спину — еще более сильный удар. Надо было хорошенько все продумать и только после этого что-либо предпринимать.

Но собранные в Любезне деньги надо было спасти немедленно. Елена Викторовна только успела узнать, что жители поселка и окрестных деревень собрали двести тысяч рублей, если не больше, и хранятся они у бабушки Лукерьи в подполе. Но как же их вызволить?

У Ивана Фридриховича родился смелый план, но он не высказал его сразу. Решил, утро вечера мудренее. А утром...

Чрезвычайное поручение

Зишка всю ночь дежурила в больнице, а утром за ней пришел посыльный. В кабинете Калачева она очутилась среди давно знакомых людей.

За столом Калачев. Рядом в кресле Иван Фридрихович, Василий Самсонович Ревок расхаживает из угла в угол.

— Как живем-можем?— встал ей навстречу Калачев и пожал руку.— Об отце справлялись по радио: довели его до Нижнего Тагила, определили в госпиталь. Так что, думаю, все будет в лучшем виде... А сама-то ты как? Пионерией командуешь, а по медицинской части — правая рука Антохина... Не устаешь?

— Да вроде ничего, не устаю,— ответила она и подумала: «Зачем это я им понадобилась?»

— Говоркова,— подошел к ней Ревок.— Ты уже была дочкой товарища Калачева. А теперь станешь внучкой Ивана Фридриховича.

Зишка слушала, напряженно глядя на Ревка. Какие у него ресницы длинные, и красивые губы, и тонкий, с легкой горбинкой нос... Недаром все девчата из ее класса были влюблены в Василия Самсоновича.

Весной сорок первого года, чуть ли не за месяц до начала войны, он вручал им комсомольские билеты. Даже года не прошло с той поры. Кто бы подумал, что им придется разговаривать с Ревком не в райкоме комсомола, а в партизанском штабе о важных и секретных делах!

— Готова быть внучкой Ивана Фридриховича и вашей племянницей! Так я вас поняла?— улыбнулась Зишка.

Ревок рассмеялся.

— Я же вам говорил...— сказал Калачев.— В общем, Зинаида, или как тебя ребята зовут? Зишкой? Дело такое: надо в Любезне деньги выручать. А там, как известно, фашисты. Так что есть только один путь — объявится в Любезне староста с внучкой, а на месте разберетесь, как действовать. Товарищ Ревок будет вас в условленном месте ждать. Ясно? Ну, тогда в путь, дочка!

Фашисты!..

Как вспомнишь, как только подумаешь о них, не по себе становится.

Совсем недавно Зишка веселилась в Доме культуры на праздничном вечере, а теперь

стоит потупившись. Засунула руки в карманы старого пальто и крепко сжала пальцы в кулаки.

Солдаты проверяют документы. У Ивана Фридриховича — удостоверение с фотографией, выданное еще капитаном Ключе, подтверждающее, что он бургомистр города Дедкова. Иван Фридрихович протягивает солдатам бумагу, на которой по-немецки обозначено, что Гертруда Готман — его внука.

— Бюргермайстер... Дедкофф? — переспрашивает солдат.

— Яволь, — отвечает Иван Фридрихович.

— Дойч? — спрашивает другой солдат. Фа-милия немецкая, значит, немец.

— Яволь, — снова кивает Иван Фридрихович. — «Естественно, мол, господа, так точно, господа...»

Пронесло!

Как жарко вдруг стало Зишке. Распахнула пальто, зашагала быстрее. Но подумала: радоваться еще рано. И снова понурилась.

— Зинаида, — услышала Зишка спокойный голос Ивана Фридриховича, — иди рядом с любимым дедушкой.

— Зинаида, — услышала за спиной спокойный голос Ивана Фридриховича, — иди рядом с любимым дедушкой.

«Крепкие нервы у Ивана Фридриховича», — подумала Зишка.

И тут же ее мысли переключились на Ревка. Как он там, один?

Василий Самсонович провел по оврагу Ивана Фридриховича и Зишку через передний край партизанской обороны и вывел на дорогу, которая соединяла Любезну и Лободищи. Теперь «староста» и «внука» могли утверждать, что пока в городе были партизаны, они скрывались в деревнях вокруг Лободищ. Прослышав, что Любезна снова в руках германских войск, они направились сюда.

Ревок знал, где дом Лукерьи Ильиничны, попросту бабки Лукерьи, у которой хранились деньги. Договорились, что он будет ожидать Ивана Фридриховича и Зишку неподалеку, в овраге. Этим оврагом можно уйти из Любезны, миновав часовых и патрулей.

В Любезне их снова остановил патруль.

Проверив документы, солдаты показали на двухэтажное здание школы, где размещалась комендатура и куда им непременно надо было зайти.

Зишка заметила, что Иван Фридрихович впервые заколебался. Он остановился, вздохнул и, вынув из бокового кармана своей «тройки» чистый носовой платок, неторопливо, аккуратно протер пенсне.

Он размышлял, идти ли им вместе в комендатуру или идти ему одному, а Зинаиду отправить на разведку.

Он сказал об этом Зишке, и решили: Зишка пойдет на разведку. Солдаты вряд ли ее остановят — мало ли деревенских девчат шастает! Встретятся у Лукерьиного дома. Если, конечно, не произойдет ничего непредвиденного.

Поход в комендатуру завершился вполне благополучно, и Зишка, увидев приближающегося Ивана Фридриховича, с неподдельной радостью, как и положено внучке, бросилась ему на шею.

— Остановимся вот в этом доме, — показал Иван Фридрихович на двор Лукерьи, — герр комендант оказался любезным офицером и согласился разместить нас в доме Лукерьи Ильиничны, о которой мы с тобой так много слышаны доброго. И даже отрядил со мной провожатого.

Лукерья Ильинична встретила постояльцев настороженно. Поджав губы, молча указала на комнату, куда и прошли «дед» и «внучка».

Разговор с Лукерьей начинать было трудно. Как убедить ее, чтобы она поверила им, незнакомым людям. Ведь у них не было ни записки от партизанского командования, ни других доказательств того, что им можно довериться безоговорочно.

Сняв пальто, Иван Фридрихович пошел к хозяйке.

— Лукерья Ильинична, — начал он, — вы, наверное, знаете меня. Моя фамилия Готман. Я был старостой в Дедкове. Поэтому-то меня и провожал солдат... Только скажу вам честно, старостой я был не по своей воле, по поручению командования наших партизанских отрядов. А сейчас оно послало меня к вам за деньгами, которые собраны в Любезне для Красной Армии. Мы их переправим в Дедково...

Лукерья Ильинична молча села на лавку. В такой переплет она еще никогда не попадала: вдруг своими руками отдаст деньги врагам, выдаст с головой себя и погубит все дело?

— Верьте нам, Лукерья Ильинична. Я комсомолка, а Коля Матренин, сын Елены Викторовны, мой друг. Самый лучший друг. — Зеленые глаза Зишки блеснули влажно и искристо. — Поймите, другого выхода не было. Лукерья Ильинична вздохнула:

— Ждала я Елену Викторовну... Понимаю: не смогла, дорогу ей перерезали. — Она вни-

мательно посмотрела на Ивана Фридриховича.

В тишине громко тикали ходики да возились за печью тараканы... Но вдруг где-то за огородами стрекотнуло резко и коротко, словно кто-то отдирает от забора доску с гвоздями. А потом еще и еще, уже ближе, зачастила стрельба. И в тот же миг под самыми окнами дома, разметывая грязный снег, промчалось несколько мотоциклов.

Зишка тревожно глянула на Ивана Фридриховича.

Снова застрекотали автоматы, а потом звонко, так что дзенькнули стекла на кухне, хлопнул тугой взрыв.

«Ревок! — промелькнула догадка у Зишки. — Напоролись на него, сволочи».

И когда с ревом остановились у дома мотоциклы, затопали на крыльце, требовательно загрохотали кулаками в дверь, сомнений не было — что-то стряслось с Василием Самсоновичем...

Иван Фридрихович кивком указал Зишке на другую комнату и спокойно сказал Лукерье Ильиничне:

— Откройте. Наверно, какое-то недоразумение.

Гертруда снова Зишка

В дом ворвались четверо — двое в форме фельдшармерии с серпообразными бляхами на груди, стройный молодой офицер и человек, одетый в грязный короткий бушлат.

Иван Фридрихович встал и сказал по-русски:

— Милости просим.

Офицер нетерпеливо перевел взгляд с Ивана Фридриховича на человека в бушлате.

— Он! Он самый, герр офицер. Я же его тыщу раз вот так близко видел...

В щелочку Зишка видела Подсадилу — отъявленного пьянчугу, которого знало все Дедково. Это был мерзкий человечишка, недаром дали ему такое прозвище.

Он был в числе предателей, которые подали Ивану Фридриховичу заявление о зачислении их в дедковскую полицию. Когда партизаны освободили город, всех этих выродков арестовали, список их передал Калачеву Иван Фридрихович. Как же недоглядели за этим оборотнем? Но сейчас это уже было неважно. Сейчас все зависело от того, что знал этот негодяй об Иване Фридриховиче и почему он привел фашистов в дом Лукерьи Ильиничны.

Офицер щелкнул пальцами, и жандармы поспешно скрылись за дверью.

— Всем смойтрейт! — еще раз щелкнув пальцами, приказал офицер, обернувшись к Ивану Фридриховичу и Лукерье Ильиничне.

Жандармы втащили тело Ревка.

Лукерья Ильинична пошатнулась и опустилась на скамью. Зишка, задержав дыхание, чтобы не вскрикнуть и не выдать себя, закусила зубами пальцы, так что они побелели.

— Кто? Кто он?.. Кто знает бандит?— офицер в упор смотрел на Ивана Фридриховича.

— Простите, тут какое-то недоразумение,— сказал Иван Фридрихович по-русски,— видимо, чтобы понять Подсадило. Потом он перешел на немецкий язык.

Иван Фридрихович вынул платок и бумагу, выданную Черепом-Клюге, протер пенсне и, положив платок на стол, протянул свое удостоверение офицеру.

— Липа это, герр лейтенант!— рванулся к офицеру Подсадило.— Это партизан! Я сам видел его в партизанском штабе вместе с вот этим комсомольским секретарем. Злобно крикнул Ивану Фридриховичу:

— Думал меня своим чекистам отдать, да сам же со своим комсомольским коммунистом и попался! Десятерых уложил твой коммунист, а сам живым не дался. Но ничего, они его и мертвого вместе с тобой вздернут на виселице!

Офицер заложил руки в лайковых перчатках за спину.

— Значит, этот человек ви никто не знает?— показал он на Ревка.— Тогда другие будут знать. А фас будет вешайт.

И офицер приказал Ивану Фридриховичу следовать за жандармами.

— Господи!— всплеснула руками Лукерья Ильинична, когда все вышли из комнаты.— Мой младшенький, Вася, был его дружок. Ревок, значит, в Дедкове по комсомолу, а мой здесь, в Любезне... У нас часто бывал. И вот как свиделсь с тобой, родненький, в последний раз.

Лукерья Ильинична заплакала и обняла Зишку.

— Как же ты-то теперь?

Зишка тоже заплакала. Но тут же вскочила и взяла со стола платок Ивана Фридриховича. Из платка выпал бланк, заполненный на Гертруду Готман. Она схватила бумажку и подумала: «Это Иван Фридрихович нарочно оставил. Он меня спас. Теперь я одна могу довести дело до конца».

К дому снова направилась солдаты.

— Раус! Выходи!— крикнул один из них, стукнув в окно.

— Сиди, не выглядывай!— приказала Зишке Лукерья Ильинична, закутываясь в платок.— Если что— мешок с деньгами в погребе.

Зишка шмыгнула в соседнюю комнату. Она выглянула из-за занавески на улицу. На дороге стояли сани.

К саням подогнались старуху с двумя детишками лет восьми и десяти. Она посмотрела туда, куда ей показывал офицер, и отри-

цательно мотнула головой. Подвели еще двух— мужчину и женщину. И те, постояв у сани, повели головами из стороны в сторону.

«Ревка хотят опознать!— догадалась Зишка. Чтобы кто-то еще подтвердил донос Подсадило... Неужели кто-нибудь струсит и выдаст? Его ведь все в районе знают».

Люди все подходили, но ни один не признал убитого. Это было молчаливое прощание с комсомольским вожаком, коммунистом и партизаном.

Два жандарма привели Ивана Фридриховича без шапки, со связанными руками.

Зишка привстала на цыпочки, осторожно приоткрыла форточку, и сразу в комнату ворвался резкий крик офицера:

— Кто знает партизана и кто знает этот старик?

Толпа замерла.

— Кто тебя посылайт?— крикнул офицер Ивану Фридриховичу.

Иван Фридрихович стоял прямо, лицо его было сурово и неподвижно. Только легкая седая прядка волос колыхалась от порывов ветра.

— Считаит три...— взвизгнул офицер.— Кто тебя посылайт Любезна?.. Раз!

Офицер резко хлестнул перчаткой по своим сапогам, потом еще и еще раз. Иван Фридрихович не шелохнулся.

— Вешайт!— закричал офицер.— Именем германской армии— вешайт.

На Ивана Фридриховича сзади навалились жандармы, и в это время он что-то сказал по-немецки.

— Люди русские, советские люди!— обратился ко всем Иван Фридрихович.— Наверное, многие из вас знают меня. Да, я немец. Но я сказал сейчас фашисту: я советский человек, а они палачи и фашисты. Так бейте же их, люди!..

И снова сказал что-то по-немецки. Офицер выхватил пистолет.

Зишка отпрянула от окна и услышала два— один за другим— выстрела.

Опрометью бросилась она в подвал и выволокла мешок. Накинула пальто, платок и выскочила во двор.

«Теперь или никогда!— сказала она себе. Там, на площади, наверное, все солдаты, которые есть в поселке. Пока они разберутся, я уже буду за оврагом. Только скорее, скорее!..»

Сколько она ползла с тяжелым мешком, Зишка не помнит. Давно уже стемнело, холod прожигал насквозь. Пальто и мешок намокли, были покрыты грязью. Но особенно жгло руки, изрезанные колючими комьями снега. Зишка выбилась из сил. И вдруг услышала голос Сержки:

— Зишь, вставай. Это я... Это мы...

Открыла глаза и увидела над собой Сержку и Калачева.

— Одна? — спросил Калачев, прижимая заколоченную Зишку к своей груди.

Зишка, уткнувшись в теплый мех калачевского полушубка, громко зарыдала...

«Советский Иван»

Положение в районе с каждым днем становилось все опаснее. Ефрейтор, которого взяли под Любезной, рассказал: переброшены гарнизоны из Жуковки и Дубровки, чтобы захватить или зажать в кольцо Дедково.

— Видал, какие храбрецы? — сказал Калачев Михаилу Алексеевичу, корреспонденту из Москвы. — Или «захватить», или на крайний случай «взять в кольцо»! Понимают, что мы крепкий орешек. Ты уж так и передай на Большую землю командованию: пусть бьют их крепче на фронте. А мы не отдадим фашистам город. Дудки!

Михаилу Алексеевичу вышел срок улетать на Большую землю. Надо было доставить в Москву статью для газеты о партизанском крае и отвезти полмиллиона рублей, собранных для танковой колонны.

Калачев, прощаясь с Михаилом Алексеевичем, вручил ему большой рюкзак, в котором аккуратными пачками лежали деньги.

— Сдашь деньги в Московский госбанк, — сказал Калачев, — а вместо расписки пришьешь газету со своей статьей. И проследи, чтобы один танк — очень хочется — назвали «Партизан Василий Ревок», а второй «Советский Иван» — в память об Иване Фридриховиче.

Они обнялись. Михаил Алексеевич, взвалив на спину драгоценный рюкзак и подхватив автомат, вышел за дверь.

Корреспондента поджидал партизан, который должен был сопровождать его до аэродрома, и Колян, которому никто не поручал провожать Михаила Алексеевича.

Михаил Алексеевич сразу догадался о намерениях Матренина и, потрепав его по обросшей голове, сказал:

— Ну что ж, пойдем, если ты свободен!

«Обязательно продержаться!»

Солнце светило ярко и щедро. Снег сошел, и только кое-где под разлапистыми елками прятались сугробы. Но и им уже никуда не деться от все жарче и жарче припекавшего солнышка.

После разговора с Краюшиным о бересте, на которой когда-то писались книги, Колян нередко уходил в березовую рощу. Он осторожно подсекал кору. Нет, он делал это не только затем, чтобы напиться сладкого и освежающего березового сока, но и чтобы проветрить, готова ли кора.

Колян попросил у доктора Антохина разрешения покопаться в его библиотеке и нашел то, что искал — книгу о деревьях. Там было сказано, что по ранней весне кора березы наиболее эластична, не ломается, не рвется. Поэтому-то в эту пору ее и заготавливают. Береста состоит из тонких, гладких полупрозрачных слоев. Из нее гонят деготь, делают корзины, кораба и туеса, употребляют для изоляции строений от сырости.

Но о том, что на бересте можно писать, не было сказано. Колян расстроился, но тут взгляд его упал на книгу с золотыми буквами на корешке. Это был «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, изданный в 1891 году.

В одном из томов Колян нашел слово «береста». В статье было все, что он уже знал о бересте. Но заканчивалась она так: «...У нас на севере береста употреблялась вместо писчей бумаги. В Императорской Санкт-Петербургской публичной и Парижской национальной библиотеках хранятся некоторые рукописи на бересте».

«Краюшин не мог ошибиться! — обрадовался Колян. — Он знает все на свете».

В этот же день Колян вырезал не очень широкую полоску бересты и принес ее в типографию. Взял в руки верстатку.

Что же он наберет? Стихи? Какую-нибудь небольшую статью?

Из клеток наборной кассы на него смотрели строчные и прописные — заглавные буквы. Он привык при наборе заменять прописными литерами названия населенных пунктов, фамилии командиров и партизан. Ввиду военной тайны! Но этот способ для его затеи не годился. Он вспомнил, что радисты, прежде чем передать радиogramму на Большую землю, засекречивают ее секретным кодом при помощи цифр. А как, он, конечно, не знал. Ничего, он изобретет свой шифр и засекретит своих друзей Серегу и Зишку, пусть о них когда-нибудь узнают все люди на земле!

Так и сделал Колян. И теперь, провожая Михаила Алексеевича, он решил передать корреспонденту свою бересту.

Когда углубились в лес, провожатый сказал:

— Отдохните, товарищ корреспондент, немного, а я проскочу за полянку, посмотрю, что и как... Отсюда до аэродрома рукой подать.

— Значит, уезжаете, — вздохнул Колян.

— Уезжаю, Коля, — тоже почему-то вздохнул корреспондент.

— Возьмите вот на память, — Колян протянул Михаилу Алексеевичу кусок бересты, на которой были четко напечатаны какие-то цифры.

Михаил Алексеевич развернул свиток.

— Ничего не понимаю. Сплошная бухгалтерия! Что это за шарада?

Послесловие

— А это шифр, Михаил Алексеевич, — объяснил Колян. — «Семь, девять, одиннадцать, девять». Седьмая какая по счету буква в алфавите? «Ж». Девятая — «И». Одиннадцатая — «Л» и снова девятка «И». Получается слово «жили». «Жили в Дедкове в тылу у врага партизаны Сергей Вавилов и Зинаида Говоркова», — вот что тут написано.

— Разве только двое хороших ребят в Дедкове? — спросил он.

— Почему же? — смутился Колян. — Но о них люди должны знать в первую очередь. Я даю вам эту бересту, чтобы вы их не забыли. А там сами решайте, писать про них или нет. Напишите, все равно ведь зашифруете имена. И Дедково будет называться у вас — город Д.»

Михаил Алексеевич вложил свернутую в трубочку бересту в карман гимнастерки.

— Нет, Коля. Город я назову «Городом Партизанском». А твою берестяную грамоту расшифруем после войны, когда уже не будет военной тайны... Ну, давай руку, Колян. Вон возвращается наш провожатый.

Колян глянул в ту сторону, куда смотрел корреспондент, и увидел, как через поляну, пригибаясь, проскочил кто-то, за ним — другой. И тотчас оттуда, где они скрылись в густом ельнике, над головами Михаила Алексеевича и Коляна шмелями зажужжали пули, сбивая сучки.

— Ложись, — раздался голос партизана, который их сопровождал.

Михаил Алексеевич взвел затвор автомата и выпустил короткую очередь по ельнику. Раздались ответные выстрелы, и одна из пуль впиалась в ствол сосны, за которой спрятался Колян.

Колян оглянулся и увидел, как набухает темным пятном рукав летческой куртки Михаила Алексеевича.

— Вы ранены? — крикнул Колян и встал, чтобы броситься на помощь.

— На место! — остановил его Михаил Алексеевич и, вытащив пистолет из кобуры, бросил его Коляну. — Только не спешите.

Колян схватил пистолет, растерянно сжал его в руке.

«Э, да он не знает, как с ним обращаться!» — подумал Михаил Алексеевич.

— Коля, — сказал он тихо. — Возьми пистолет в правую руку, левой отведи назад каретку... Вот так... Он заряжен. Теперь надо прицелиться и нажать спуск.

Снова, жужжа, сыпануло в ствол сосны. С деревьев сорвались и полетели врассыпную птицы.

Колян перевел взгляд на небо, голубое и солнечное. Оно было спокойным и как бы говорило Коляну: «Самолет не уйдет без того, что он должен доставить на Большую землю... Вам надо продержаться. Обязательно продержаться...»

В Брянском областном музее хранится газета «Народный мститель», отпечатанная на березовой коре. Один экземпляр ее хранится и у меня дома. Мне эту газету подарил Петр Федорович Кирюшин, в годы войны выпускавший ее в партизанском отряде. Так что я не придумал историю с берестяной грамотой.

Не выдумал я и город.

21 мая 1942 года «Правда» напечатала статью своего военного корреспондента Михаила Алексеевича Сиволобова «Город Партизанск». В ней говорилось:

«Мы ходим по улицам города, который расположен далеко за линией фронта, в тылу у врага. В городе живет несколько тысяч советских людей, и нет ни одного немца. Фашисты хозяйничали тут четыре месяца. Потом пришли партизаны и с треском вышибли их из города».

Подлинное имя этого города — Дятково. Находится он в Брянской области. Да, именно там вместе со своими юными помощниками и печатал Петр Федорович газету на бересте.

Если кому-либо из вас случится побывать в этом красивом, уютном лесном городке, вы увидите памятник Герою Советского Союза, секретарю подпольного райкома комсомола Владимиру Самсоновичу Рябку. Вы пройдете по улице имени комиссара Качалова. Встретитесь с печатником Кирюшиным, Героем Социалистического Труда, заслуженным врачом РСФСР Сергеем Михайловичем Онохиным, работником пожарной части Семеном Константиновичем Ермиловым, который во время боев с фашистами был пятнадцатилетним пареньком...

И все-таки история города, о котором я рассказал в своей повести, — это история многих городов и сел, в которых в годы войны хозяевами были не фашистские оккупанты, а наши партизаны. Советские районы существовали в Белоруссии, на Смоленщине, в Псковской, Новгородской и других областях.

Рассказывая о дедковских ребятах, я вспоминаю о том, что сам пережил во время войны. В 1942 году, сразу же после окончания школы, я был заброшен к партизанам в Брянские леса, в Навлинский район. Там тоже были населенные пункты, отбитые у врага, и над ними реяли красные знамена.

Наверное, вам интересно, что же произошло дальше в повести? Отвечаю коротко: корреспондент Михаил Алексеевич сдал деньги в Московский государственный банк. А партизаны и жители этого маленького городка еще много долгих дней и ночей боролись с фашистскими захватчиками и совершили немало подвигов.

— Раус! Выходи! —
крикнул солдат.

ОТЛУНЬЕ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. ГОЛЕНКОВА.

Ближе к ночи Таня понесла отцу ужин в степь. Отец в ночную работал на комбайне, убирал хлеб.

Поднялся туман.

Белым облаком облачил туман все тропинки и дорожки, и девочка запуталась.

Она крепко прижимала к себе хозяйственную сумку с ковригой теплого хлеба и бутылкой, в которой бултыхалось молоко, забрела невесть куда.

Под ногами захлюпало болото. Таня, мокрая насквозь, не знала, что и делать, только тихо плакала и, ступая наугад, несла над головой сумку, из которой капало молоко.

И все-таки она выбралась на сухое — на скошенное поле.

По полю колесом катился туман.

— Папа-аа! — громко крикнула девочка в темноту. Голос ее скоро погас в тумане, таком густом, что она шла, выставив вперед руку — на всякий случай, чтобы не наколоть глаза.

Вот рука ее уперлась в свежую солому — длинный соломенный стог, который зовется ометом. Девочка зарылась в него, положила сумку под голову и, дрожа и согреваясь, не заметила, как крепко заснула.

Она проснулась от холода и от какого-то близкого сокрытого движения. Не шелохнувшись, открыла глаза.

Туман ослаб. Близко от Тани на стерне кормились большие серые птицы и негромко переговаривались между собой.

Это были гуси, только не домашние, а дикие, и все они искали зерна в стерне. Один только сторожевой гусак, недалеко от

девочки, держал голову на долгой шее и прислушивался, что творится ночью в степи: нет ли опасности.

У девочки затекли руки и ноги. Она лежала в самой середине дикой стаи, и ей было жутко и хорошо, оттого что она сама, как вольная птица, прислушивается к птичьему разговору. Затерялась в степи и, будь у нее за спиной живые крылья, полетела бы вместе со стаей в неведомые страны.

Руку у Тани свело судорогой. Девочка пошевелила пальцами — сторожевой гусь повернул голову к омету, ничего подозрительного не увидел, подошел близко-близко и с негромким криком, предупреждающим об опасности, тяжело захлопал крыльями, поднялся в воздух.

Все поле наполнилось хлопанием крыльев. Оно катилось волнами, и, когда стихло, девочка услышала в низине голос комбайна.

Таня выбралась из омета и побежала на голос машины.

Она бежала долго, запыхалась, пошла шагом и увидела комбайн, который плыл в редком тумане.

— Папа-аа! — закричала она и заплакала.

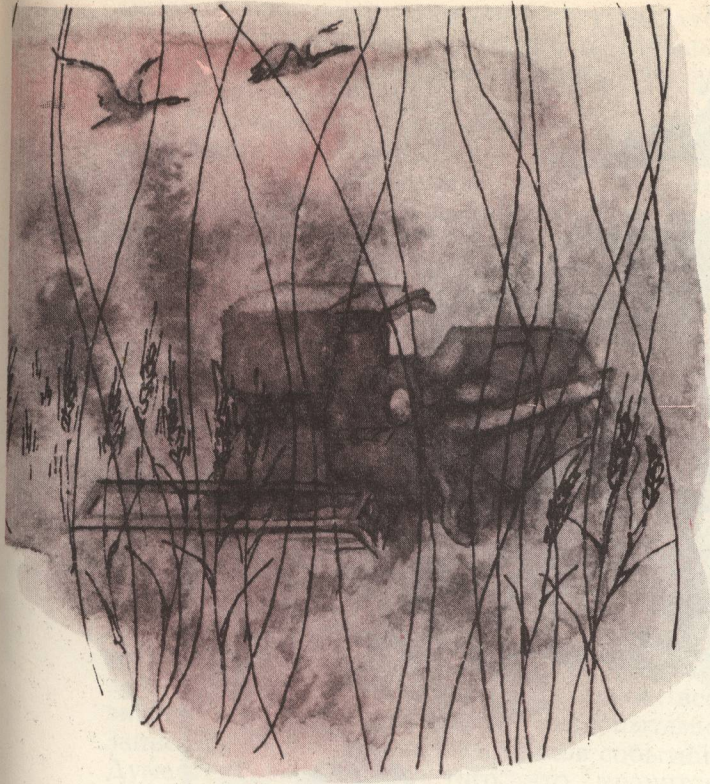
Железная громадина, которая касалась вершиной своей звезд на небе, остановилась, постояла посреди поля, а сверху отцовский голос позвал:

— Полезай ко мне, дочка!

А она стояла и плакала, и не было у нее сил взобраться на такую высокую железную гору.

Отец спустился на землю, взял Таню на руки, и она задохнулась от запаха зерна, горячего железа и отцовского тепла — родного, как тепло матери.

Лицом, всей собой она зарылась в это тепло, и обильные слезы потекли из ее глаз. Она все хотела, да не могла выговорить «папа, папочка». У нее получалось протяжное, как стон радости:

— Ааа...

По железным ступеням отец поднял ее наверх, усадил рядом с собой.

— Как ты меня нашла?— спросил он.

Девочка прошептала:

— Сама не знаю...

— Долго искала?

— До-оолго...

Отец разломил хлеб напополам, и вдвоем они быстро съели отцовский ужин.

— Ну вот,— сказал отец,— а я боялся: не съедим.

Он поколдовал руками перед собой, потом положил их на штурвал. Огромная машина задрожала и, раздвигая грудью пшеницу, мощно взяла с места. На повитой туманом пшенице лежало лунное отражение — зыбкая дорожка, как на большой реке. Только не такая яркая, а тихая и туманная.

«Где же луна-то?— подумала Таня.— Луна позади нас. Вон она какая, большая и красная».

Озаренные луной хлеба просматривались далеко и светились прохладным светом.

Засыпая, Таня вспомнила отцовское слово, которым называется лунный отсвет в хлебах.

— Отлунье... Отлунье...

В теплой кабине комбайна спалось ей хорошо, и она видела сон. Ей приснилось, что она лежит в омете посреди дикой стаи и разговаривает с птицами.

— Гуси-гуси,— спрашивает Таня,— хочется вам улечь в другие страны?

— Не хочется, да надо.

— Зимой замерзают наши реки и озера...

— Было бы тепло, мы бы остались...

— Гуси-гуси,— опять спрашивает Таня,— а в других странах вам плохо?

— А мы не говорим, что плохо.

— Но вы каждую весну возвращаетесь в наши края!

— В других странах хорошо, но там мы в гостях.

— В гостях хорошо, а дома лучше.

— Отлунье... Отлунье...

Она проснулась оттого, что прямо в лицо светило солнышко.

Рядом с отцовским комбайном стояла грузовая машина, и в ее объемистый кузов из железного хобота комбайна шурша сыпалось зерно. От раннего солнышка зерно виделось розовым.

Рядом с отцом в кабине комбайна сидел шофер Алексей Иванович, пожилой мужчина из Таниного поселка. Как только девочка открыла глаза, Алексей Иванович обрадовался:

— Доброе утро, Татьяна Федоровна!

— Здравствуйте!..

— Как спалось на новом месте?

— Хорошо...

— А я, как на пенсию уходил, спать перестал. Так и не смог уйти на пенсию!..

Признание это девочка слышала от старика не в первый раз, а сейчас, среди степи, в кабине комбайна оно показалось ей уютным, домашним. Девочка, уткнувшись головой в грудь отца, пробормотала сонным голосом:

— К маме хочу...

Кузов с краями наполнился зерном. Алексей Иванович удивился:

— Быстро как!..

И прибавил:

— Поеду потихоньку.

Машину он завел не сразу, и поехала она не спеша, будто с ленцой. Но отец сказал уважительно:

— Алексей Иваныч ни зернышка не уронит в дороге. Все в целости привезет. А ездит — не торопится.

И заснул на полуслове. Дышал он неслышно, лицо разгладилось, большие набухшие ладони виновато прилегли на коленях.

Таня осторожно погладила ладони отца, и они как бы сказали ей:

— Мы недолго будем отдыхать. Отдохнем, и опять за работу.

Девочка вздохнула про себя:

— Устал отец. Пока он спит, сбегая к речке, воды ему принесу.

Она взяла бутылку из-под молока, тихонечко спустилась по железной лестнице на стерню и бегом побежала к речке.

Розовела степь. Птицы пробовали голоса. Длинная-предлинная тень бежала рядом с девочкой, задевала за стёрнинки. Степная речка в пологих, вровень со степью, берегах угадывалась впереди по невысокой белой гряде тумана. Над рекой туман держится долго...

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

РОДИНУ отблагодарить умею...

Вл. ВАСЕНКОВ

Все реже удастся мальчишкам найти стреляную гильзу. И уже не сразу разберешь теперь, отчего однобок дуб-великан: то ли война прошумела над лесом, то ли молния огненной косой прошла.

Все дальше и дальше по времени уходят от нас события войны. Но юное сердце всегда тянется к подвигу. Ребята хотят знать, как была завоевана победа. И это прекрасно.

Помню, как-то пошел я с пионерами 41-й брянской школы в поход. Июнь кудесничал. С утра торопливо «поплакала царица» — прошел дождь, но сейчас солнце светило.

Вброд одолели мы коряжистую речку Ревну и некоторое время шли болотом. Теплая вода хлюпала в наших кедах. Взобрались на

высокий пригорок, поросший могучим дубняком, остановились отдохнуть и, главное, переобуться. Ребята, как водится, тут же разбрелись по дубняку.

— Смотрите! — раздался вдруг голос Лены Воробьевой. — Дот!..

Все, конечно, бросились к нему. Железобетонный дот был изуродован взрывом. Он осел, оставив вместо входа узкую щель. Прямо над этой щелью, на железобетоне, из тонкого слоя земли росла молодая березка. Рядом с ней мы увидели россыпь крупных ягод. Земляника...

— Не троньте! — остановила ребят Людья Овчаренко. — Видите?.. Они... красные... Это память. Память о погибших.

Мы стояли у старого, израненного дота и смотрели на красные ягоды земляники. Мы думали о тех, кто пал в сражении, защищая эту землю...

Потом долго бродили по лесу и находили осколки снарядов, стреляные гильзы. Ребята после похода принесли их в школьный музей боевой славы. Пожалуй, он один из лучших в Брянске. В нем все подлинное: все экспонаты разысканы юными следопытами. Записаны воспоминания участников событий. Думается, многое из того, что хранится здесь, достойно экспозиций больших музеев.

Брянщина — земля прославленная. Почти двести ее сынов и дочерей удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них те, кто повторил подвиги Николая Гастелло и Александра Матросова. Первым пытался установить над рейхстагом красное знамя брянский колхозник Петр Николаевич Пятницкий. Он погиб смертью храбрых...

Спросите любого человека, в любом краю нашей необъятной земли, что он знает о Брянщине, и он непременно ответит: «Как же! Край партизанский». Около шестидесяти тысяч бойцов насчитывала брянская «лесная» армия. Народные мстители уничтожили около ста тысяч вражеских солдат, пустили под откос почти тысячу воинских эшелонов, вывели из строя больше сотни гитлеровских самолетов, две с половиной сотни танков и танкеток, множество машин, орудий и другой боевой техники.

Школьный музей бережно хранит память о героическом прошлом.

Аккуратные витрины, стеллажи, стенды. Документы, старые газеты, фотографии, письма...

«Здравствуйте, дорогие мама, папа и все сестрички. Спешу сообщить, что я жив и здоров. Войну встретил на оперативной точке. В первый же день срезал первого «юнкера»...

Дорогие мои, не знаю, как благодарить вас за то, что вырастили меня крепким и здоровым. Как хорошо, что у нас были аэроклубы, и в них мы научились летать как следу-

ет. Спасибо комсомолу, что воспитал в нас мужество и товарищество, без чего сейчас просто пропадешь.

Видите, в каком я долгу. Но заверяю, что и вас, дорогие мои, милые, и Родину я отблагодарить сумею...»

Эти строки из письма помещены в экспозиции музея под фотографией летчика, Героя Советского Союза Анатолия Морозова. Он смотрит на нас с фронтовой фотографии, присланной перед самой гибелью. И улыбается. Он верил в победу. Он писал в самые трудные дни войны:

«Потом будет победа. Мы соберемся все. В сагу сядем пить чай. И будем разговаривать. Помните, мы так любили собираться вместе, пить чай и разговаривать. Папа всех нас поучал...»

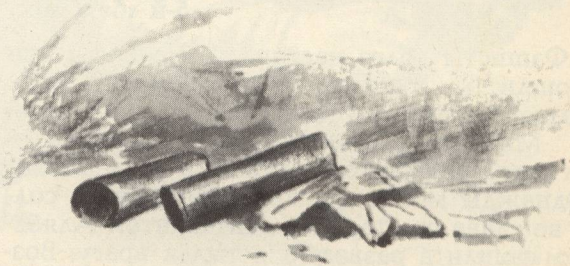
В этих строках — судьба поколения.

— Вот новые материалы, — сообщает мне руководитель красных следопытов, преподаватель русского языка и литературы Татьяна Николаевна Тарасова, и подводит к новому стенду, — они собраны недавно, во время Всесоюзного сбора-поиска «Орден в твоём доме».

ДОСТОИН ЛИ Я СВОИХ СТАРШИХ?..

Слушая рассказы о боевых наградах, открывая героическое в людях, казалось бы, самых обыкновенных, в тех, с кем встречаешься каждый день, мальчишки и девчонки невольно спрашивают себя: «А я? Достоин ли я своих старших? Не нарушаю ли я свою клятву быть верным революционному долгу?»

Передо мной стопка домашних сочинений ребят 41-й брянской школы. Я читаю их и думаю: «Как далеко мы от войны! Почти в каждой тетрадке речь идет о дедушках и бабушках. Но годы войны не забыты, раны войны кровоточат в каждой семье». И еще я думал о том, что в незатейливых ребячьих

писаниях прекрасно можно увидеть ту духовную связь, которую мы называем связью поколений, их преемственностью.

Ложный десант

Сочинение Валентины Дятловой,
5-й «б» класс.

Я знаю, в комодке у бабушки хранится орден Красной Звезды. Это дедушкин орден. Он был награжден им за отвагу, проявленную во время Великой Отечественной войны. Я попросила, чтобы дедушка подробнее рассказал мне, за что он был награжден этим орденом, и записала его рассказ.

— Я был одним из добровольцев, которым предстояло в открытую переправиться через реку на берег, занятый врагом. Там долгое время шла окопная война. Никто не наступал: ни фашисты, ни наши. Но линия обороны укреплялась каждый год новыми траншеями и дзотами. И прорвать эту мощную оборону было нелегко. Наше командование пустилось на хитрость. Лодочный десант, который высадился на вражеский берег, был ложным. В каждой лодке — одиннадцать чучел и только один солдат.

Моя лодка шла на левом фланге, по ней было несколько пулеметов и миномет. Осколок попал мне в руку. Пули прошивали лодку. Она, наполненная водой, стала тонуть. Я прыгнул в воду и, толкая лодку перед собой, доплыл до берега. Со мной рядом оказался раненный в ногу старшина. Вдвоем мы миновали проволочное ограждение, проникли в траншею, которая оказалась пуста: на время обстрела враги отошли в глубь обороны.

На возвышенности — дот. В доте — пулеметчики. Старшина открыл огонь по амбразуре, а я открыл огонь с тыла. Фашисты заметили меня, развернули пулемет, но моя граната разорвалась раньше. В следующее мгновение я прыгнул в траншею и очередью убил пятерых гитлеровцев. А потом вместе со старшиной мы отбивались до подхода наших. За это я и был награжден орденом Красной Звезды.

Я очень горжусь своим дедушкой.

Спасли Алябьева

Сочинение Вовы Теренина,
5-й «б» класс.

...Фашисты долго наступали. Но когда они подошли к Москве, то остановились. Их дальше не пустили советские люди. Журавков Михаил Павлович — мой дедушка — был тогда сержантом, служил в разведке.

Однажды мой дедушка и еще девять солдат во главе со старшим лейтенантом Алябьевым пошли в разведку, в тыл к врагу. Воз-

вращаясь с задания, около ничейной полосы они столкнулись с фашистами. Завязалась перестрелка. Михаил Павлович увидел, что лейтенант Алябьев ранен. Дедушка бросил три гранаты по врагу, потом взвалил на спину Алябьева и, как мог, быстро побежал к своим. Другие солдаты его прикрывали, стреляя из автоматов.

Фашисты, которых было больше, хотели окружить разведчиков. Но разведчики отстреливались и все возвратились к своим. И спасли Алябьева.

За это дедушку наградили орденом Славы III степени.

Чехословацкий орден

Сочинение Вовы Михальцова,
5-й «б» класс.

Когда я был еще маленьким, к нам часто приезжал мой дедушка — Михальцов Геннадий Кузьмич. Четыре года прошагал мой дедушка по дорогам войны. У него были глубокие шрамы от четырех ранений. Дедушки уже нет в живых, но его ордена, медали и документы напоминают мне о нем.

Этим летом я ездил в деревню, и бабушка, как всегда, вытащила из комоды маленькую синенькую коробочку, чтобы я снова увидел дедушкины награды.

Войну с фашистами дедушка заканчивал на территории Чехословакии. Однажды гитлеровцы перерезали провода связи между подразделениями. Один за другим ходили бойцы на восстановление связи, но не возвращались. И дедушка пополз к месту разрыва кабеля. Ему удалось починить кабель, но он был ранен. С большим трудом он добрался до своих. Мой дед выжил тогда, но сколько наших дедушек и отцов погибли, отдали свои жизни за мир на земле и за наше счастье...

*

...Уже далеко за полночь, а я все читаю детские сочинения-размышления. Следопыты уходят в прошлое, чтобы оно помогло им жить сегодня и завтра. Они уходят в прошлое, прикасаясь к героическому в нем, как к источнику силы. Они создают себя, сегодняшних, закаляют свой характер, сверяя свои поступки с поступками и подвигами своих отцов и дедов.

В 1942 году, в ноябре, в 130-й гвардейский стрелковый полк прибыло пополнение — рота моряков с Дальнего Востока. Командовал ротой Иван Сергеевич Ликунов. Рота воевала в составе полка на Кубани и на Северном Кавказе. В свой последний бой моряки вступили январским утром сорок третьего года на станции Красновка, Ростовской области.

Внимание! Всем, кто участвует во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме», дает задание Центральный музей Вооруженных Сил СССР.

Станция — важный стратегический пункт. На подступах к ней фашисты построили ледяной вал: утрамбованный снег, смешанный с соломой, залили водой.

В роте Ликунова были одни комсомольцы. Они прорвали проволочное заграждение, под сильным огнем врага устремились к ледяному валу. Вал пытались взорвать гранатами. Лед кололи, рубили. Вал не поддавался. Тогда Ликунов скомандовал: «Шинели на вал!»

По шинелям бойцам удалось перебраться через скользкий вал и подойти к станции. Но осталось их всего тринадцать человек.

Ликунов заметил три пристанционных домика, приказал занять их и готовиться к обороне.

Атаки фашистов начались почти сразу. Против тринадцати наших бойцов в бой пошла рота гитлеровцев. Сутки отбивали атаки врага ликуновцы. Враги предлагали комсомольцам сдаться в плен — в ответ звучали выстрелы.

Вскоре выстрелы прекратились — кончились боеприпасы. Гитлеровцы подобрались к домам, где засели отважные советские солдаты, и подожгли их. Ликуневцы погибли все. А в это время полк спешил им на помощь. Когда гвардейцы заняли станцию, они увидели три дгорающих дома и трупы гитлеровцев вокруг них.

31 марта 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР тринадцати отважным воинам присвоено звание Героя Советского Союза. В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранится боевое знамя 130-го гвардейского стрелкового Краснознаменного ордена Суворова Штетинского полка, с которым воевала рота ликуновцев. Но о героях-комсомольцах известно мало.

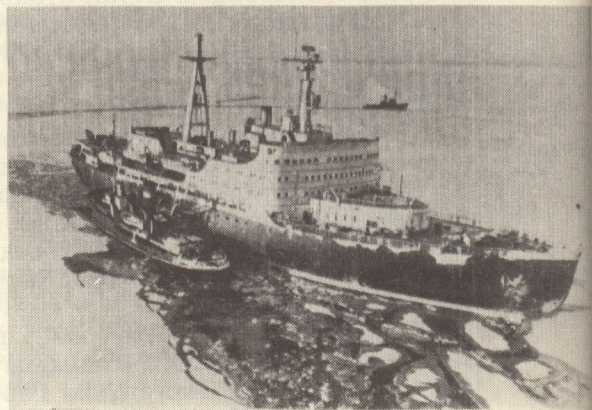
Ребята! Найдите родных и знакомых бойцов из роты Ивана Ликунова, запишите их рассказы и пришлите нам.

Расскажите нам о подвигах комсомольцев — ваших родных и знакомых.

Б. АЛМАЗОВ

СКВОЗЬ НОЧЬ И ЛЕД

*Атомоход «Ленин» среди льдов.
Идет высадка экипажа
станции «Северный полюс-10».*

Во всем мире лишь несколько атомных кораблей, а ледоколы атомные есть только в нашей стране. Наш первый орденоносный атомный ледокол «Ленин» уже давно сражается со льдами в океане. Новый флагман ледокольного флота «Арктика» готовится сейчас к работе.

«Арктика» начнет таранить лед в год особенный. Семьдесят пять лет назад в плавание вышел первый в мире ледокол. Это был русский корабль «Ермак».

«Ермак» создавался по проекту замечательного ученого, адмирала Макарова. Великий исследователь собирался достичь на нем Северного полюса. А строили ледокол в Англии. Почему? Да потому, что для строительства ледокола даже сейчас нужны усилия всей экономики страны. И когда в 1923 году рабочие Балтийского завода отремонтировали один из ледоколов, об этом, как об огромной победе, телеграфировали Владимиру Ильичу Ленину...

Сейчас ленинградские рабочие построили корабль, равного которому нет.

ЭТО СЕВЕР!

Наша страна по площади больше Европы в два раза, в три раза больше Австралии и лишь немного уступает Африке! Однако

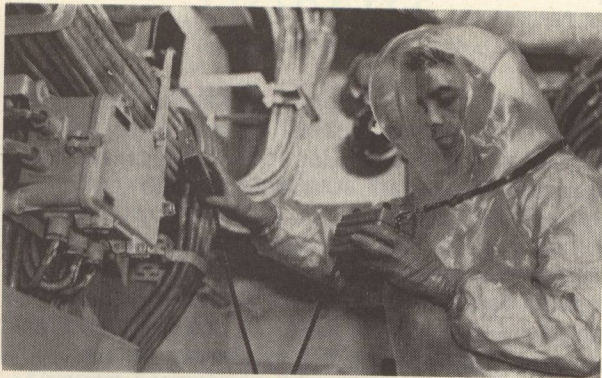
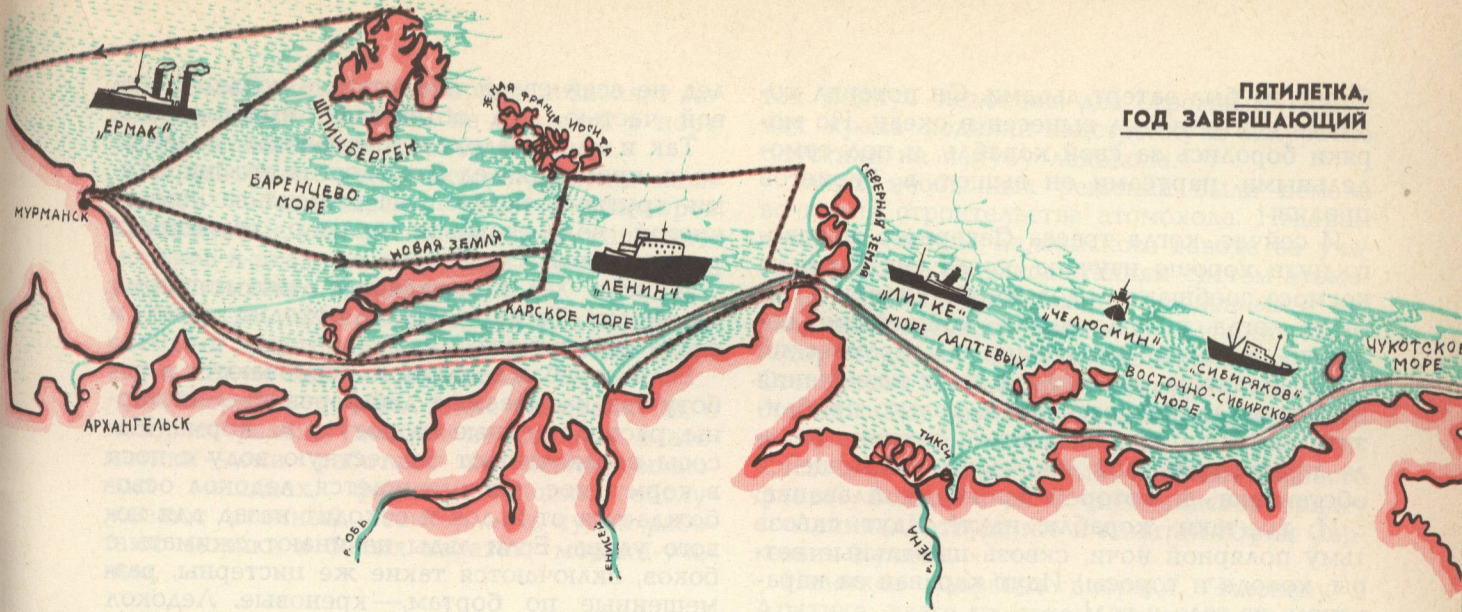
треть наших просторов труднодоступна, потому что это царство льдов — Север.

Неизмеримы трудности, с которыми сталкивается человек в северных морях. «Ермак», на который возлагали такие большие надежды, не смог пробиться дальше Шпицбергена. Он получил тяжкие повреждения.

Северный морской путь — это около шести тысяч километров среди льдов! И на протяжении всего пути корабль подвергается таким перегрузкам, что, по меткому выражению замечательного кораблестроителя, академика Крылова, «странствие его можно сравнить с путешествием стальной заготовки по прокатному стану».

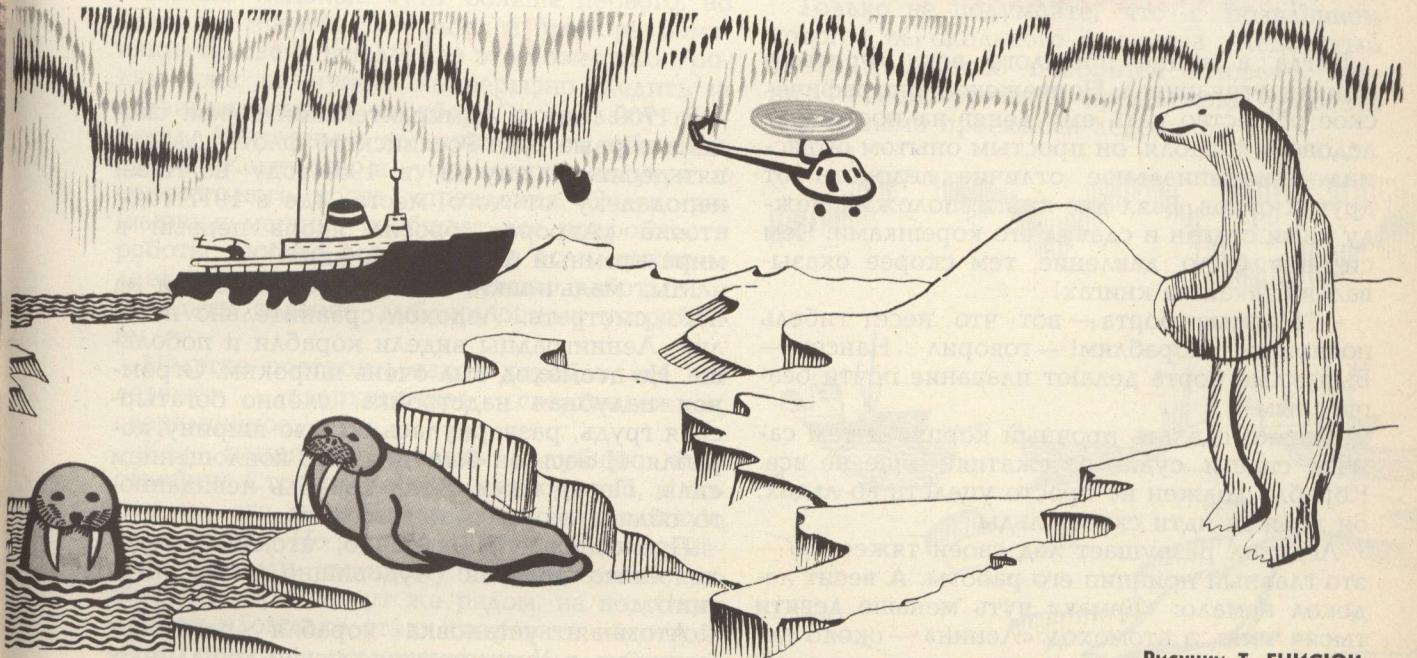
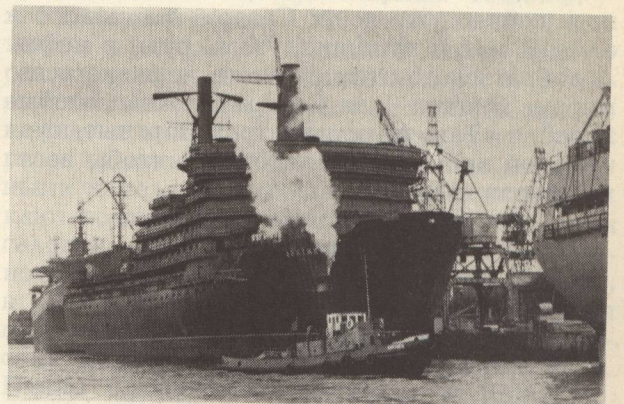
Только в 1934 году удалось пройти Северным морским путем в одну навигацию, без аварий: знаменитый капитан Н. Николаев провел сквозь льды, с востока на запад, ледорез «Ф. Литке».

За год до этого льдами был раздавлен «Челюскин», в 1932 году героический «Си-

На атомных ледоколах
обеспечена безопасность экипажа.
Техники-дозиметристы
постоянно следят
за уровнем радиации в помещениях
атомного ледокола.

Еще совсем недавно «Арктика» вот так стояла у стенки
Балтийского судостроительного завода.

Рисунки Т. ГНИСЮК.

биряков» был затерт льдами. Он потерял ходовые винты и был вынесен в океан. Но моряки боролись за свой корабль, и под самодельными парусами он вышел в Берингов пролив.

И сейчас, когда трасса Северного морского пути хорошо изучена, когда спутники из космоса сообщают ледовую обстановку и погоду, когда у полярников мощнейшие корабли, каждая навигация — героический труд. Недаром прибытие в порт назначения на Севере можно рассчитать только приблизительно: при всей нынешней технике нельзя предугадать той ежечасно меняющейся обстановки, в которой проходит плавание.

И все-таки корабли идут! Идут сквозь тьму полярной ночи, сквозь шквальные ветры, холода и торосы! Идут караван за караваном, из года в год!

Зачем? Может быть, не стоит тратить миллионы на освоение Арктики, рисковать кораблями и людьми? Может быть, признать вслед за английскими справочниками прошлого века, что «северные моря для судоходства непригодны»?..

Крайний Север исследован не до конца, но и сейчас уже ясно: Север — это золото и алмазы, лес и пушнина, уголь, руда и нефть. А добраться до этих богатств дешевле всего морем. Значит, для Севера нужны особые корабли. Так родились транспортные суда высокой прочности и ледоколы, чтобы вести их сквозь льды.

ЧТО ТАКОЕ ЛЕДОКОЛ?

Когда в конце прошлого века Фритъоф Нансен уговаривал Норвежское географическое общество дать ему денег на постройку ледового корабля, он простым опытом объяснил принципиальное отличие ледокола от других судов. Взял две книги, положил между ними стакан и сдвигал его корешками. Чем сильнее было давление, тем скорее оказывался стакан на книгах!

— Прямые борта — вот что несет гибель полярным кораблям! — говорил Нансен. — Выпуклые борта делают плавание почти безопасным.

Однако сделать прочный корпус и тем самым спасти судно от сжатия — еще не все. Корабль должен не просто уцелеть во льдах, он должен идти сквозь льды.

Ледокол разрушает лед своей тяжестью — это главный принцип его работы. А весит ледокол немало: «Ермак» чуть меньше девяти тысяч тонн, а атомоход «Ленин» — около двенадцати тысяч! И хотя ледокол давит на

лед не всей своей тяжестью, а только носовой частью, лед обычно не выдерживает.

Так и идет ледокол, раскраивая ледяные поля, проминая лед и раздвигая его широкими крутыми бортами. И следует за ним по чистой воде караван тяжело груженных транспортных судов.

А если лед не поддается даже мощному ледоколу? Тогда ледокол отходит назад и снова таранит лед.

Если корабль заклинило, включаются в работу так называемые дифференциальные цистерны, расположенные на носу и на корме. Насосы перекачивают балластную воду с носа в корму, нос приподнимается, ледокол освобождается от льдов и отходит назад для нового удара. Если льды начинают сжимать с боков, включаются такие же цистерны, размещенные по бортам, — креновые. Ледокол кренится, покачивается, и будто плечами расталкивает бортами наползающие льды.

Так корабль освобождается из ледового плена.

Сколько же энергии нужно ледоколу? Мощный ледокол тратит сотни тонн жидкого топлива в сутки. Запасов ему хватает ненадолго. А потом? А потом нужно заходить в порт. Но пока еще на Севере порты расположены очень далеко друг от друга и дойти до них в тяжелых льдах трудно, а порой нельзя бросить во льдах караван судов. Вот почему нужны такие ледоколы, которые могли бы долгое время плавать, не заходя в порт. Вот почему ученые и конструкторы ледоколов решили использовать энергию атома.

ПЕРВЫЙ АТОМНЫЙ

В 1709 году с Адмиралтейской верфи сошли первые суда Российского флота. Двести пятьдесят лет спустя, в 1959 году, на Неве, неподалеку от того места, где в 1917 году стояла «Аврора», бросил якорь первый в мире атомный ледокол «Ленин».

Мы, мальчишки, всем классом бегали на него смотреть. Ледокол сравнительно невелик. Ленинградцы видели корабли и побольше. Но атомоход был очень широким. Огромная палубная надстройка, словно богатырская грудь, развернулась во всю ширину корабля. И весь он был для нас воплощением силы. Перед нами стоял корабль невиданного облика, корабль нового типа.

Прежде всего, конечно, атомный ледокол — это энергия! Чудовищно много энергии!

Атомная установка корабля развивает мощность в сорок четыре тысячи лошадиных

сил. Новый источник энергии позволяет ледоколу долгие месяцы не заходить в порт, вести титаническую борьбу во льдах.

На атомоходе два реактора. Десятки механизмов обеспечивают работу реакторов. Специальные устройства надежно защищают моряков и океан от опасности облучения или радиоактивного заражения.

Атомный ледокол разделен водонепроницаемыми перегородками, и это обеспечивает его высокую непотопляемость.

На корабле теперь такие специалисты, о которых раньше вообще не слыхали. Математики — они работают на счетно-решающих машинах, физики-атомщики обслуживают атомный реактор... На судне работают моряки в белых халатах, моряки-ученые.

НОВЫЙ ФЛАГМАН

Когда всматриваешься в силуэты этих двух кораблей — «Ленина» и «Арктики», — видишь, как они похожи.

— Еще бы им быть непохожими, — говорят инженеры. — Новый ледокол — сын, можно сказать, первого атомного. Они и на «Ермака» похожи: «Ермак» — их дедушка!

Степан Осипович Макаров разработал основные принципы устройства ледокола, однако он, конечно же, не мог предвидеть, каким станет полярный корабль в наше время. Атомоход «Ленин» был первым таким кораблем в мире. На «Арктике» новые, современные принципы еще более усовершенствованы.

Новый ледокол чуть больше первого, но намного мощнее. Машины и приборы заменяют человека всюду, где это возможно. Людям уже не нужно непрерывно следить за главными узлами корабля. Это делают приборы. Вахтенным не приходится обходить судно. Контроль и управление ведутся с центрального поста управления. Счетно-решающая машина сообщает все подробности работы любого механизма, а если нужно — дает команду изменить режим работы или передать задание дублирующему устройству.

Нелегко построить такой корабль, где все «сверх» — сверхпрочное, сверхнадежное, сверхмощное...

Как, например, ставить палубную надстройку? Строить корпус, как обычно, а потом на его палубе возводить пятиэтажную надстройку? Но на это нужно много времени! Строили по-иному. Одновременно со сваркой корпуса тут же рядом, на подготовленной площадке стали сваривать надстройку со всеми ее помещениями. Когда был го-

тов корпус ледокола, два огромных плавучих крана подняли надстройку и аккуратно опустили на палубу ледокола.

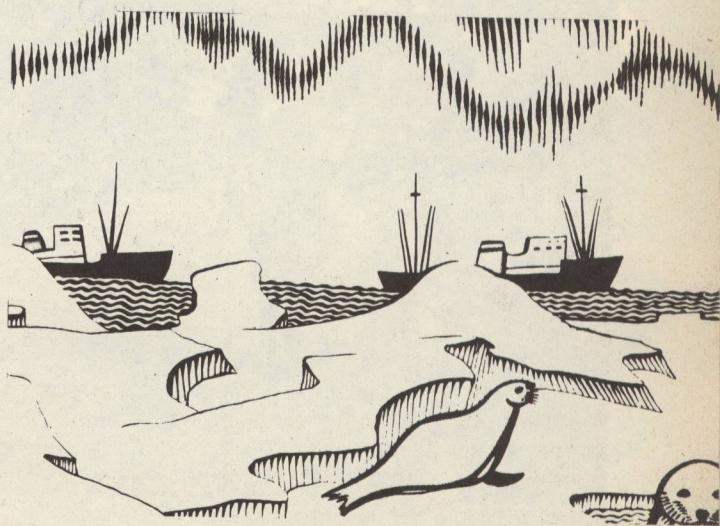
Таких необычных решений было немало во время строительства атомохода. Недаром лучшие мастера Балтийского завода за участие в монтаже и испытаниях систем атомохода «Арктика» награждены орденами и медалями Советского Союза. Среди них — бригадир судовых слесарей-монтажников Петр Степанович Бондарев и четыре члена его бригады. Им вручены ордена Трудовой Славы III степени.

Кто же поведет новый флагман ледового флота? Большая часть специалистов придет с «Ленина», оттуда же и капитан Юрий Сергеевич Кучиев.

Нелегкое плавание впереди. Человеку в Арктике даже на таком замечательном корабле трудно! Морякам придется преодолевать полярные льды, идти сквозь бураны в полярную ночь.

На долгие месяцы будут отрезаны моряки от внешнего мира. Поэтому вместе со строителями над оснащением корабля работали врачи, психологи, художники... Ледокол — это плавучий город, 1 285 помещений! И все-таки в длительном плавании людям тысячу раз придется рассматривать одни и те же картины на стенах, сидеть в одних и тех же комнатах отдыха... Все это учли конструкторы и художники. Каюты отделаны деревянными панелями, окрашены в мягкие тона. В кают-компани, в шахматном и курительном салонах — большие панно. Панно в шахматном салоне рассказывают об истории шахмат, в кают-компани на стене — многокрасочная повесть о русском флоте, от первых петровских парусников до гигантов наших дней. Панно сделаны так тщательно и подробно, что их можно рассматривать часами...

Только не подумайте, что с появлением нового ледокольного флагмана Ледовитый океан полностью покорится человеку. Ученые и конструкторы продолжают работать над новыми проектами ледоколов.

Мальчишки всех городов мира похожи друг на друга.

МАРСЕЛЬ— ПОРТ ДРУЖБЫ

Если тебе зададут вопрос, какие французские города ты знаешь, то первым ты назовешь, конечно, Париж — столицу Франции. А вторым? Тут ответы могут быть самыми разными. Но скорее всего ленинградские школьники назовут Гавр, одесские — Марсель, волгоградские — Дижон, ярославские — Пуатье, сочинские — Ментон. Почему?

Потому что многие советские и французские города побратались в грозные годы Великой Отечественной войны, когда обе страны сражались против одного и того же врага — фашизма.

В 1944 году жители города Дижона в знак солидарности вручили сталинградцам эмблему своего города — «Большой меч».

А сейчас советских и французских городов-побратимов больше ста. В этой семье Марсель занимает особое место.

Этот город послал в 1792 году отряд добровольцев в революционный Париж с Марсельезой на устах. Потом она стала национальным гимном Республики.

У французской Марсельезы были русские «сестры». В конце XIX века на мотив Марсель-

*Кончились уроки,
и тихая зеленая улица
наполнилась
ребячьими голосами.*

Фотографии Д. УХТОМСКОГО.

Марсель. Город, на улицах которого пахнет теплым, ласковым морем.

Старый докер провожает корабли в дальний путь.

бинат. И не случайно именно в Марселе проводилась первая встреча представителей французских и советских городов-побратимов.

Вот почему нам хочется, чтобы вы, наши читатели, увидели эти улицы, на которых пахнет теплым морем, взгляделись в лица наших друзей, тех, кто своими руками крепит дружбу наших стран.

Н. РАЗГОВОРОВ.

езы русские революционеры складывали свои песни — «Рабочие марсельезы». И это свидетельствует о том, как глубоко наши духовные связи. «Рабочие марсельезы» как бы проложили дорогу «Интернационалу», родившемуся во Франции и со всей силой прозвучавшему в нашей стране, на родине Великого Октября.

Марсель, крупнейший порт Франции, как ладонь дружеской руки, протянутой к Советскому Союзу. У причалов Марселя швартуются советские торговые корабли. С марсельской судостроительной верфи сходят суда, построенные и по заказу нашей страны. В марсельском городе-спутнике Фос при участии Советского Союза строится крупный металлургический ком-

Этот веселый пес давно живет в порту и знает здесь каждый уголок.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Первые страницы Красной тетрадки

Н. НАДЕЖДИНА

Что такое Красная тетрадка? Подробно об этом можно прочесть в № 7 «Пионера» за 1974 год (Н. Надеждина «Красная книга тревоги»). В Красную книгу Международного союза охраны природы записаны тигр, белый медведь, черный журавль и другие звери и птицы, которые стали настолько редкими, что могут исчезнуть совсем. Страна, на территории которой они обитают, несет ответственность за их сохранение перед всем человечеством.

Красная тетрадка — младшая сестра **Красной книги**. Красные тетрадки ведут ребята с добрым, смелым и чутким сердцем, готовые встать на защиту живой жизни, будь то зверь, птица, лягушка, бабочка, дерево, цветок. Из ребячьих записей, напечатанных в «Пионере», сложится всесоюзная Красная тетрадка о том, что сделали для охраны природы дети Советской страны. Вот ее первые страницы.

Обсудив на собрании нашего школьного лесничества «Сибирский берендей» статью Н. Надеждиной, мы приняли сигнал тревоги, решили завести Красную тетрадку.

Живем мы в тридцати километрах от центра Новосибирска, на берегу Обского водохранилища, в Академгородке. В нашей 162-й школе членами Общества охраны природы состоят все ребята с третьего по десятый класс. Началось с маленького кружка, но с помощью старших берендеев, учителей и ученых, мы выросли в школьное лесничество, которому в лесопарковой зоне выделен участок в сто гектаров.

Недаром нас зовут берендеи, мы любим лес и бережем его — от могучего кедра до маленькой травинки. Если затлелась лесная подстилка, наши дозорные предупредят пожар. Если машины портят посадки, наш зеленый патруль тут как тут. У нас никому не позволяют вынести из леса букет редких теперь огоньков.

Зимой мы подкармливаем птиц и белок, и они, чувствуя доброе отношение человека, стали совсем ручными. Согласно последней переписи лесного населения, которую проводил с пятью дозорными Дима Ильенков, у нас на участке 9 синичников, 16 бельчатников, 27 муравейни-

ков, 60 кормушек, 301 скворечник, 146 птичьих гнезд.

Наш Академгородок разрастается, но строители и ученые заботятся о том, чтобы он остался городом берендеев, где живут в дружбе люди, птицы и звери. И мы, младшие берендеи, обещаем сохранить эту дружбу. Мы хотим, чтоб всегда на улицах нашего города пахло сосновой хвоей, под окнами слышалось птичье пение, у крыльца встречались следы зайца и чтоб белки доверчиво брали корм из рук.

По поручению школьного лесничества «Сибирский берендей» лесничий, ученик 7-го класса Слава Перескоков. Преподаватель биологии К. А. Коробасов.

Тем, кто захочет подробнее познакомиться с опытом сибирских берендеев, сообщаем их адрес: Новосибирск, 90, Академгородок, 162-я средняя школа. Школьное лесничество «Сибирский берендей».

А теперь прочтите письмо ребят, побывавших летом в пионерском лагере «Дружба» Кусковского химзавода.

ТЕТРАДКА-ЭСТАФЕТА

Восемь лет мы охраняем наш заповедный лес с речкой Ведомкой, очищаем его от сушняка, пропальваем ряды молодых елочек, огораживаем муравейники и наносим их на карту.

Растут наши елочки, и мы тоже растем, в лесу мы узнали много интересного. Мы хотим и поделиться своими знаниями и узнать новое. Кто в этом поможет? Красная тетрадка!

Она должна быть в каждом пионерском лагере. И пусть она передается из смены в смену как эстафета друзей леса.

Отряд «Мечтатели», отряд «Муравейник», отряд «Отважный», Московская область.

«Сибирские берендеи», подмосковные «Мечтатели» — это все коллективы. Но есть ребята, которые и в одиночку мужественно берутся за охрану природы. В личной Красной тетрадке Лили Танана есть и выписки из полюбившихся ей книг и собственные наблюдения, рисунки, стихи. Во всесоюзной Красной тетрадке Лилины записи можно поместить и на берендеевой странице — лесной летописи, — и на муравьиной, и вместе с новосибирцами на странице троллиусов. Таково научное название цветка, который Лилия называет «купава» (европейский троллиус желтого цвета), а новосибирцы — «огонек» (азиатский ярко-оранжевый троллиус). Высоко в горах Алтая растет еще другой троллиус — голубой огонек.

У нас красиво. Есть сокровищное озеро, голубое, словно из лазурита, как море в сказке. Есть лес.

Но отряда у меня нет. Живу я в пустом поселке, два километра от деревни. Школьные девочки сюда не захаживают. Ваше задание про Красную тетрадку аккурат мне. И взялась я за лес одна.

Очистила от хвороста пятьдесят квадратных метров леса. Замазала трещины и раны на коре деревьев.

Сочла пятьдесят муравейников, нанесла на карту, начинаю их огораживать. С муравьями дружу с пяти лет. Работают они отлично. Но есть ребята, которые не приносят муравьям добра. По обходу леса заметила: кто-то положил у муравейника бутылку, я эту ловушку изничтожила.

Кто живет в нашем лесу? Заяц-беляк, по моим наблюдениям, он зимой белый. Белка, я ей дала прозвище «сосновка», потому что чаще всего вижу ее на сосне. Лисица-одиночка, видела ее всего два раза. Но одного большого лисенка я вылечила, взяв к себе домой, а потом выпустила. Лягушка-поскакушка потому, что за день делает большие пробеги. Лоси. Ежики. Хорьки. Со всеми этими зверями, а также с птицами — глухарями, тетеревами, дроздами, кукушками, сороками, совами, филинами, грачами — я лично знакома.

От людей знаю про волков и рысь, с ними не встречалась.

Раньше у нас было много весенних цветов купав, медуниц, сон-травы. Теперь они стали редкими. Но я знаю поляну купав и буду ее сберегать.

Лилия Танана, 12 лет.
Челябинская область,
Каслинский район,
село Ларино.

В одиночку взялась защищать бабочек и другая девочка — СВЕТА ГРОСС.

Прошлым летом я была на Кавказе в лагере Мангышлак. Там над цветами летали красивые бабочки, даже сам кавалер махаон. Сперва ба-

бочек было много, а в конце потока стало очень мало. Потому, что за ними охотились все — и мальчики и девочки. Я просила девочек всего отряда не ловить бабочек, их можно запомнить и в полете или собирать картинки с бабочками. Зачем же таких красавиц накалывать на булавки?

Девочки меня не слушали, говорили: «Если мы поймем по одной из каждого вида, их не убавится. Мы знаем, что делаем, а ты помолчи».

Мне было очень обидно. С тех пор девочки стали надо мной смеяться, меня обзывать. И неправда, что они ловили по одной. Они хватили за крылышки, пыльца опадала, и, выбросив бедную бабочку, шли охотиться за новыми.

Я не могла этого вынести и продолжала борьбу. Некоторые меня послушались. Но одной так трудно. И опять скоро лето. Как убедить ребят, чтобы они не ловили красивых бабочек, которые опыляют цветы?

Света Гросс,
Гурьевская обл.,
поселок Ергалиево.

То, что Свете удалось убедить некоторых девочек, — ее первая личная победа. А теперь, когда в Красной тетрадке открылась страница кавалера махаона, мы уверены, что Света не будет одна. Найдутся у нее друзья, мальчики и девочки, которые возьмут под свою защиту ставших редкими красивых бабочек — и махаона, и адмирала, и траурницу, и крапивницу, и павлиний глаз.

Свои трудности и у ученика третьего класса ВАЛЕРЫ БУТАКОВА, письмом которого мы открываем в тетради новую страницу.

Хотел я организовать школьное лесничество, да человек у нас мало. И я организовал юннатскую команду. Всего человек четверо, два по кормушкам. Я — командир. Хочу еще взять Сережу из Онеги. Другие неподходящие. Есть даже враги. Хотели сломать лесную кормушку, да у них не вышло. И корма для птиц мало. Что делать?

Валера Бутаков,
Онежский район,
деревня Лялица,
Архангельская область,

Мы желаем Валере, чтобы его птичья команда окрепла и разрослась. Весной и летом ей предстоит очень важная работа по охране птичьих гнезд.

Насчет кормов вопрос серьезный. Мы расскажем об этом в одном из номеров.

А сейчас познакомьтесь с ЛАРИСОЙ ШМОНИНОЙ. В ее Красной тетрадке записи о бобрах, лосях, оленях, волках, сделанные во время экскурсии в Мордовский заповедник. Лариса начинает нашу новую, ежеикову, страничку.

Говорят: на то он и еж — в руки не возьмешь! Но ежи не всегда колючие. Родятся они с мягкими иголками.

У нас в сарае поселилась семья ежей. Они к нам привыкли, и за ними можно было наблюдать часами. Ежиха не отходила от малышей, кормила их молоком. Кожа с иголками у них очень подвижная. Они выдвинут иголки вперед и толкают друг друга, играют. Мать не мешала им. Играя, они станут сильней.

Лариса Шмониная, 14 лет,
г. Рузаевка,
Мордовской АССР.

Мы не случайно открыли ежеикову страничку. Слишком часто ребята ловят ежей. А потом ночной зверь и всех мучает в городской квартире и погибает сам. Можно летом на огороде, на окраине лагеря ставить ежам блюдца с молоком. Но не держите их в неволе. И ежу нужен лес, и лесу нужен еж.

И последняя в этом номере страница Красной тетрадки посвящается муравьям. О них есть записи во многих ребячьих Красных тетрадках. Мы печатаем наблюдения ЛЮБЫ ДРАБКОВОЙ.

Чем чаще я читаю про муравьев, чем дольше их наблюдаю, а я могу это делать часами, тем больше на них удивляюсь. Какой строгий порядок в высотном доме из хвоинок, где живут в маленьком муравейнике двести тысяч, а в большом более миллиона муравьев! И все знают свои обязанности, и лентяев здесь нет. Есть муравьи-няньки, которые заботятся о личинках, есть муравьи-добытчики, строители, ремонтни-

ки. Думаю, что муравьи охотно нападают на гусениц потому, что у гусениц нежная кожа. Но им нравится и малина. Когда я положила на муравейник несколько ягод, муравьи их быстро разделили на дольки и унесли в подземные ходы.

Одну муравьиную загадку я до сих пор не могу разгадать. Почему на всех муравейниках лежат кусочки смолы? Может, они препятствуют загниванию хвоинок, из которых сложен муравьиный высотный дом? Кто мне ответит?

Люба Драбкова,
с. Апанно-Ключи, Абанский район,
Красноярский край.

Может, кто-нибудь из ребят ответит на вопрос Любы? Может, у вас есть другие вопросы, на которые вы сами не можете ответить? В помощь ребятам, которые ведут Красные тетрадки, мы будем печатать рассказы ученых об отдельных животных и открываем Лесное справочное бюро «АУ!».

Присылайте нам свои записи. Заполняйте уже открытые страницы Красной тетрадки! Открывайте новые страницы!

В Московском государственном университете висит плакат с призывом охранять печеночницу — наш нежный синий подснежник.

И вы нарисуйте для своей школы плакаты с синим подснежником, сон-травой, медуницей, трюлиусами, лютиками, ландышами — убедите ребят не срывать эти ставшие редкими чудесные весенние цветы.

А кто из вас первым откроет лягушину страничку, возьмет под свою защиту неутомимую охотницу за комарами?

Придумывайте сами названия и девизы своим отрядам. Пишите и о том, за что вы полюбили лес, что в нем поразило вас своей красотой.

Ставьте на конверте пометку «Красная тетрадка».

ОТ РЕДАКЦИИ.

По предложению журнала «Пионер» Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина наградил за большую работу по охране природы и участие в операции «Красная тетрадка» следующие коллективы: школьное лесничество «Сибирский берендей» 162-й средней школы, г. Новосибирск; пионерский лагерь «Дружба» Кусковского химзавода, Можайский район, Московская область;

пионерский лагерь «Лесная сказка» Теплово-строительного завода, г. Коломна, Московской области;

отряд юных лесоводов средней школы деревни Короватичи, Гомельская область, Белорусской ССР;

отряд «Голубой патруль» школы № 4 г. Ногинска, Московской области.

«Март уже кончается, — подумала Калинка, на секунду оторвавшись от конспекта по астрономии, — скоро, всего через три недели, экзамены на пятую ступень Академии, а мне еще надо тридцать три книжки прочитать и английским основательно заняться».

Она отложила в сторону свою ручку-скорописку и хотела было включить магнитофон с очередным уроком английского, как вдруг зеленый глазок приемника резко вспыхнул, и медный ключик телеграфной приставки сам собой повернулся и застрекотал точки, тире. Калинка накручивала и накручивала тонкую телеграфную ленту, а она все не кончалась.

«Точка — точка — тире — точка — тире — точка... Калинка-а-а! Мы тебя не видели три месяца. И четверть у нас кончилась. И табели с пятерками — четверками получили. И уже каникулы первый день. А тебя все нет. Мы соскучились! Прилетай, пожалуйста. Не нужны нам ни выкройки джинсов, ни рецепты пирогов, ни схемы транзисторов. Просто мы очень соскучились по тебе. Все впятером готовим твой любимый обед. Ждем тебя к трем часам».

Лёка, Марина, Алеша, Боб и Чубчик».

— И Чубчик, — засмеялась Калинка. — И Чубчик! Чубчик особенно умеет готовить обед. Сидит на пороге кухни, поглядывает на всех хитрющими глазами и как услышит: «Морковка... сухарики... косточка...» — начинает лаять и требовать: «Мне скорее морковку».

Калинка накрутила ленту на блестящую коробочку микрофона и вздохнула:

— Соскучилась я тоже. Можно ли было представить в тот давний предновогодний вечер, когда по дороге на Сахалин я забросила фантазерам-мечтателям из дома № 25 по Речной улице свою зеленую экспресс-телеграмму, что так подружусь с ними. Сложны человеческие отношения. Один и хорош и наделен всеми прекрасными качествами, да не нужен, неинтересно тебе с ним, а без другого жить невозможно. И прощаешь такому необходимому тебе человеку слабости его, и на черты его характера, даже не очень-то приятные, внимания вроде бы не обращаешь... Лёка вон какая строптивая... А Марина? Медлительная и с лентой. Про Боба и говорить нечего. Хвастун и приврать иногда любит. Алеша вдруг может сорваться и непременно вяжется в драку... Но не могу без них. Скучаю. Так бы бросила все и полетела к ним. Тем более и конспекты свои с вышивками нашла. Ре-

бята еще осенью просили научить их вышивать...

Калинка собрала телеграфную ленту в тугой пучок, решительно крутанулась на круглой красной табуреточке и взяла «план 23—24 марта».

— Так. Если я заставлю себя собраться и выучить пятьдесят английских слов не за два часа, а за сорок минут, нет, за час десять минут. Это возможно. Прочту эти две статьи не за три часа, а за два часа пятнадцать минут. Сокращу вечернюю прогулку с двух часов до одного часа, а перерыв между часовыми занятиями с пятнадцати минут до десяти, то, пожалуй, в виде исключения... Исключения! — Сама себе погрозила пальчиком Калинка. — Я выкрою три часа... И полечу к ребятам. Скорее, скорее!!

Так и заматалась Калинка по своей комнате. Магнитофон выключила. Приемник и телеграфный аппарат поже. Ручку-скорописку убрала в футляр. Фломастеры — в коробку. Видеофон зашторила. Тетради сложила стопкой. Звукзаписывающий секретарь включила, форточку открыла, а листок с пятью десятками слов — в карман: вдруг полет будет спокойным и представится возможность наверстать полчаса, подучить слова в дороге. И тогда — ура! — можно будет побыть с ребятами не три, а три с половиной часа...

Не прошло и тринадцати минут, а Калинка уже натягивала стропы своего всегда готового к полету Кораблика. Калиновый листок летел над торосами снежных облаков, то бесстрашно зарываясь в их плотные сбитые сугробы, то снова вырываясь к солнцу, то пронизывая снежные лавины, сыпавшиеся из этих облаков. Погода там, над землей, была лыжная, снег валил сухой и обильный.

Кораблик качнулся влево-вправо и еще вправо, и Калинка улыбнулась.

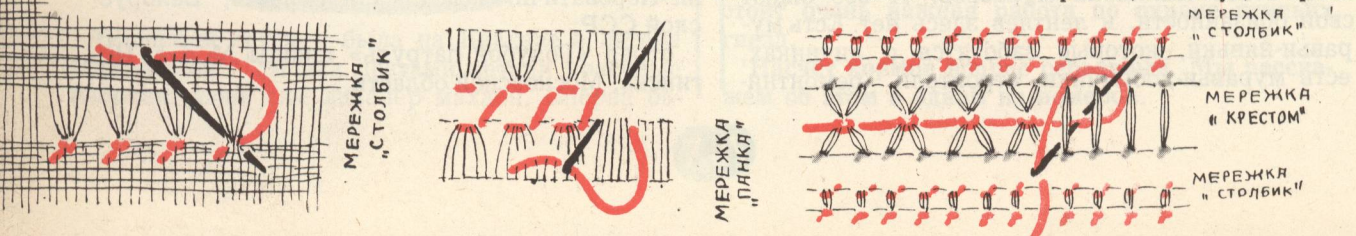
— Ты прав. Завтра и над Речной улицей пойдет снегопад. Ребята, наши ребята, пойдут по свежему снегу. Алеша, как всегда, будет прокладывать лыжню. И даже Марина не усидит дома... Ой, Кораблик! Верен ли наш курс? — Калинка внимательно посмотрела на солнце, а потом взглянула на приборный щиток. — Влево, на полградуса!

Кораблик послушно отклонился влево на полградуса, а Калинка чуть крепче натянула правую стропу.

— Теперь не зевай, Кораблик! Мы выходим на трассу ТУ-134.

Калиновый листок качнулся вправо-вправо. Все понял! Зевать не собираюсь.

— Прибавь, пожалуй, скорость

еще на три единицы. Ребята ждут нас к трем часам, осталось всего семнадцать с половиной минут.

И без того скорость была не маленькой, а теперь захотел бы ты увидеть калиновый листок с Калинкой — она почти всегда без шапочки-невидимочки летает, — так не увидел бы. Может, услышал бы только тонкий свист двигателя. Скорости!

А Калинке что! Она покрепче перехватила слопы, да уперлась каблукками своих красных сапожек, да кашпоном красного стеганого пальто поглубже надвинула. Скорости! Щеки раскраснелись, глаза смеются. Скорости!..

ВОТ И КОНСПЕКТЫ ПО ВЫШИВАНИЮ

Можно не шить новый костюм или платье, а нашить, вышить, нарисовать, приклеить свою выдумку к старому.

Для вышивания нужны: короткая иглолка с большим ушком, ножницы с острыми концами, круглые пяльцы, нитки — бумажные, мулине, шелк, шерсть.

Начиная вышивку, узелков не делаем, закрепляем нитку мелким стежком в том месте, по которому будем вышивать. Заканчивая нитку или узор, пропускаем нитку под рисунком.

В вышивке можно соединять разные швы (гладь с тамбурным швом и мережкой) или даже с кружевом (связанным собственноручно или купленным в магазине), с вышивкой бисером, аппликацией; **Владимирский шов** — односторонний (на изнанке только маленькие стежки по контуру рисунка). Таким швом удобно вышивать цветы и листья, располагаая стежки по направлению лепестков.

Гладь с настилом — выпуклый шов, подходит для некрупных рисунков. Лучше всего вышивать по тонкой плотной ткани (батист, поплин, тонкое полотно) и только в пяльцах. Сначала контур рисунка обшиваем швом «вперед иголку», потом делаем настил (можно тамбурным швом) белыми мягкими нитками — мулине, штопкой, некручеными бумажными нитками. Красивой гладь получится только при плотном, ровном настиле.

И вообще вышивание воспитывает внимание, сосредоточенность и выдержку.

Вышивка крестом. Вышивать можно по канве (канву в начале работы приметываем к ткани и рисунок наносим на канву, а в конце работы нити канвы осторожно выдергиваем). Можно вышивать и без канвы по ткани с крупным ровным плетением. По полотну или бязи вышиваем мулине в четыре нитки, размер каждого крестика — три нити ткани, по батисту — каждый крестик захватывает четыре-пять нитей ткани.

Мережка лучше всего получается по льняному полотну, или льну с лавсаном, или маркизету,

рединке. Для мережки нужны только тонкие бумажные прочные нитки № 60—80 в цвет ткани.

Аппликации из тесьмы, сутаж, шнура, разных по цвету и по фактуре, пристрачиваем на машинке или пришиваем толстой цветной ниткой. Аппликация дает возможность создавать самые неожиданные геометрические узоры.

Аппликации из лоскутков вырезаем по рисунку, приметываем к платью и пристрачиваем на машинке или пришиваем петельным швом. Добавляем вышивку стебелчатым, тамбурным швом, гладью.

Кружева вяжем металлическим тонким крючком из бумажных или синтетических ниток № 60—80. Для цветного кружева берем нитки потолще — № 30—40.

Узор 1. 1-й ряд — ровно и плотно обвязать край материала, столбиками без накида.

2-й ряд — три столбика с накидом провязать вместе, цепочка из четырех воздушных петель. Повторять до конца ряда.

3-й ряд — цепочку обвязываем столбиками без накида, на середине цепочки делаем зубчик — пико — из четырех воздушных петель.

Узор 2. 1-й ряд — как и в первом узоре.

2-й ряд — 4 столбика с двойным накидом, 3 петли воздушные. Повторять до конца ряда.

3-й ряд — столбик без накида, 2 петли воздушные, 5 столбиков с двойным накидом провязать из средней петли цепочки предыдущего ряда. Между столбиками, которые расположатся в форме веера, нужно сделать 5 зубчиков — пико — из четырех петель каждый. Повторять.

Узор 3. 1-й ряд — как в первом узоре.

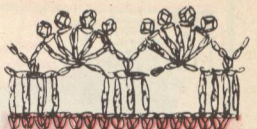
2-й ряд — 3 столбика с двойным накидом, три воздушных петли.

3-й ряд и 4-й — как второй, только 3 столбика провязываем из средней воздушной петли предыдущего ряда. Так же можно связать еще 2—3 ряда. В последнем ряду 3 столбика провязываем вместе, цепочку делаем из восьми воздушных петель.

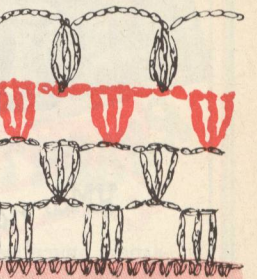
1

2

3

Расписываем рельефной пастой.

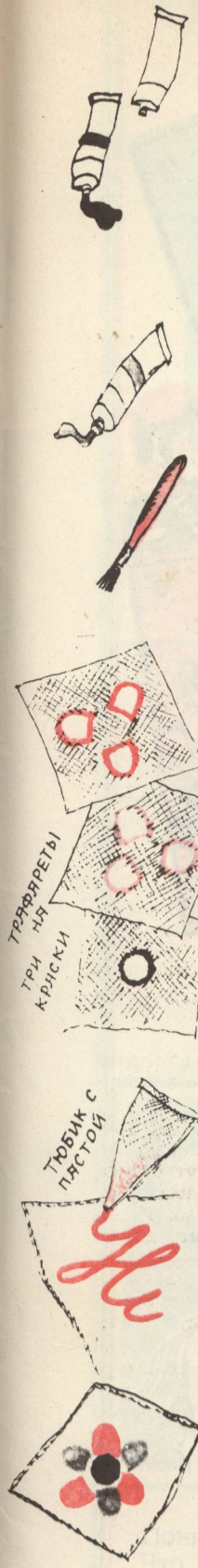
Рельефную пасту смешаем с масляной краской. Три части пасты и одну краски. Если смесь получится густой, разведем скипидаром или разогреем, опустив баночку со смесью в горячую воду. Из чертёжной кальки делаем фунтик, склеиваем его, наполняем пастой и очень острыми ножницами срезаем кончик не наискосок, а прямо. Фунтик берем как карандаш и, слегка прикасаясь к ткани, проводим линию по намеченному рисунку.

Расписываем по трафарету.

Трафарет вырезаем из плотной бумаги острым ножом, положив бумагу на стекло или керамическую плитку. Вырезанный трафарет пропарафиним — присыплем наструганной свечкой и прогладим утюгом. Масляную краску выдавим на тарелку, разведем скипидаром до густоты сметаны и, набирая на короткую, круглую, щетинную кисть, втираем в ткань, прикрытую трафаретом. Масляные краски сохнут долго: 2—3 дня.

Расписывать пастой и по трафарету можно любой материал — ситец, шерсть, полотно, клеенку, искусственную кожу. Расписанную ткань можно стирать и в холодной и в теплой воде, но только не кипятить.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

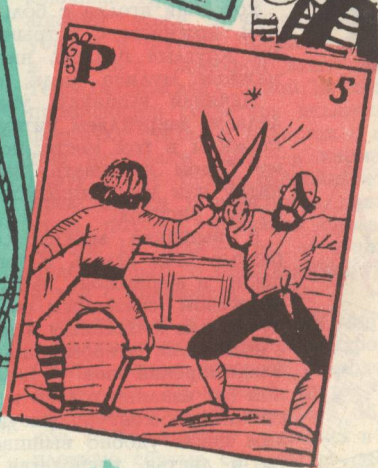
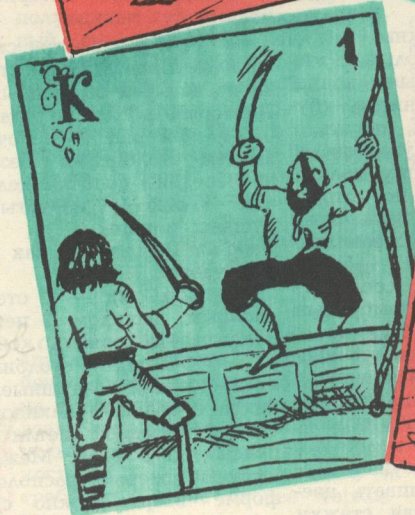
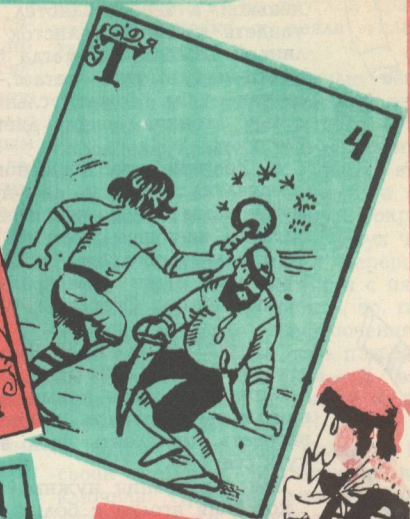

Где и когда?

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Расставьте
в правильном порядке
четыре кадра
этой схватки,
И вы узнаете мгновенно,
ГДЕ разыгралась
эта сцена,
ГДЕ бились
эти господа,
Не только где,
но и КОГДА?

ЛЕВ БРОСЕТ ВЫЗОВ

Хорошо учиться просто!
Ты у нас получишь «пять»,
Если сможешь кончик носа
Языком, как лев, достать.
Выходи на поединок!
Победит, конечно, тот,
Кто дотянется и снимок
В подтверждение пришлет.

Живживка.

СОДЕРЖАНИЕ

Здесь учился Володя Ульянов.— С. Богатырева. Фотографии В. Постникова	1
Весенний сад.— Стихи В. Фетисова	3
Нина Александрова.— Л. Матвеева	4
Саша Котов и Костя Пчелка.— Повесть Н. Александровой. Рисунки Е. Медведева	4
Салют, Победа!	
Сыны полков. Документы войны.— В. Караваев	13
Мой генерал.— Повесть А. Лиханова. Окончание. Рисунки А. Аземши	14
Боевой листок.— Рисунок А. Астрецова	30
Слушайте «Пионерскую зорьку!» — Н. Бромлей. Рисунок Е. Шабельникова	31
Награда Родины	32
Ты, я, наш отряд	
В октябрьском отряде.— Л. Прунцова. Рисунки Ю. Карповой	33
Десять радостных минут. Поверь мне! Музыка. Здравствуй! Салоги.— Стихи Н. Юрковой. Рисунки Ю. Карповой	36
Ученье — твой главный труд	
Киты, на которых стоит НОТ.— И. Голубева. Рисунки А. Грищина	38
Чудак.— Стихи Т. Когеневой. Рисунки Т. Гнисюк	41
Дым.— Стихи И. Мазнина	41
В тучу превращусь.— Стихи М. Агзама. Перевел с узбекского Ю. Кушак	41
Накануне старта.— Т. Барцева. Фото М. Успенского. Рисунки Н. Марковой	42
Перед объективом планета Земля.— Ю. В. Зонов	44
«Кораблик»	46
Верстяная грамота.— Повесть Ю. Когинцова. Окончание. Рисунки Ю. Фоменко	48
Отлунье.— Рассказ С. Романовского. Рисунок Ю. Голенкова	60
Всесоюзный сбор-поиск «Орден в твоём доме»	
Родину отблагодарить сумею...— Вл. Васенков. Рисунки С. Трофимова	62
Сквозь ночь и лед.— Б. Алмазов. Рисунки Т. Гнисюк	66
Путешествие по городам	
Марсель — порт дружбы.— Н. Разговоров. Фотографии Д. Ухтомского	70
Первые страницы Красной тетрадки.— Н. Надеждина. Рисунки А. Борисова	72
Академия домашних волшебников.— Рисунки Т. Ларионовой	76
Ума палата.— Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	78
Стартовая площадка.— Г. Коносов. Фото А. Дегена	80
На обложке:	
К далеким планетам. Рисунок Наташи Пушкиной.	

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

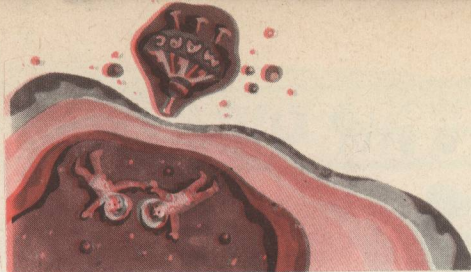
Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

© Издательство «Правда». «Пионер»; 1975 г.

Сдано в набор 24/1 1975 г. А 00786. Подписано к печати 7/III 1975 г. Формат 84×80%. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 565 000 экз. Изд. № 758. Заказ № 207.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА

Г. КОНОСОВ

Фотографии **А. ДЕГЕНА**

Вот они какие, мальчишки из школьных космических музеев! Первая конференция школьных музеев ракетной техники и космонавтики торжественно открылась в Москве в Доме авиации и космонавтики.

«Гагаринское» поле... Оно раскинулось на саратовской земле, недалеко от села Узморье. Здесь 12 апреля 1961 года приземлился первый космонавт.

Узморские ребята прямо из окон школы видели, как спускался гагаринский «Восток». А через несколько лет, 6 января 1965 года, Юрий Алексеевич Гагарин приезжал в школу. Ребята приняли его в почетные пионеры, и теперь дружина носит славное имя первого космонавта. В Узморской школе есть и уголок космонавтики. Там бережно хранится кусочек обшивки космического корабля...

Да, позавидуешь узморским ребятам! Мало кому довелось увидеть такое. Да еще получить бесценный подарок для своего музея!

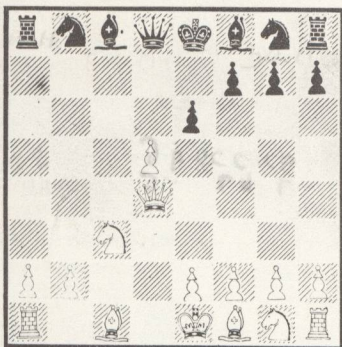
А что же делать другим ребятам, тем, что живут в далеких уголках нашей страны и тоже хотят изучать космос, больше знать о космонавтах и космических кораблях? И во многих школах создаются музеи ракетной техники и космонавтики. Первые шаги в изучении космоса, советской космонавтики делают ребята в своих музеях. И, кто знает, может быть, для кого-то они будут стартовой площадкой, помогут выбрать космическую специальность.

(Продолжение см. на IV обложке).

ПЕШКИН ОТВЕЧАЕТ

Миша и Сережа Беглые живут в селе Лучинец Винницкой области. Братья увлекаются шахматами и играют хорошо, у обоих третий спортивный разряд. Ребята прислали Пешкину начало одной из своих партий. Вот такая позиция получилась у них после пятого хода белых.

К этому положению привели ходы 1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 c7—c5 4. c4:d5 c5:d4 5. Fd1:d4.

«Как называется этот вариант, — спрашивает в своем письме Миша, — оправданно ли черные пожертвовали пешку?»

Пешкин так ответил Мише и Сереже:

— Это гамбит Шара — Генига. Шара и Гениг — шахматисты, исследовавшие эту систему игры. Пожертвовав пешкой, черные получили инициативу. Много лет назад замечательный русский шахматист А. Алехин сказал об этом гамбите: «Белые при правильной защите, несмотря на перевес противника в развитии, должны выйти из дебюта с лишней пешкой и безопасной позицией».

Дальше борьба может развиваться так: 5... Kc6 6. Fd1 ed 7. F: d5 Ce6 8. F: d8 L: d8 9. e3 Kb4 10. Cb5+ Кре7.

Пешкин советует своим друзьям внимательно разобрать этот острый дебютный вариант.

Александр Ковязин из Новосибирска написал: «Я принимаю участие в твоём конкурсе, Пешкин, но не знаю, как надо высылать решения, по каждому номеру

журнала или сразу, когда будут опубликованы все десять заданий?»

Сережа Лукомский из Читы спрашивает, надо ли в решении указывать все возможные варианты?

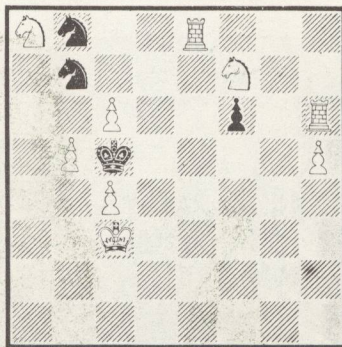
Решения надо посылать не позднее чем через месяц после получения журнала и не все варианты, а только главные: основные защитные маневры черных и атаки белых.

«Хочу научиться составлять задачи, но не знаю, с чего начать?» Такое письмо прислала Пешкину московская школьница Наташа Скворцова.

Многие ребята присылают Пешкину свои интересные задачи и этюды. Научиться этому можно, повышая уровень своей игры, участвуя в соревнованиях и самостоятельно решая различные задачи и этюды нашего конкурса.

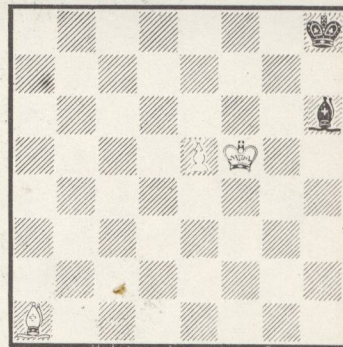
КОНКУРС ПЕШКИНА

Пешкин предлагает решить задачу ученика седьмого класса калужской школы № 4 Миши Жида. Миша серьезно занимается шахматной композицией, его задачи печатаются в областных газетах.

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

И еще одно задание: этюд, в котором на первый взгляд все ясно, но при внимательном анализе выявляются все новые и новые красивые варианты. Найдите, как, начиная игру, белые добиваются победы.

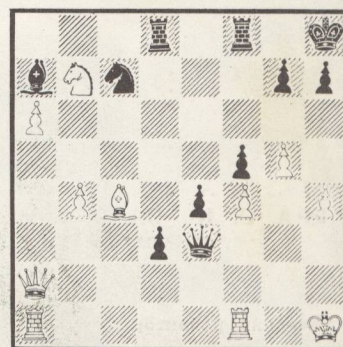

ШАХМАТНЫЕ СРАЖЕНИЯ В ВИЛЬНОСЕ

В Вильнюс на первенство СССР среди юношей и девушек приехали лучшие юные шахматисты и шахматистки страны.

После упорной борьбы почетное звание чемпиона СССР завоевал алмаатинец Женя Владимиров, среди девушек победила Наташа Ручьева из Севастополя.

Интересные партии провел самый юный участник турнира, одиннадцатилетний кандидат в мастера Гарик Ванштейн из Баку. Вот финал одного из его поединков. Белыми играл рижский школьник Зенонас Эйнорис.

Положение белого короля надежно, и Гарик отлично использовал свой перевес. Последовало: 34... d2! 35. Kph2 (грозил мат ферзем на h3) 35... Ad3! 36. C: d3 F: d3 37. Фа3 F: a3 38. L: a3 e3 (марш черных пешек теперь решают) 39. Laa1 e2 40. Lh1 Le8 (черные не горопятся, их пешки неудержимы) 41. Kd6 e1F 42. K:e8 Ff2+. Белые сдались.

31

Сейчас в стране почти полтысячи таких музеев. И хотя ни в одном больше нет такого замечательного экспоната, как в Узморской школе, школьные музеи славятся другими редкими документами и материалами.

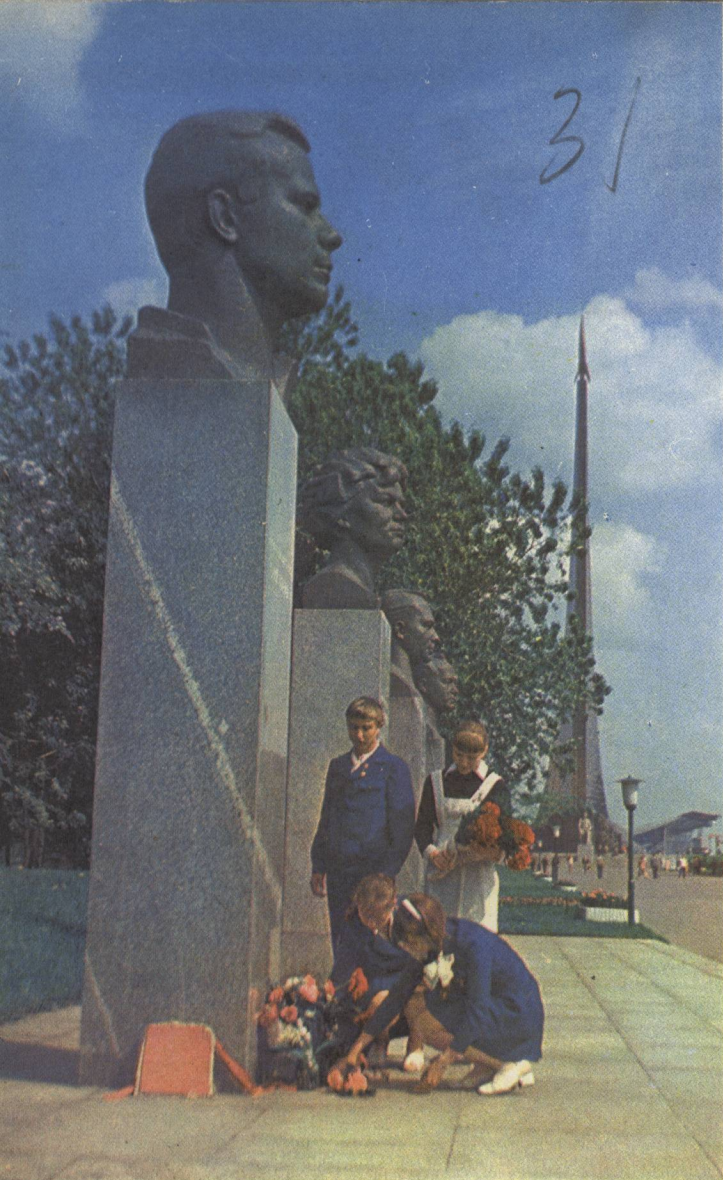
Вот, например, ребята из подмосковного города Нахабино узнали, что недалеко от их города был самый первый в стране экспериментальный космодром. До войны здесь работала группа изучения реактивного движения (ГИРД). Здесь были запущены в небо первые ракеты на жидком топливе! Ребята из школы № 2 разыскали ветеранов ГИРДа и вместе с ними отправились на поиск — оказалось, что в лесу до сих пор сохранились железобетонные стартовые конструкции.

А ярославские школьники собрали много материалов о своей знаменитой землячке Валентине Владимировне Николаевой-Терешковой. Где сейчас увидишь парашют, с которым тренировалась Валентина Владимировна? В музее 32-й школы! И еще много интересного в этом музее — недаром в нем побывало уже четыре тысячи человек!

Жизни и подвигу летчика-испытателя Григория Яковлевича Бахчиванджи посвящен музей школы № 60 города Свердловска. Здесь, над уральской землей, взлетел в небо первый в мире самолет с реактивным двигателем... В музее собраны редкие документы по истории советской реактивной авиации.

У ребят из Кудымкарской школы № 9 Пермской области нет знаменитых земляков. И все же ребята недаром называют себя гагаринцами: в школе открыта комната-музей Ю. А. Гагарина, каждый год проводится Гагаринская неделя, конкурсы на лучшее сочинение и рисунок о покорителях космоса...

Из года в год богатеют витрины и стенды школьных музеев, а значит, ребята все больше узнают о космосе, об истории ракетной техники, о достижениях нашей страны.

Москва, аллея Космонавтов.
Сюда, к монументу покорителям космоса,
пришли ребята из школьных музеев.

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА

Рисунок
Юли Мишиной
«Черные тени
лунных гор».

